

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2023**

1

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнардов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryshchenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berebekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2023-1

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издаётся с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 1 (217) 2023 г.

Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 1 (217) 2023

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Акимов Р. А., Бабаева Д. П. Смысл жизни человека (теоретический анализ понятия)	4
Иванов В.Н. Военная культура: философско-антропологический ракурс исследования	12
Иванова А.И. О роли религиозного символа в изучении сущности человека: Поль Рикёр.....	17
Исаева А.М. Традиционный свадебный обряд чеченцев: историко-культурологический анализ	24
Мамонов В.В. Эволюция как проблема современной христианской мысли	30
Перекрестова А.В. От Пифагора к Евклиду: понятие «точка» как феномен синтеза математики и философии	40

Akimov R. A., Babaeva J. P. The Meaning of Human Life (Theoretical Analysis of the Concept)	4
Ivanov V.N. Military Culture: Philosophical and Anthropological Perspective of Research	12
Ivanova A.I. On the Role of a Religious Symbol in the Study of the Essence of Human: Paul Ricoeur	17
Isaeva A.M. The Traditional Wedding Ceremony of the Chechens: Historical and Cultural Analysis	24
Mamonov V.V. Evolution Issue in a Modern Christian thought	30
Perekrestova A.V. From Pythagoras to Euclid: the Concept of "Point" as a Phenomenon of Synthesis of Mathematics and Philosophy ...	40

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

Габарашвили Г.Д. Особенности провинциальной политики императора Адриана	49
Гаврилов С. Н., Криворотова А. А. Текстовые средства распространения реформационных идей в обществе Англии середины XVI века	56
Гомелева Е.В. Нормативно-правовые акты, регулирующие государственно-церковные отношения советского периода	63
Карнаухова О.С., Пономарева Ю.В. Экономическая дипломатия Армении и Казахстана в контексте теории взаимозависимости	71
Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Малявина А.Б. Уголовно-правовая политика Третьего рейха как фактор укрепления нацистского режима	80

Gabarashvili G.D. Features of the Provincial Policy of Emperor Hadrian	49
Gavrilov S. N., Krivorotova A. A. Textual Means of Spreading Reformation Ideas in the Society of England in the Middle of the 16th Century	56
Gomeleva E.V. Normative Legal Acts Regulating State-Church Relations of the Soviet Period	63
Karnaukhova O.S., Ponomareva Yu.V. Economic Diplomacy of Armenia and Kazakhstan in the Context of Interdependence Theory	71
Palamarchuk E.A., Sementsova I.A., Mal'yavina A.B. The Criminal Law Policy of the Third Reich as a Factor in Strengthening the Nazi Regime	80

Иллаба Р. Система управления Алжиром в период турецкого господства (XVI – первая треть XIX века) 87

Ilba R. The System of Government of Algeria During the Period of Turkish Domination (16th - the First Third of the 19th Century) 87

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Кислицын С.А., Фогель Е.А. Круглый стол «Донские казаки на службе Отечеству: боевые действия донских казачьих частей и подразделений во время военных конфликтов XX века» (Неклиновский район, 18 ноября 2022 г.) 92

Kislitsyn S.A., Fogel E.A. Round Table “Don Cossacks in the Service of the Fatherland: Fighting Don Cossack Units and Subunits During Military Conflicts 20th Century” (Neklinovsky District, November 18, 2022) 92

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOK REVIEWS

Беликов А.П., Казаров С.С. – Неведкин А.К. Конница эпохи эллинизма. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 784 с. 95

Belikov A.P., Kazarov S.S. – Nefedkin A.K. Hellenistic cavalry. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University Press; 2019. 784 p. ... 95

Берлявский Л.Г. – Кислицын С. А. Красная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин, деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2022. 512 с. 98

Berlyavsky L.G. – Kislitsyn S. A. The Red Front under the Axe of the NKVD. Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin, Leaders of the Azov-Black Sea Region in the Political Repressions of the Second Half of the 1930s. 2nd add. ed. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2022. 512 p. 98

Кузьминов П.А., Журтова А.А. Закономерный итог служения науке («Избранные труды» В.Д. Дзидзоева) 102

Kuzminov P.A., Zhurtova A.A. Deserved Results of Service to Science (“Selected Works” by V.D. Dzidzoev) 102

Хоконов М.А., Лисев Р.П. – Бгажноков Б. Х. Отрицание зла в адыгских тостах. Нальчик: Изд. центр КБГИИ, 2010. 118 с. 109

Khokonov M.A., Lisev R.P. – Bgazhnokov B. H. Denial of Evil in Adyg Toasts. Nalchik: Publishing House of the KBGII; 2010. 118 p. 109

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 128

doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-4-11

СМЫСЛ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ)

Рустам Акимович Акимов^{1✉}, Джамиля Платоновна Бабаева²

¹ Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Республика Дагестан, Россия

² Дагестанский медицинский университет, Махачкала, Республика Дагестан, Россия

¹ rustamakimov@mail.ru✉

² babaeva1549@mail.ru

Аннотация. Исследуется смысл человеческой жизни. Определяется фундаментальный статус данной проблемы в спектре философского знания. В понятии «смысл жизни человека» выделяются два интегрированных в нем смысловых основания – прагматическое (регулятивное), задающее практические установки на программирование жизни, и теоретическое (философское), обосновывающее цель и выбор жизненного пути, в соответствии с принятой мировоззренческой системой и идеологией. Анализируется вопрос выбора идеологии в современном обществе, принятие которой позволяет сформировать или приобщиться к смыслу жизни. Рассматривается выбор смысла жизни человека с позиции религиозного и светского мировоззрения. Отмечается, что в идеологических дискуссиях явно прослеживается различие в мышлении, способах аргументации и доказательств людей со светским и религиозным мировоззрением. С позиции философского анализа смысл жизни человека есть реализация априорной установки разума в познании своего бытия и себя в нем. Светский человек не «получает» предписанный смысл своей жизни, он формирует его, наблюдая, знакомясь с идеями смысла других людей, корректирует и формирует личностный смысл жизни.

Ключевые слова: смысл, жизнь, человек, идеология, религия, мировоззрение, философия, познание

Для цитирования: Акимов Р. А., Бабаева Д. П. Смысл жизни человека (теоретический анализ понятия) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 4–11.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE MEANING OF HUMAN LIFE (THEORETICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT)

Rustam A. Akimov^{1✉}, Jamila P. Babaeva²

¹ Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

² Dagestan State Medical University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

¹ rustamakimov@mail.ru✉

² babaeva1549@mail.ru

Abstract. The problem of the meaning of human life is investigated. The fundamental status of this problem in the spectrum of philosophical knowledge is determined. In the concept of “the meaning of human life” there are two semantic bases integrated in it – pragmatic (regulatory), setting practical guidelines for pro-

gramming life and theoretical (philosophical), justifying the goal and choice of life path, in accordance to the accepted worldview system and ideology. The analysis of the choice of the meaning of human life from the standpoint of religious and secular worldview is given. It is shown that in ideological discussions there is clearly a difference in thinking, ways of argumentation and proof of people with secular and religious world outlook. From the standpoint of philosophical analysis, the meaning of human life is the realization of the a priori mindset in the knowledge of one's being and oneself in it. It is concluded that a secular person does not receive the prescribed meaning of his life, he forms it by observing, getting acquainted with the ideas of the meaning of other people, corrects and forms the personal meaning of life.

Keywords: meaning, life, man, ideology, religion, world outlook, philosophy, cognition

For citation: Akimov R. A., Babaeva J. P. The Meaning of Human Life (Theoretical Analysis of the Concept). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):4-11. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Определяя актуальность избранной темы исследования, отметим ее фундаментальный статус в спектре проблем философии. Культура, идеалы, ценности, выработанные человеческим обществом, претерпевают непрерывные изменения, которые обусловлены сменой лидерства цивилизаций в мире, гетерогенных эпох, что ведет к становлению новых парадигм ментальности, систем личностных и общественных ценностей, мировоззренческих ориентиров.

Актуальность исследования проблемы смысла человеческой жизни диктуется социальными преобразованиями, произошедшими в современную эпоху: распад влиятельного и мощного моноидеологического государства и образование на его основе нового государственного объединения (Россия), радикально изменившего конституционные экономические, политические и идеологические установки [1].

Вопрос о смысле жизни присутствует во всех развитых мировоззренческих системах, и ответ на него сопрягается с отношением личности к мировоззренческим установкам, моральным и иным ценностям, пропагандируемым в обществе. Человек может видеть смысл своей жизни в соблюдении принятых им идеологии, мировоззрения и ценностей. Или же смысл своего существования он видит в критике общественной идеологии и мировоззрения, имеющей место в социальной организации, или критике и оппозиции в отношении пропагандируемых идей смысла жизни человека. В разные исторические эпохи смысл жизни человека определялся исходя из соответствующего социокультурного устройства жизни общества, духовных и моральных устоев, развитости теоретических, научно-философских знаний о мире и человеке. Современные исследования вопроса о смысле человеческой жизни сосредоточивают свое внимание на сущности человеческого существования, «программе» жизни, которая придала бы ей смысл и принципиальной возможности существования смысла жизни [2–7].

Универсального, общепринятого решения вопроса о смысле жизни нет. Думается, наиболее перспективен путь поиска ответа о смысле жизни не в чем-то «ином», а во внесении смысла в человеческую жизнь самим человеком, принятие или создание духовных идеалов, формирование цели жизни, достижение которых сделает жизнь наделенной смыслом; смыслом не навязанным, смыслом не зомбирующим человека, а осознающим свою сопричастность к идее смысла.

В понятии «смысл жизни человека» можно выделить два интегрированных в нем смысловых основания – прагматическое (регулятивное), задающее практические установки на программирование жизни, и теоретическое (философское), обосновывающее цель и выбор жизненного пути, в соответствии с принятой мировоззренческой системой и идеологией.

О человеке можно говорить с позиции социальных моделей, задающих образцы социальной реальности, парадигмы культуры, требования социализации и формирования личности. В числе известных социальных моделей отметим: модель «экономического детерминизма» (П. Лафарг, Ф. Меринг, В. М. Шулятиков, Р. Джонс); метатеоретическая модель (идеократизм), усматривающая сущность общества в духовных феноменах (религиозно ориентированных – В. Соловьев, Н. Бердяев, К. Ясперс; не религиозно ориентированных – П. Сорокин, О. Шпенглер), и модели

дополнительности объективной и субъективной сторон общества как системы (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, А. Богданов, Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс и др.) [8].

Принимая ту или иную модель общества в качестве базовой теоретической установки, можно предположить возможные выводы о смысле жизни человека. В такой ситуации возникает проблема выбора теоретической модели, идеологии, системы ценностей. Для духовно сложившихся личностей данная проблема решается в соответствии с уровнем образования, аналитических способностей, психологического склада. Отметим, что общество «устало» от идеологического диктата, навязывания парадигм личностных и социальных ценностей. В результате всякая идеология стала восприниматься с позиции скептицизма и нигилизма. Исключение составляет одна идеология – религия, хотя и к ней в интеллектуальной среде отношение неоднозначное.

В литературе высказывается точка зрения, что религия и идеология в понятийном смысле не тождественны, однако в контексте нашего вопроса будем считать понятие «идеология» более широким, включающим в себя выработанные человечеством различные системы социально значимых идей, в том числе сопряженных с религией. Значительная часть российского общества обратилась к религии, ставшей смыслом и ориентиром их жизни. Причем, приобщаясь к той или иной религии, люди показывают не пассивное ее принятие, а берут на себя роль ее апологета. В идеологических дискуссиях явно прослеживается различие в мышлении, способах аргументации и доказательств людей со светским и религиозным мировоззрением. Люди со светскими духовными ценностями и знаниями постепенно утрачивают свой авторитет в обществе как носителя эталона духовности, так как светские ценности и идеология были дискредитированы в процессе модернизации общества.

Агностик – человек, признающий существование Творца мира, но не принявший ту или иную веру, в новых общественных отношениях и духовных ценностных приоритетах оказывается в духовной изоляции, подвергается критике и ему трудно социализироваться в обществе, несмотря на светский характер устройства государства. Плюрализм идеологий — это достижение современного цивилизованного общества. Оно дает возможность человеку сделать выбор в определении смысла своего существования. Нежелание продолжать жить, суицид, объясняется не только психическим состоянием, но и отсутствием смысла и логических доводов к продолжению своего существования. Многие религии осуждают самоубийство, причисляя его к одному из тяжких грехов. Ислам категорически запрещает самоубийство: «Не убивайте себя, воистину, Аллах милостив к вам» [9]. Проблема суицида обостряется в эпоху социальных перемен, смены духовных ценностей и перспектив существования общества.

С позиции христианского мировоззрения существование человечества объясняется необходимостью восстановления утраченной связи с Богом, так как после грехопадения прародителей людей такая связь была утрачена. Она может быть восстановлена после второго пришествия посланника Бога и полного обновления человека и мира (событие, ожидаемое во всех христианских конфессиях и в исламе). Как правило, религии обещают своим последователям спасение, которое является общим для множества различных культур. Идея спасения наводит на мысль, что человечество, начав свой жизненный путь, не имело знания того, как и по каким правилам следует его осуществлять. Бог ниспослал свод основных предписаний жизненного пути человечества. Спасение характеризуется как одно из центральных понятий религиозной антропологии, тесно связанной с понятием греха. В христианстве человек изначально не грешен, но в его сущности заложена интенция к совершению греха. Главный – это первородный грех, совершенный прародителями, но носителем которого стал весь человеческий род. Поскольку греховность людей носит экзистенциальный характер, должен быть путь их «спасения».

В исламской антропологии грех не является экзистенциальной потенциальностью людей и имеет не онтологическую, а нравственную основу. Поскольку человек в исламе – наместник Аллаха на земле, то смысл его существования – обустроить свое бытие в мире в соответствии с Божественной волей и своими нуждами [10].

В Коране сказано, что Аллах «сотворил и вас и тех, которые были прежде вас» [11]. Таким образом, в исламе Творение людей есть перманентный процесс. Следовательно, человечество и смысл его существования находятся под непрерывным вниманием Творца.

Буддизм представляет собой одну из древнейших идеологий, её причисляют к религии по причине огромного количества последователей этого учения. Религия ли буддизм или философия – вопрос спорный. Доминирует мнение, что он представляет собой не культ поклонения какому-либо Божеству или богам, а философское учение, мировоззренческую идеологию, основанную на личностном мировосприятии, и имеет автора – человека, именем которого это учение и названо. На Востоке, где в основном распространен буддизм, нет четкого разграничения между понятиями «религия» и «философия», а это снимает вопрос об идентификации буддизма как религии или философии. Буддизм определяет, что смысл нашей жизни – это сама жизнь. Если другие философские учения и религии, которые пропагандируют цель человеческого существования в достижении бессмертия, то в буддизме возврат к жизни в новом качестве рассматривается как наказание, а самого понятия «бессмертной души» как бы и не существует. Мир религиозных ценностей не создается в процессе творческой деятельности человека, а открывается ему в божественных откровениях, изложенных в священных книгах. Через принятые религиозные истины сознание человека раскрывает замысел создателя в отношении людей, их истории и ее завершения.

Религиозная идеология критично относится ко всему тому, что несовместимо и противоречит религиозным догматам. Речь идет о свободомыслии. Этот термин стал употребляться в просветительской и философской лексике после выхода в свет книги английского философа-деиста А. Коллинза «Рассуждение о свободомыслии» [12]. Э. Фромм, изучая психику современного человека, взаимодействия между психологическими и социологическими факторами, заострил свое внимание на одном аспекте: как современный человек понимает слово «свобода». Он отмечает, что суть свободы можно уяснить лишь на основе анализа психики современного человека в целом. Свобода, согласно Э. Фромму, принесла человеку независимость и наделила смыслом его существование, при этом изолировала его, внесла чувство бессилия и тревоги [13].

Подавление свободомыслия может рассматриваться и как подавление волевых решений человека. Но, по библейскому канону («Бытие» – первой книги Библии), Бог создал все сущее, в том числе и человека свободным. Таким образом, можно сказать, что смысл человеческого существования заключается в реализации дарованной человеку Богом свободы.

Ответ на вопрос, каков смысл человеческого существования, мы не найдем в религиозных текстах. Видимо, он скрыт от людей в промыслах создателя, а, как известно, «пути господни неисповедимы» [14]. Хотя Бог создает человека по своему образу и подобию, тем не менее смысл жизни этого «подобия» не раскрывается [15]. Можно предположить, что слово «подобие» следует интерпретировать не только как «внешнее» подобие, но «подобие» в способности к творчеству, правда, несоизмеримым по сравнению с божественным. И это подтверждается колоссальным прогрессом человечества во всех сферах жизнедеятельности. Таким образом, религиозный смысл жизни человека можно свести к реализации заложенных богом в человеке свободе воли и творчества.

Перейдем к вопросу о смысле человеческого бытия с позиции философского знания. Здесь нужно сделать акцент на то, что жизнь человека должна рассматриваться не только как естественное «развертывание» во времени биосоциальных форм и событий. Она становится проблемой осознания своего Я в мире природы, рефлексии по поводу своей значимости и ценности как духовно-нравственного существа. Одной из особенностей философского познания является интенция к познанию себя, точнее, себя в себе. Вопрос о смысле существования человека скрыт в глубине подсознания и начинает проявляться на сознательном уровне уже в подростковом возрасте. В чем же философское содержание вопроса о смысле человеческой жизни: в познании самого себя, познании смысла своего прихода в этот мир, в познании смысла жизни, если неизбежна естественная смерть, почему смерть одних людей становится результатом реализации идей других и т.п.?

Поиск ответов на эти и другие вопросы привел к формированию различных областей знания, одно из которых сделало своим предметом изучение человека. В философии – это антропология. Человек – существо, имеющее два начала – материальное (биофизическое) и духовное. Жизнь представляет собой реализацию единства этих двух сущностей в одной субстанции.

Единство и противоречие между ними, развертывание, становление их во времени и есть человеческая жизнь. Человек ищет смысл во всем: в устройстве природы, высказываниях людей, поступках и отношениях между людьми в назначении своего существования. Поэтому смысл жизни есть реализация априорной установки разума в познании своего бытия и себя в нем.

Античные философы четко ставили задачу исследования индивидуальной жизни личности, их рассуждения не выстраиваются в стройную и непротиворечивую концепцию, однако имеют несомненную фундаментальную ценность для последующего осмысления жизненного пути человека [16, 17].

Толчком к смене гносеологических парадигм послужила философия эмпиризма и рационализма Нового времени, которая явилась ответом на вызов интенсивного развития научного знания. Был брошен вызов традиции во имя разума. Новые философские учения противопоставляли религиозным откровениям строгие логические рассуждения, сопровождавшиеся доказательностью, обоснованностью и эмпирическим подтверждением получаемых знаний. Важным фактором, повлиявшим на ориентиры поиска смысла жизни, послужил процесс секуляризации. Считается, что он восходит к возникновению и развитию так называемых общечеловеческих ценностей жизни – ценностей гуманизма. Идейной основой секуляризации является пересмотр центральных понятий мировоззрения: Бог, Природа, Человек. Формируются и пропагандируются новые концепции мироустройства – деизм и дуализм, что позволило мыслителям эпохи Ренессанса обосновать автономный статус природы и человека [18].

Формируется также идея о том, что смысл бытия – одно из априорных свойств сознания, регулирующих жизненную позицию человека, определяющую вектор жизненного пути, поступков, смысловую оценку личностного и общественного бытия. Вхождение в жизнь, социализация, самоидентификация, самопознание – основные ступени, составляющие жизненный путь человека. Социализуясь, он открывает мир ценностей, регулирующих жизнедеятельность общества, осмысливает, соотносит социальные ценности со своим мировосприятием, миропониманием. Одни ценности принимает, другие – отвергает, третьи – оставляет без внимания. Человек не «получает» предписанный смысл своего существования, он формирует его, наблюдая, знакомясь с идеями смысла других людей, не только великих, не только прославленных, но и мудрых – не ставящих целью и смыслом жизни достижение величия, славы, богатства.

Интеллект современного человека все больше захватывают идеи личной свободы, личного пространства, личностного права и другие схожие установки. Приоритетной в жизнедеятельности личности становится самоидентификация, самооценка, утверждение своего социального статуса, развитие эгоистического основания и, как крайность, беспринципность в достижении своих интересов. «Ген» жажды власти – одно из опаснейших интенций человеческой сущности. Его можно определить и как биологически врожденное, и как априорное человеческому сознанию [19]. Биологически заложенное стремление к власти признается в научных исследованиях и рассматривается как естественное, природное явление. Альтернативой тезиса «другие для меня» выступает тезис «я для других», который сопрягается с принципом и моральной установкой, получившей название «альтруизм». Его можно назвать одним из видов стремления к власти, связанной не с биосоциальным принуждением, утверждением своего превосходства, а с «шокированием» иных субъектов своей бескорыстной жертвенностью другим тем, что принадлежит ему.

Особо сильный эффект альтруизма проявляется, когда он облекается в социально значимую идею, реализация которой приводит к достижению власти без опоры на принуждение. Стремление к власти в разных ее формах актуализируется в современную эпоху, становится для некоторых людей идеей фикс. Думается, что стремление к власти, возведенное в статус Смысла, – это проявление скрытой генетической патологии, которая должна обсуждаться на платформе социально-биологических и психологических знаний. З. Фрейд определял «желание власти» как один из видов неврологического помешательства, происходящего от чувства беспомощности и страха перед окружающим миром. А. Адлер утверждает, что в основе стремления к власти лежит такое патологическое явление, как «комплекс неполноценности» [20].

В сложные, кризисные состояния общества наблюдается нарастание социальной активности двух противоположных выражений смысловой жизненной позиции – неуёмного стремления и

удержания власти и альтруизма (волонтерство, гуманитарные акции и благотворительные фонды и пр.). Данная особенность ярко проявляется в современную эпоху.

История великих личностей показывает, что многие из них уходили из жизни, разочаровавшись в ней и в смысле того, что они считали ее «смыслом». Человек попадает в социум с ценностями, соответствующими исторической ступени его развития, уровню культуры. Это в определенной степени влияет на формирование смыслообразующих жизненных установок, а соответственно, на поступки человека, его отношение к другим людям и обществу в целом. Человек смертен, и эта фундаментальная истина создает предпосылку к нигилизму, отрицанию смысла жизни и всех социальных ценностей. Непобедимый «враг» смысла жизни – время. Оно несет в себе обманчивые надежды, а потом разрушает их. Однако, живя только сегодняшним днем, человек не способен понять значение смысла своего существования. Он должен помнить о прошлом и думать о будущем, если настроен на поиск смысла своего существования.

Подход к передаче знаний через смысловую составляющую обнаруживается в исследованиях советских психологов. Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и В.П. Зинченко, исследуя проблему структурирования сознания, выработали подход, в котором сознание определяется через два слоя: бытийно-деятельностный и рефлексивно-созерцательный. В этой схеме значение и смысл образуют рефлексивно-созерцательный слой. Сознание включает в себя не только знание, но и отношение. Понятие смысла относится к индивидуальному сознанию, а значение выражает подключенность индивидуального сознания к общественному сознанию. Говоря о смысле жизни, мы, руководствуясь такой логикой, должны определяющим его сущность основанием считать индивидуальное сознание. Вопрос о смысле жизни, перенесенный на человечество в целом, решаем, видимо, с позиции теорий, мировоззрений, идеологий метафизического уровня, с выходом на трансцендентальные сущности.

Смысл человеческого бытия не следует непосредственно сопрягать с целью человеческого бытия. Смысл выражается сущностью, которая не связана непосредственно с временным. Цель же включает временные параметры. Связана с порядком событий во времени. Последовательность и завершенность событий входят в понимание цели. Разница между целью и смыслом в том, что цель «задается», а смысл распознается.

Завершая исследование проблемы сущности человеческой жизни, сделаем следующие выводы. Понятие «смысл жизни человека» имеет весьма сложный интегральный характер. Применяя метод абстрагирования, нами было выявлено два основных компонента, определяющих когнитивную значимость данного понятия: прагматическое (регулятивное), задающее практические установки на программирование жизни, и теоретическое (философское), обосновывающее цель и выбор жизненного пути. В процессе изучения значимости и понимания смысла жизни человека в системе сосуществующих идеологий было показано, что данное понятие приобретает особую актуальность в современную эпоху, когда динамично идет социальное переустройство общества, конкуренция мировоззрений, духовных ценностей. В этих условиях в числе наиболее значимых для человека становится вопрос о смысле своей жизни и его роли в жизни других людей, общества.

Список источников

1. Туев В.А., Сулова А.А. Смысл жизни человека как проблема современного общества // Вестн. Бурятского гос. ун-та. Педагогика. Филология. Философия. 2018. № 3, т. 3. С. 3–10.
2. Еришов Г.Г. Смысл жизни и социальное бессмертие. М.: Гардарики, 1990. 288 с.
3. Иванова Н.Я. Философский анализ проблемы смысла бытия человека. Киев: Наукова думка, 1980. 326 с.
4. Карпов М.М. Смысл жизни человека. Ростов н/Д.: Феникс, 1994. 356 с.
5. Коган Л.А. Цель и смысл жизни человека. М.: Просвещение, 1984. 272 с.
6. Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века / ред. А.Ф. Замалева. СПб.: Питер, 1995. 548 с.
7. Смысл жизни : антология / сост., общ. ред., предисл. и прим. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс-Культура, 1994. 592 с.

8. Жак Л., Циганов К. К вопросу о моделях функционирования современного общества // Рос. гум. журн. 2015. Т. 4, № 3. С. 205–212.
9. Коран. Сура «Ан-Ниса». Аят 29.
10. Поломошнов А.Ф. Грех и спасение в религиозной антропологии: ислам и христианство // Исламоведение. 2018. Т. 9, № 4 (38). С. 111–119.
11. Коран. Сура «Корова». Аят 19.
12. Коллинз А. Рассуждение о свободомыслеии, вызванное возникновением и развитием секты, называемой «свободомыслеищие» // Философское наследие. Английские материалисты XVIII в. : в 3 т. М.: Мысль, 1967. Т. 2. 405 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: Попурри, 1998. 672 с.
14. Новый Завет. Рим. 11:33.
15. Ветхий завет. Бытие. 1:26.
16. Рукин А.В. Человек и его жизненный путь в античной философии // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2020. № 1. С. 11–14.
17. Алексеева М.С., Васильева С.В. Философские традиции анализа проблемы смысла жизни (от античности до модерна) // Вестн. БГУ. Философия. 2020. № 3. С. 30–43.
18. Гура В. А., Давыденкова А. Г. Ренессансные истоки секуляризации // Вестн. Ленинградского гос. ун-та (ЛГУ) имени А.С. Пушкина. 2018. № 3. С. 172–181.
19. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2007. 182 с.
20. Черных С.С. Психоанализ метафизических основ власти: З. Фрейд, А. Кожев // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2015. № 3. С. 27–32.

References

1. Tuev V.A., Suslova A.A. The meaning of human life as a problem of modern society. *Vestn. Buryatskogo gos. un-ta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya = Bulletin of the Buryat State University. Pedagogics. Philology. Philosophy*. 2018;3(3):3-10. (In Russ.).
2. Ershov G.G. *The meaning of life and social immortality*. Moscow: Gardariki Publ.; 1990. 288 p. (In Russ.).
3. Ivanova N.Ya. *Philosophical analysis of the problem of the meaning of human existence*. Kiev: Naukova dumka Publ.; 1980. 326 p. (In Russ.).
4. Karpov M.M. *The meaning of human life*. Rostov-on-Don: Feniks Publ.; 1994. 356 p. (In Russ.).
5. Kogan L.A. *The purpose and meaning of human life*. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 1984. 272 p. (In Russ.).
6. Zamaleev A.F., ed. *The meaning of life in Russian philosophy. The end of the 19th – beginning of the 20th century*. St. Petersburg: Piter Publ.; 1995. 548 p. (In Russ.).
7. Gavryushin N.K., comp., general ed., preface and note. *The meaning of life (anthology)*. Moscow: Progress-Kul'tura Publ.; 1994. 592 p. (In Russ.).
8. Jacques L., Tsyganov K. On the issue of models of functioning of modern society. *Ros. gum. zhurn. = Russian Humanitarian Journal*. 2015;4(3):205-212. (In Russ.).
9. *The Koran*. Sura "an-Nisa. Verse 29. (In Russ.).
10. Polomoshnov A.F. Sin with salvation in religious anthropology: Islam and Christianity. *Islamovedenie = Islamic Studies*. 2018;9(4):111-119. (In Russ.).
11. *The Koran*. Sura the Cow. Verse 19. (In Russ.).
12. Collins A. Reasoning about freethinking caused by the emergence and development of a sect called free-thinkers. *Philosophical Heritage. English materialists of the 18th century*. Collected works: in 3 vol. Moscow: Mysl' Publ.; 1967. Vol. 2. 405 p. (In Russ.).
13. Fromm E. *Escape from freedom. A Man for himself*. Moscow: Popurri Publ.; 1998. 672 p. (In Russ.).
14. *The New Testament*. Rom 11:33. (In Russ.).
15. *The Old Testament*. Genesis 1:26. (In Russ.).
16. Rukin A.V. Man and his life path in ancient philosophy. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. Region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2020;(1):11-14. (In Russ.).

17. Alekseeva M.S., Vasilyeva S.V. Philosophical traditions of analyzing the problem of the meaning of life (from antiquity to modernity). *Vestn. BGU. Filosofiya = Bulletin of BSU. Philosophy*. 2020;(3):30-43. (In Russ.).

18. Gura V. A., Davydenkova A. G. Renaissance origins of secularization. *Vestn. Leningradskogo gos. un-ta (LGU) imeni A.S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University (LSU) named after A.S. Pushkin*. 2018;(3):172-181. (In Russ.).

19. Kozhev A. *The concept of power*. Moscow: Praxis Publ.; 2007. 182 p. (In Russ.).

20. Chernykh S.S. Psychoanalysis of metaphysical foundations of power: Z. Freud, A. Kozhev. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. Region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2015;(3):27-32. (In Russ.).

Информация об авторах

Р. А. Акимов – доктор философских наук, профессор.

Д. П. Бабаева – кандидат химических наук, доцент.

Information about the authors

R. A. Akimov – Doctor of Science (Philosophy), Professor.

J. P. Babaeva – Candidate of Science (Chemistry), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 17.01.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 17.01.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-12-16

ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ

Владимир Николаевич Иванов

Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооружённых Сил Российской Федерации», Москва, Россия
Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк, Россия
philosophia@rambler.ru

Аннотация. Анализируется философско-антропологический подход к изучению феномена военной культуры, исследование которого в отечественном гуманитарном знании началось на рубеже XX–XXI вв. До этого предпринимаемые попытки носили эпизодический характер и сосредоточивались преимущественно на идеологической составляющей военной культуры, т.е. её духовном элементе. Относительная недавность начала изучения данного феномена в философском ракурсе объясняется его слабой изученностью и наличием в гуманитарном знании в целом различных подходов к определению анализируемого концепта. Отмечается ограниченность прежде используемых подходов к исследованию военной культуры (как денотата) – психологического, социологического, семиотического и нормативного. Показано, как философско-антропологический подход преодолевает эти недостатки и учитывает специфику каждого. Указывается на эффективность применения философско-антропологического метода к исследованию военной культуры.

Ключевые слова: военная культура, философская антропология, методология исследования, кризис культуры, социокультурная трансформация

Для цитирования: Иванов В.Н. Военная культура: философско-антропологический ракурс исследования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 12–16.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MILITARY CULTURE: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE OF RESEARCH

Vladimir N. Ivanov

Military Educational and Scientific Center of the Ground Forces “Combined Arms Order of Zhukov Academy of the Armed Forces of the Russian Federation”, Moscow, Russia
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia
philosophia@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the presentation and analysis of the philosophical and anthropological approach to the study of the phenomenon of military culture. The paper shows that the study of this phenomenon in the domestic humanities began at the turn of the 20th-21st centuries. Prior to this, the attempts made were episodic in nature and focused mainly on the ideological component of military culture, i.e. her spiritual element. The relative recentness of the beginning of the study of this phenomenon in a philosophical perspective explains its poor study and the presence in humanitarian knowledge, in general, of different approaches to the definition of the analyzed concept. The paper concludes that the previously used approaches to the study of military culture (as a denotation) - psychological, sociological, semiotic and normative - are limited. The presented article shows how the philosophical and anthropological approach overcomes these shortcomings

and at the same time takes into account the specifics of each of the presented ones. To sum up above written, a conclusion is made about the effectiveness of the application of the philosophical and anthropological method to the study of military culture.

Keywords: military culture, philosophical anthropology, research methodology, cultural crisis, sociocultural transformation

For citation: Ivanov V.N. Military Culture: Philosophical and Anthropological Perspective of Research. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):12-16. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Военная культура представляет собой часть общей культуры. Она всегда несёт на себе печать общих, фундаментальных оснований, характерных для культуры соответствующего общества. Но в то же время военная культура, несмотря на общность базовых, атрибутивных характеристик, позволяющих её определить, в каждом конкретном обществе или государстве имеет свои специфические черты. Для российской военной культуры такой особенностью, повлиявшей на формирование этого феномена, стала огромная территория нашей страны. Исторически так сложилось, что Российскому государству приходилось защищать от врагов пространство, не сопоставимое ни с одной другой страной. Именно это заставило отечественного философа И.А. Ильина заявить, что задача России – «замирять равнину оружием и осваивать её» [1, с. 431], в том смысле, что набеги на ее территорию совершались отовсюду. Постоянная угроза извне выкристаллизовывала особенности отечественной военной культуры, которая сегодня представляет собой специфический феномен, сформированный под влиянием западной и восточной традиций военного искусства.

Современные культурологические и философские знания предлагают различные подходы к пониманию того, что такое военная культура [2–8]. Отдельные философы сосредоточивают своё внимание на ее духовных основаниях, другие считают целесообразным включить в аналитический оборот и материальную составляющую. Среди этих оценок нам близка позиция В.И. Бажукова, заложившего основы антропологического подхода к исследованию феномена военной культуры [9, с. 28], который преодолевает отдельные недостатки, например, социологического, семиотического или деятельностного подходов, что достигается посредством достаточно удачного, на наш взгляд, сочетания методов и ракурсов исследования многих известных. Более того, в условиях свершающегося социокультурного перехода, в котором сегодня находится Россия, а также идущей в странах евроатлантической цивилизации социокультурной трансформации [10, с. 7], охватившей весь мир и нашу страну, о чём говорят современные исследователи [11–15], философско-антропологический ракурс позволяет наиболее полно проследить и проанализировать влияние современной действительности на военную культуру и последней – на российскую культуру в целом.

Именно универсальный характер философско-антропологического подхода позволяет преодолеть известные пределы, характерные для иных ракурсов исследования. Прежде всего он связан с изучением человека в специфической военной сфере. Проанализировать особенности поведения, мышления, формируемого мировоззрения в таких условиях, а затем уже и сущность военной культуры – цель применения данного подхода к изучению данного феномена.

При таком ракурсе исследования оказывается, что философско-антропологический подход таит в себе множественные возможности, преодолевая известные ограниченности иных теоретико-методологических оснований. В частности, использование в его рамках психологического подхода позволяет искать ключ к пониманию существа функционирования данного феномена в психике как отдельного индивида, так и группы (например, соответствующего общества) в целом. Благодаря включённости элементов психологического подхода, философско-антропологический ракурс позволяет проанализировать поведение индивидов в аспекте функционирования военной культуры.

Глубже и точнее понять социальный характер военной культуры помогают элементы социологического подхода, также присутствующие в рамках философско-антропологического ракур-

са исследования. Выявляя общее для военной культуры, раскрывающее её суть, подход не игнорирует частного, учитывая индивидуальные особенности носителя военной культуры. Он же позволяет понять, как общее (требование стандартизированного поведения) преломляется в частном – в действиях конкретных людей. В конечном счёте специфическая военная культура складывается из поступков множества её носителей.

Рассмотреть военную культуру как образ жизни, проанализировать смысло-знаковую её составляющую позволяет включённость элементов семантического подхода в философско-антропологический ракурс исследования. Несомненно, строгая нормативность и стандартизованность выступают отличительными характеристиками военной культуры, нормативно-правовой и нормативно-моральной элементы очень туго переплетены и подчас разграничение между ними трудно фиксируется. Достигается эта специфическая характеристика в результате широко представленной знаково-символической составляющей, каковая находит своё отражение буквально во всех действиях носителей военной культуры. Это касается множества ритуалов, выступающих элементами военной культуры, фактической регламентированности практически каждого действия, осуществляемого индивидом.

Не являются исключением и многочисленные нормативно-правовые документы, в частности уставы, чётко регламентирующие буквально каждое действие военнослужащего. В результате у него формируется специфический образ жизни и образ мыслей, который в дальнейшем экстраполируется на многие действия, связанные не только с исполнением профессиональных обязанностей по защите Родины, но и проявляемые в повседневной жизни, в действиях, поступках и прочем, непосредственно не имеющих отношения к исполнению военного долга.

Философско-антропологический ракурс исследования феномена военной культуры преодолевает и известные пределы нормативного подхода, что выступает следствием сочетаемости в нём элементов, представленных выше. С позиции достижения идеала военная культура в силу уже отмеченной строгости и определённой консервативности оказывается более последовательна в сравнении со многими иными видами культур. Однако на практике идеал не всегда оказывается достижим, можно говорить лишь о стремлении к его достижению.

Все специфические условия функционирования военной культуры, а также подходы к её изучению – психологический, социологический, семантический, нормативный и проч. – учитывает философско-антропологический ракурс её исследования. Он позволяет преодолеть известные ограниченности иных подходов, применявшихся в гуманитарном знании. Носителями военной культуры являются конкретные люди, преимущественно (но не обязательно) имеющие отношение к военной сфере и следующие соответствующим нормам, требованиям, указаниям. Их действия в совокупности и формируют специфический феномен военной культуры (денотат).

Список источников

1. Ильин И.А. Россия есть живой организм // Русская идея. М.: Республика, 1992. 496 с.
2. Абрамов А.П. Военная метакультура и её особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-1 (12). С. 10–13.
3. Горбунова Л.Ю. Составляющие элементы военной культуры // Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2019. № 2 (2). С. 395–400.
4. Гребеньков В.Н. Военная культура российского общества. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2009. 312 с.
5. Коротенко А.В. Понятие военной культуры: сущностные характеристики и итоговая дефиниция // Вестн. Поволжской академии гос. службы. 2013. № 6 (39). С. 15–20.
6. Ларкин Л.Г. Символика военной культуры в социуме // Вестн. Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 9 (137). С. 27–31.
7. Унру С.А. Военная культура в героических сказаниях народов Сибири и Дальнего Востока // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (42). С. 111–118.

8. Шабатура Л.Н., Тарасова О.В. К вопросу об изучении военной культуры в современных условиях // Наука, образование, культура : межвуз. сб. науч. ст. Екатеринбург, 2021. С. 335–339.
9. Бажуков В.И. Антропологический подход к исследованию военной культуры: возможности и пределы // Вопросы культурологии. 2009. № 1. С. 28–32.
10. Тарасов А.Н. Социокультурная трансформация как феномен динамики европейской культуры: философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Курск, 2021. 379 с.
11. Когай Е.А. Молодежный экстремизм и виртуальный мир // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 1 (1). С. 13–14.
12. Кретов Д.В. Эффективность использования метода взаимной оценки при обучении студентов вузов иностранному языку: из опыта работы // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 4 (96). С. 203–206.
13. Ромах О.В. Культурологическое образование в процессах глобализации // Фундаментальные исследования. 2007. № 7. С. 69–72.
14. Тарасов А.Н., Кикина С.О., Бублик Е.В. Социокультурные основания мировой экономической трансформации // Наука Красноярья. 2022. Т. 11, № 1–4. С. 7–11.
15. Tarasov A.N., Belyaev D.A., Fedina N.V., Kataev D.V., Komkov A.A., Naidenova E.A. Analysis of migration processes in Russian education in the context of the ongoing social and cultural transformation // Revista on line de Política e Gestão Educacional. 2021. Vol. 25, № 3. P. 2311–2325.

References

1. Ilyin I.A. *Russia is a living organism. Russian idea*. Moscow: Respublika Publ.; 1992. 496 p. (In Russ.).
2. Abramov A.P. Military metaculture and its features. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. *Voprosy teorii i praktiki = Questions of Theory and Practice*. 2011;(6-1):10-13. (In Russ.).
3. Gorbunova L.Yu. The constituent elements of military culture. *Aktual'nye problemy voenno-nauchnykh issledovaniy = Actual Problems of Military Scientific Research*. 2019;(2):395-400. (In Russ.).
4. Grebenkov V.N. *Military culture of Russian society*. Stavropol: Stavropol State University Press; 2009. 312 p. (In Russ.).
5. Korotenko A.V. The concept of military culture: essential characteristics and final definition. *Vestn. Povolzhskoi akademii gos. sluzhby = Bulletin of the Volga Academy of Public Administration*. 2013;(6):15-20. (In Russ.).
6. Larkin L.G. Symbolism of military culture in society. *Vestn. Tambovskogo un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2014;(9):27-31. (In Russ.).
7. Unru S.A. Military culture in the heroic legends of the peoples of Siberia and the Far East. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri = Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia*. 2021;(2):111-118. (In Russ.).
8. Shabatura L.N., Tarasova O.V. To the question of the study of military culture in modern conditions. *Science, education, culture*. Interuniversity collection of scientific articles. Yekaterinburg, 2021. P. 335-339. (In Russ.).
9. Bazhukov V.I. Anthropological approach to the study of military culture: possibilities and limits. *Voprosy kul'turologii = Issues of Culturology*. 2009;(1):28-32. (In Russ.).
10. Tarasov A.N. *Sociocultural transformation as a phenomenon of European culture dynamics: philosophical analysis*. Dissertation. Kursk, 2021. 379 p. (In Russ.).
11. Kogay E.A. Youth extremism and the virtual world. *Sotsial'no-gumanitarnoe obozrenie = Social and Humanitarian Review*. 2019;(1):13-14. (In Russ.).
12. Kretov D.V. Efficiency of using the method of mutual evaluation in teaching students of universities a foreign language: from work experience. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2022;(4):203-206. (In Russ.).
13. Romakh O.V. Cultural education in the processes of globalization. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2007;(7):69-72. (In Russ.).
14. Tarasov A.N., Kikina S.O., Bublik E.V. Sociocultural foundations of world economic transformation. *Nauka Krasnoyars'ya = Science of Krasnoyarsye*. 2022;11(1-4):7-11. (In Russ.).

15. Tarasov A.N., Belyaev D.A., Fedina N.V., Kataev D.V., Komkov A.A., Naidenova E.A. Analysis of migration processes in Russian education in the context of the ongoing social and cultural transformation. *Revista on line de Política e Gestão Educacional*. 2021;25(3):2311-2325.

Информация об авторе

В.Н. Иванов – преподаватель, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая ордена Жукова академия Вооружённых Сил Российской Федерации»; соискатель, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского.

Information about the author

V.N. Ivanov – Lecturer, Military Educational and Scientific Center of the Ground Forces “Combined Arms Order of Zhukov Academy of the Armed Forces of the Russian Federation”; Applicant, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 13.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья
УДК 101.1
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-17-23

О РОЛИ РЕЛИГИОЗНОГО СИМВОЛА В ИЗУЧЕНИИ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ПОЛЬ РИКЁР

Анна Игоревна Иванова

Курский государственный университет, Курск, Россия
anna.ig.i@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3125-4092

Аннотация. Дается трактовка некоторых религиозно-символических понятий, представленных французским философом П. Рикёром как наиболее значимых в исследовании вопроса человеческой сущности. На основании трудов П. Рикёра обосновывается необходимость переосмысления этических категорий, которые ранее рассматривались только с религиозных позиций. Раскрывается ряд проблемных аспектов герменевтического осмысления религиозного текста.

Актуальность исследования обусловлена тем, что сущность человека как методологическая проблема нуждается в современной интерпретации, а наиболее интересное ее прочтение встречается в трудах П. Рикёра. Через призму разнонаправленных устоявшихся и наиболее значимых ключевых философских направлений Рикёр предлагает по-новому осмыслить проблему человека. Дискурс религии – один из основополагающих в философской рефлексии. Поэтому представляется возможным осмысление сущности человека через религиозный символ, который оказывает значительное влияние на формирование его самости и духовной индивидуальности. С помощью ключевых символических аспектов христианской религии формируется собственный опыт через интерпретацию этически значимых понятий, таких как свобода и надежда, виновность и утешение. В процессе истолкования Писания, рассматривая проблему соотношения Заветов, исследователь приближается к самопониманию и погружается в саморефлексию, благодаря чему и вырабатывается продукт собственного мировоззрения. Это и есть приближение к рациональной части религии – логосу.

Ключевые слова: П. Рикёр, символ, религия, кериγμα, свобода, надежда, виновность, утешение, герменевтика

Для цитирования: Иванова А.И. О роли религиозного символа в изучении сущности человека: Поль Рикёр // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 17–23.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ON THE ROLE OF A RELIGIOUS SYMBOL IN THE STUDY OF THE ESSENCE OF HUMAN: PAUL RICOEUR

Anna I. Ivanova

Kursk State University, Kursk, Russia
anna.ig.i@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3125-4092

Abstract. This article gives an interpretation of some religious and symbolic concepts presented by the French philosopher P. Ricoeur as the most significant in the study of the issue of human essence. Based on the works of P. Ricoeur, the necessity of rethinking ethical categories, which were previously considered only from religious positions, is substantiated. The article reveals a number of problematic aspects of the hermeneutical understanding of the religious text.

The relevance of the study is due to the fact that the essence of man as a methodological problem needs a modern interpretation, and we find its most interesting reading in the works of P. Ricoeur. Through the prism of multidirectional, well-established and most significant, key philosophical trends, Ricoeur proposes to re-think the problem of man in a new way. The discourse of religion is one of the fundamental in philosophical

reflection. Therefore, we present it possible to comprehend the essence of a person through a religious symbol, which has a significant impact on the formation of his self and spiritual individuality. By delving into the essence of key symbolic aspects of the Christian religion, we shape our own experience through the interpretation of ethically significant concepts such as freedom and hope, guilt and consolation. In the process of interpreting the Scriptures, considering the problem of correlation of the Testaments, the researcher approaches self-understanding and plunges into self-reflection, thanks to which he develops the product of his own worldview. This is the approach to the rational part of religion - logos.

Keywords: P. Ricoeur, symbol, religion, kerygma, freedom, hope, guilt, consolation, hermeneutics

For citation: Ivanova A.I. On the Role of a Religious Symbol in the Study of the Essence of Human: Paul Ricoeur. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):17-23. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Методологические изыскания французского философа Поля Рикёра являются предметом исследования современных ученых. Особый интерес вызывает его интерпретация религии как одного из культурных оснований европейской философии. Множество этических категорий, ставших символическими, формируется в контексте религиозного сознания. Цель нашего исследования – экспликация позиции Рикёра относительно символизма религии. Представлены перспективы переоценки некоторых этических понятий в свете эволюции социальных отношений.

Исследуя вопросы религиозной направленности, Рикёр ставит своей задачей дать трактовку и обоснование трудов Бульмана (Рудольф Карл Бульман – лютеранский теолог, один из основоположников диалектической теологии) с целью прояснения некоторых аспектов христианской герменевтики. Во-первых, соотношение двух Заветов. Заданный дискурс не возникает внезапно, он и есть один из первых вопросов, поставленных перед христианином. «Но здесь возникает герменевтическая проблема: новое не просто заменяет старое, но находится с ним в двойственном отношении; оно отменяет его и в то же время завершает, оно изменяет письмо, превращая его в духовное явление; так вода превращается в вино» [1, с. 117]. Это тонкий момент самосознания христианства.

Писание представляет собой неисчерпаемую сокровищницу смыслов, имеющую множество интерпретаций его трактовок. И таким образом раскрывается сама суть исследования. Герменевтическое толкование Писания можно сопоставить с самоанализом человека, с его экзистенциальным последовательным исследованием себя. Путь Страстей Христовых до Воскрешения может трактоваться интерпретатором с экзистенциальных позиций. И смыслы, возникающие на пути прочтения, раскрывают друг друга – экзистенциальное и герменевтическое уравниваются и взаимодополняются.

Рассмотрение человека с религиозных позиций раскрывает ряд философских сюжетов, которые Рикёр исследует в своих работах. Первый (наиболее очевидный) – вопрос герменевтического прочтения религиозного текста. Философ ставит задачей прояснить некую герменевтическую ситуацию, которая сложилась в античности, на почве которой христианство возникает и получает развитие как самостоятельная религия. Это необходимо и для осмысления современной ситуации, сложившейся в христианстве. Рикёр цитирует французского кардинала, крупного католического богослова Анри-Мари Жозефа Соньера де Любака, рассуждая «о четырех смыслах» Писания: историческом, аллегорическом, моральном, мистическом. Рассмотрим моральный смысл Писания. Этот сюжет подразумевает обеспечение некоего соответствия того или иного события из истории христианства с внутренним бытием человека. Это, скажем, актуализация Писания, которое можно интерпретировать и транслировать, наполняя множеством смыслов, хотя бы потому, что оно есть часть культуры, философии, литературы и т.д., а аллегорический его смысл подразумевает современную расшифровку.

Второй сюжет – демифологизация или демифизация священного текста. Он не состоит в развенчании веры или разоблачении религиозной традиции и символики, христианских догматов. Напротив, указывает на реальные, подлинные кризисные моменты. Единственный способ демифологизации – прочтение текста. То есть чтобы обличить кризисные моменты в христиан-

стве, мы должны изучать и расшифровывать Писание, но для его понимания нам необходимо верить в написанное. Возникает герменевтический круг. Явление демифологизации Бульмана, интерпретированное Рикёром, происходит поступенчато, это не стихийный акт. Взаимодействие осуществляется между тремя формами или процессами: демифологизация научная, затем философская, и, наконец, вытекающая из веры.

Третий ключевой сюжет связан с проблемой интерпретации. Объяснение и понимание как составляющие интерпретации не одно и то же. Объяснение – объективная сторона интерпретации, понимание – экзистенциальная. Исследователь на пути интерпретации Писания должен гармонично сочетать обе эти составляющие, стремясь к феноменологически идеальному смыслу текста в традиции Гуссерля.

В работах, посвященных раскрытию человеческой сущности через религиозный контекст, Поль Рикёр рассуждает на тему символически значимых понятий. Как справедливо отмечает современный исследователь А.М. Лещенко, «христианство начало использовать символ с целью презентации человечеству наличия другого мира, который с точки зрения канонов христианской религии является связанным с реальным миром только в чувствах человека...» [2, с. 92].

Обратимся к понятиям «свобода» и «надежда». Рикёр утверждает, что религиозная свобода должна быть осмыслена как «качественное состояние свободы, присущее религиозному феномену как таковому» [1, с. 137]. Он пишет: «Таким образом, я понимаю герменевтику религиозной свободы как выявление значений свободы, сопровождающих выявление лежащего в ее основе слова или, как принято говорить, провозглашения керигмы» [1, с. 137]. По его мнению, философ и теолог стоят на разных позициях в исследовании вопроса религиозной свободы. Теолог провозглашает керигму [3, 4] (на наш взгляд, Рикёр понимает под керигмой рациональную часть религии, чистый, немифологический логос), делая это посредством собственного понятийного аппарата, у философа же иной подход. Для философа, указывает Рикёр, работа разумного мышления и разумности в целом остается ключевой для приближения к логосу.

Что такое керигма свободы? У Рикёра этот термин используется для обозначения рациональной части религии. Как отмечает современный философ А.Г. Дугин, «иными словами, керигма есть религия минус мифос, чистый религиозный логос» [5]. Теолог провозглашает керигму посредством собственного понятийного аппарата, у философа же иной подход, для него работа разумного мышления и разумности в целом остается ключевой для приближения к логосу. Задача герменевтики, в том числе в вопросах толкования религиозного текста – отбросить все так называемые условия, политические, этические и т.д. в пользу подлинной свободы, которая от этих условий не зависит, свободы в философском смысле, но неотрывной от феномена надежды.

Так как в христианстве Воскрешение Христа – ключевое событие, воспринимаемое не только как исторический факт, но и духовно проживаемое верующими, то оно является для верующих предупреждением о будущем. Указывает на то, что есть подлинная свобода христианина. Это обстоятельство служит свидетельством надежды. Свободный человек, христианин – тот, кто комфортно ощущает себя в условиях, обозначенных данной религией, этических, моральных, тот, кто чувствует себя свободно.

Задача философии в данном случае – исследовать свободу, содержащую в себе как свободу религиозную, где необходимо присутствует акт воскрешения и подразумевает некие этические, исторические, политические и другие факторы, так и свободу в экзистенциальном смысле, личную свободу человека, субъективную. Философия должна стать на позицию незаинтересованного критика, объективного. Рикёр в своем рассуждении о философском подходе к свободе в ее соотносительности с надеждой ссылается на Гегеля и Канта. Автор приводит мысль Гегеля о том, что философия всегда приходит слишком поздно, но с философией религии процесс должен идти иначе. Разумное и рациональное должны стать первым этапом этого пути, который ответит нам на кантовский вопрос – на что я могу надеяться?

Иными словами, первой на пути к пониманию философии религии должна быть критика чистого разума, затем практического, а уже следующим этапом – философия религии. На первом этапе речь идет о необусловленном мышлении, критикующем иллюзии, интеллектуальном. На втором этапе, по мнению Рикёра, мы имеем возможность перенести на волю тот продукт

чистого разума, который мы получили. Сама по себе диалектика практического разума не способна привнести ничего нового в мыслительный процесс, так как категории, которые она подразумевает невозможно прибавить к нашему познанию о них. На этом этапе познание не наполняется трансцендентальными характеристиками, оно наполняется усилием воли, которая приводит к выполнению конечных требований. Этот процесс дает возможность объективно осмыслить религию, если угодно, проанализировать религию в пределах только разума.

Рассмотрим следующее религиозно-символическое понятие «виновность». При анализе текстов термин «виновность» понимается как покаяние. Рикёр употребляет выражение «феноменология исповедания», подразумевая под феноменологией «описание значений, присутствующих в опыте вообще, идет ли речь об опыте относительно вещей, ценностей, личностей и т. п.» [1, с. 160]. Язык, который используется в исповеди, всегда символичен, так как мы оперируем категориями возвышенного и низменного (грех, царство небесное и т.д.). Рикёр задается вопросом, как соотносятся этика и философия религии с символическим языком?

Что подразумевает этическое измерение в религиозном символизме? По мнению Рикёра, зло, свобода и долг – тесно связанные и переплетающиеся категории [6]. Зло и свобода соединяются в человеке, который свободен совершать злодеяния. Но осознавая негативный помысел поступка, признавая его, мы приближаемся к долгу. Человек мог бы не совершать зла равно человек должен не совершать зла. Что подразумевает религиозное измерение? Рикёр говорит об этом измерении в дискурсе надежды, свободной надежды. Свободой наделены как благо, так и зло. Без существования зла и само пришествие Царства Божия ставится под вопрос. Мы не можем лишиться свободы зло, так как свобода не может быть подчиняема. Здесь возникает важная мысль о том, что религиозный человек не может отрицать наличие зла и искоренить его полностью, он может и должен относиться ко злу милосердно и снисходительно. Не слепо его (зло) отрицая, а разумно, как к составной части воспитания человеческого рода.

Касаемо еще одного символического феномена – утешения в религии, Рикёр отмечает, что Бог может быть не только карающим, но и милосердным, таким, который предстает перед нами в Ветхом Завете. Так и в философии Канта в Боге соединяются природа и свобода, в философии Гегеля реальное не противостоит идеальному. По мнению Рикёра, именно философия Ницше становится подготовительным этапом на пути к герменевтике: «Любая эпистемологическая критика телеологии переносится в герменевтику воли к власти, соотносящую предшествовавшие ей доктрины с тем, насколько слаба или сильна в них воля, с ее негативным или позитивным предрасположением, с ее инертным или активным импульсом» [1, с. 191]. Наиболее яркий пример утешения в религии – позиция Фрейда, который отмечает, что за тяготы в жизни человек находит компенсацию в религии, поддержку. Религия становится одной из функций культуры, позволяющих человеку, существующему в обществе, найти так называемое покровительство, коллективный образ отца.

Задача философа состоит в том, чтобы подойти к вопросу религии с обеих позиций (обвинения и утешения), в том числе опираясь на учения критиков религии, таких как Ницше и Фрейд, чтобы обнаружить подлинное взаимодействие между религией и верой. При толковании религиозного текста необходимо быть бесстрастным и бесстрашным, в поиске значений мы должны отказаться от собственных смыслов и целей. Рикёр называет эту ступень смирением, это первая ступень. Вторая ступень называется согласием. Здесь идет речь не об искусственном создании единства в непримиримом, не о подчинении причинных законов конечным, а о том гармоничном единстве, где человек является центром картины мира, субъектом, способным к анализу.

Цель философии в данном случае – максимальное приближение к логосу, в котором происходит объединение всех вещей, и именно логос переводит проблему в плоскость языка. По мнению Рикёра, язык следует воспринимать не только как средство выражения мысли: «Мы используем язык как дар, а мышление — как свидетельство признания этого дара» [1, с. 198]. Для современного понимания христианской религии и человека, существующего в религиозном символизме, нам необходим философский анализ и истолкование керигомы. Для этого с помощью атеизма как инструмента нужно избавиться от образа отца, который будет трансформирован в символ. Только тогда после освобождения от идола символ обретет речь.

Образ отца как символ является недостаточно изученным и не имеет однозначной характеристики. Тем не менее он предстает в каком-то смысле консервативным и препятствующим пониманию керигмы с точки зрения современной философии религии. С помощью такого взгляда на проблему мы не находим что-то принципиально новое и современное, напротив, возвращаемся к изначальному образу, но уже на более высоком уровне. Рикёр рассматривает проблему падения идола или смерти отца в христианстве с позиции психоанализа. В учении Фрейда ее можно прочесть как проблему Эдипа [7]. И хотя она кажется неискоренимой в психоанализе, по мнению Рикёра, все же есть предполагаемые ситуации, когда так называемое топтание на месте можно искоренить, ликвидировав отца в образе Эдипа. Этот образ одновременно выполняет структурирующую функцию для психоанализа и культуры в целом и в то же время не позволяет выйти за рамки, посмотреть на ситуацию иначе: «Он судит обо всем, но исключительно с одной-единственной точки зрения» [1, с. 207].

Рикёр говорит о важности философской рефлексии. Она сочетает в себе процесс анализа культуры вне зависимости от времени и психологического сознания исследователя, а также его культурной среды. Для акта рефлексии, так называемого анализа через интерпретатора, читателя и т.д. (сына), Рикёр проводит параллель между христианскими категориями отец – сын и категориями Гегеля господин – раб – противоположные, но в то же время тесно взаимосвязанные роли. Это бесконечная череда смертей и перерождений отца в сыне, и бесконечная череда желаний и труда в господине и рабе. И те, и другие отношения имеют общую черту – взаимодействие между субъектами осуществляется через волю. Воля одного должна подразумевать волю другого. Рикёр называет волю категорией философии духа, ссылаясь на феноменологию Гегеля (тело подвластно духу посредством воли, что возможно только у человека, который руководствуется не только инстинктами).

Тесная связь отца и сына или раба и господина важна в рамках нашего дискурса, потому что речь идет не о свержении авторитетов и идолов, а об отказе от фантазма в пользу символа. Мы должны взглянуть по-новому на эти связи, как взаимные и друг без друга являющиеся неполноценными. Этот сложный анализ необходим не только для верного толкования религиозного текста, но и для определения человека в культурной и религиозной среде [8]. С помощью современного философского взгляда, опираясь на опыт различных философских течений, мы можем провести более подробный анализ религиозной символики и текста, разрушив некоторые стереотипы не для создания новых истин, а для уточнения существующих [9].

Касаемо вопроса о диалектике божественного отцовства, необходимо отметить, что Рикёр выделяет еще одну его сферу – представление. «Представление – это иносказательная форма самопроявления абсолюта» [1, с. 215]. Здесь идет речь не о человеческом самосознании, а о развитии, умозрительном мышлении, божественном. В религиозной ретроспективе Рикёр разбирает феномен представления не через теологию, а через толкование. Такой дискурс позволяет взглянуть на любой феномен с разных позиций, не привязываясь к догматам. Толкование здесь выступает методом исследования, а предметом исследования является фигура Бога-отца. Философ задается вопросом о том, каким народам свойственно именовать своего Бога отцом, является ли фигура отца архаично невротической и т.д. В частности, ветхозаветный христианский Бог ещё не назван отцом: «Яхве — прежде всего “бог наших отцов”, и только потом отец» [1, с. 218].

В Шестикнижии мы можем наблюдать союзнические отношения Бога Яхве и Израиля, к которому первый обращается. Он ещё не отец. У него есть имя. Бог, именуемый позже отцом, имени не имеет. Мы наблюдаем постепенное развитие. Сначала Бог выступает в качестве отца, потом провозглашается отцом, а затем мы наблюдаем обращение к отцу, адресованное к Богу. Завершается этот процесс молитвой Иисуса, обращенной к Богу-отцу. В ходе этого процесса Бог обретает свой лик, и «образ завершает свой путь от фантазма к символу» [1, с. 221]. Образ отца подразумевает родственную связь.

В этом контексте особую окраску обретает феномен смерти. Ее смысл в христианстве приходит через сострадание. Рикёр разделяет позицию Фрейда о том, что если Иисус принял на себя смерть, то теперь он занимает место Бога-отца. Сам феномен смерти таким образом меняет свой смысл. И у Фрейда, и у Гегеля в смерти просматривается преобразование, но Гегель

понимает таковое диалектически (как событие, повторяющееся на разных этапах, но проходящее через одну точку). Такая связь смерти и символа, по мнению Рикёра, остается непонятой. Анализ, который проводит Рикёр, осуществляется с трех сторон: экономической, феноменологической и герменевтической. «Экономика – это экономика желания, феноменология – это феноменология духа, герменевтика – это толкование религиозных образов» [1, с. 230]. Но отличительной особенностью трактовки смерти Рикёра является осознание ответственности на будущие поколения [10].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что мы рассмотрели наиболее значимые, на наш взгляд, символические понятия религиозного дискурса, которые оказывают значительное влияние на формирование самости и духовной сущности преимущественно европейского человека, существующего под культурным влиянием христианства и проживающего опыт символических трансформаций. Современные исследователи проявляют интерес к проблеме религиозного символа и вопросам религиозного происхождения этических категорий. Этически значимые понятия, такие как свобода и надежда, виновность и утешение, понимаемые вне и независимо от религиозного сознания, раскроются принципиально иным образом, если осмыслить их через керигму как метод, как рациональную часть религии.

Список источников

1. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / пер. с фр., послесл., прим. И. С. Вдовиной. М.: Искусство, 1996. 270 с.
2. Лещенко А.М. Феномен христианского религиозного символа // EESJ. 2016. № 4. С. 90–93.
3. Калинин М.Г., Лёзов С.В. Кериigma // Православная энциклопедия. URL: [https:// www.pravenc.ru/text/1684229.html](https://www.pravenc.ru/text/1684229.html) (дата обращения: 14.12.2022).
4. Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2061493 (дата обращения: 09.01.2023).
5. Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект; Трикта, 2010. 564 с.
6. Мачульская О. И. Морально-этические проблемы в концепции памяти Поля Рикёра // Философские науки. 2019. Т. 62, № 9. С. 35–50. Doi: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-35-50.
7. Фрейд З. Толкование сновидений / пер. с нем. Я.М. Когана. М.: Азбука, 2015. 512 с.
8. Рикёр П. История и истина / пер. с фр. И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
10. Вдовина И.С. Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 288 с.

References

1. Ricoeur P. *Hermeneutics and psychoanalysis. Religion and faith*. Transl. from French, afterword, note by I. S. Vdovina. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1996. 270 p. (In Russ.).
2. Leshchenko A.M. Phenomenon of Christian religious symbol. *EESJ*. 2016;(4):90-93. (In Russ.).
3. Kalinin M.G., Lezov S.V. Kerigma. *Orthodox encyclopedia*. Available from: <https://www.pravenc.ru/text/1684229.html> [Accessed 14th December 2022]. (In Russ.).
4. *Great Russian Encyclopedia*. Available from: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2061493 [Accessed 9th January 2023]. (In Russ.).
5. Dugin A.G. *Sociology of the imagination. Introduction to structural sociology*. Moscow: Akademicheskii Proekt, Trikssta Publ.; 2010. 564 p. (In Russ.).
6. Machulskaya O. I. Moral and ethical problems in the concept of memory of Paul Ricoeur. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2019;62(9):35-50, doi: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-35-50. (In Russ.).
7. Freud Z. *Interpretation of dreams*. Transl. from German by Ya.M. Kogan. Moscow: Azbuka Publ.; 2015. 512 p. (In Russ.).

8. Ricoeur P. *History and truth*. Transl. from the French by I.S. Vdovina, O.I. Machulskaya. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2002. 400 p. (In Russ.).

9. Ricoeur P. *Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*. Transl. from the French, introductory article and commentary by I.S. Vdovina. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2008. 695 p. (In Russ.).

10. Vdovina I.S. *Paul Ricoeur: on the "Champs Elysees" of philosophy*. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitaciya" Publ.; 2019. 288 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Иванова – аспирант кафедры философии.

Information about the author

A.I. Ivanova – Postgraduate Student of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья
УДК 008
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-24-29

ТРАДИЦИОННЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ЧЕЧЕНЦЕВ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анжела Магомедовна Исаева

Северо-Кавказский государственный институт искусств, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия
asma1982@mail.ru

Аннотация. Анализируется традиционный свадебный обряд чеченцев, являющийся важной частью их этнической культуры, устанавливающий социальный статус новых семей, собравшихся породниться. Свадебные обряды ориентированы на создание новой семьи, пары, вступающей в брак с целью продолжить этнокультурную преемственность и историю своего рода. Это – своеобразный механизм «регуляции внутри этнических связей», действие которых подразумевает объединение деятельности индивидов путем включения их в систему социальных институтов. При этом происходит интериоризация индивидами групповых норм и ценностей, снятие возникающих в повседневном общении эмоциональных напряжений и, наконец, утверждается социальная значимость такой жизненной ситуации, как вступление в семейно-брачные отношения.

Ключевые слова: чеченцы, этническая культура, жених, невеста, традиции, обычаи, обряды, адаты, калым, свадьба, семья

Для цитирования: Исаева А.М. Традиционный свадебный обряд чеченцев: историко-культурологический анализ // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 24–29.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE TRADITIONAL WEDDING CEREMONY OF THE CHECHENS: HISTORICAL AND CULTURAL ANALYSIS

Anzhela M. Isaeva

North Caucasian State Institute of Arts, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia
asma1982@mail.ru

Abstract. The article analyzes the traditional wedding ceremony of the Chechens, which is an important part of their ethnic culture, establishing the social status of new families who have gathered to intermarry. Wedding ceremonies are focused on the creation of a new family, a couple entering into marriage in order to continue the ethno-cultural continuity, continuing the history of one kind or another. The wedding ceremony is the most important part of the culture of that other people, a kind of mechanism of “regulation within ethnic ties”, the action of which implies the unification of the activities of individuals by including them in the system of social institutions. At the same time, individuals internalize group norms and values, remove emotional tensions that arise in everyday communication, and, finally, the social significance of such a life situation as entering into family and marriage relations is affirmed.

Keywords: Chechens, ethnic culture, groom, bride, traditions, customs, rituals, adats, kalym, wedding, family

For citation: Isaeva A.M. The Traditional Wedding Ceremony of the Chechens: Historical and Cultural Analysis. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):24-29. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В период современных информационных и промышленных технологий, преобразующих окружающий нас мир, социальные институты, традиции, большой интерес вызывает культурное наследие народов, сохраняющих свои этнические особенности, обычаи, историко-культурные ценности. Понимание традиций этноса и сохранение их важно не только в научном плане, но и в культурном и духовном отношении. Поэтому ученые изучают народные обряды, которые, несмотря на изменения под воздействием времени, не теряют свою историко-этнографическую значимость, регулируя при этом внутриэтнические отношения.

Тема обрядовой культуры чеченцев, как и любого народа, очень многогранна, придает этносу своеобразие и колорит. К примеру, очень интересен свадебный обряд чеченцев, который исторически сложился в целях создания новой прочной семьи, продолжающей этническую и родовую преемственность. Анализ его особенностей позволяет понять роль и место семьи и каждого человека в чеченском обществе.

Историко-культурные традиции чеченцев всегда привлекали внимание ученых. Исследования М.М. Ковалевского и сегодня остаются историко-культурной основой для изучения древних обычаев, в том числе и свадебного обряда осетин, кабардинцев, чеченцев, ингушей. В них выявляются ценностные нормативные моменты, раскрываются их нравственно-этическая и правовая основа [1].

Б.К. Далгат также дает историко-культурное описание свадебных и брачных отношений чеченцев и ингушей, их регламентацию, основанную на адатах и шариате [2].

Проблемы сватовства, а также адаты, сопряженные с ними, анализировались Ф.И. Леонтовичем [3]. О процессе сватовства автор пишет: «Женитьбе предшествует обыкновенно сговор или сватовство; когда отец соглашается засватать дочь свою, жених делает девушке подарок, состоящий из шелкового головного платка и десяти рублей серебром», после чего жених может втайне видаться со своей невестой, а если они встретились при чужих, то «они не говорят между собой» [3, с. 95].

Очень часто в традиционном обществе чеченцев допускались случаи умыкания невесты, что считалось чуть ли не нормой. Но в целом этот обычай подвергался осуждению, хотя его преодолеть не удавалось. В советское время умыкание женщин, девушек строго наказывалось, вплоть до судебного осуждения виновного. Только в постсоветский период, благодаря усилиям Р.А. Кадырова и мусульманского духовенства Чеченской Республики, он фактически искоренен. Если такой случай иногда и происходит, то это влечет за собой резкое общественное осуждение и наказание в виде крупного штрафа, выплатить который часто не под силу рискувавшему на этот шаг.

З.И. Хасбулатова выявила в этнической культуре чеченцев следующие формы семейно-брачных обрядов, бытовавших среди чеченцев: браки по сватовству, браки убегом и браки умыканием [4, с. 51].

Вопросам заключения брака чеченцы, как и другие народы на Северном Кавказе, придают большое значение, и сам процесс осуществляется тщательно. Эти аспекты нашли отражение в исследовании Б.Д. Байдаевой, которая анализирует свадебный обряд народов Северного Кавказа в контексте этнической культуры, заметно реагирующего на модернизационные изменения, происходящие в российском обществе [5, с. 6]. И в наши дни браки между семьями в Чечне заключаются в основном согласно исторически сложившимся культурным обычаям и традициям, но при этом могут иметь место и новшества.

В этнической культуре чеченцев центральное место занимает выкуп невесты. «Нормы обычного права, адаты играли и играют по сей день важную роль в общественной жизни народов Северного Кавказа. До принятия ислама и проникновения законодательства России адаты были единственными нормами, которые регулировали их повседневную жизнь. Очень сильным было влияние адатов, регламентирующих семейный быт у чеченцев – сватовство, калым, похищение девушек, положение женщины и т.д.» [6, с. 9].

Б.Д. Байдаева в своем исследовании пишет следующее: «Калым – тюркское слово, означающее выкуп за невесту. Содержащаяся в ряде словарей его трактовка как «выкуп за невесту по мусульманскому обычаю» является совершенно неверной. Во-первых, выкуп за невесту имел место и в доисламский период в родовом обществе у большинства народов мира, во-вторых, этот обычай был не у всех мусульманских народов. У некоторых калым как выкуп вообще не существовал и не существует. Сегодня наиболее общераспространенным понятием выкупа за невесту является слово «калым». Причем у каждого народа есть свой термин, определяющий это понятие: *урду* – у ингушей, *там* – у чеченцев, *калым* – у тюркских народов, *махр* – у мусульман, *вено* – у славян, *могар* – у евреев, *мета* – у германских племен лангобардов и т.д. Эти термины различны по содержанию» [6, с. 9].

Так, например, вплоть до последнего времени особое значение при заключении брачных союзов придавалось наличию в семье большого количества мужчин, что объясняется патриархальными устоями. Таким образом выяснялось, не было ли в роду генетических заболеваний, как относится общество к жениху, считает ли оно его семью хорошей, нет ли в семье преступников, людей с пороками и т. д. Материальное положение семьи также играло важную роль. Недаром народная поговорка чеченцев гласит: «лаха йоІан – цу, кІантан – хІу» («ищи дочери богатство, а сыну – потомство»).

Сегодня встречаются и нововведения, к которым у населения противоречивое отношение, а многие считают их использование в свадебном обряде неприемлемыми. Так, министр культуры Чеченской Республики А.Р. Кадырова призвала изучать исконно чеченские обычаи и подвергла критике попытки внести в свадебный обряд не соответствующие менталитету народа новшества, расходящиеся с традиционной культурой чеченцев. Она отмечала: «В последнее время люди слишком усложнили этот обряд, внося различные новшества. Более того, это еще и абсолютно не соответствует нашим традициям и культуре. К примеру, подарки свекрови в виде короны, шубы и т.д.» [7].

Невеста должна быть воспитанной, придерживаться традиций. Находясь в семье мужа, она должна уважать его родственников и односельчан. Браки в Чечне ныне заключаются по обоюдному желанию молодых. «Вступление в брак в Чечне возможно исключительно с разрешения родителей с обеих сторон, иного свадебные традиции попросту не предусматривают. Перед сватовством представители жениха самым тщательным образом изучают биографию его возлюбленной, а также биографию всех членов ее семьи как минимум в трех-четырёх поколениях: это важно, чтобы полностью исключить вероятность кровосмешения» [8].

К родителям девушки посылают сватов после сговора между молодыми о создании семьи. Если сватовство принимается, отец или другой родственник девушки сообщает сватам о том, чтобы они приходили за окончательным ответом в другой день. До официального сватовства к родителям невесты посылают доверенного человека для того, чтобы разузнать мнение родителей и девушки о молодом человеке. Если ему удастся достичь предварительного согласия, к родителям девушки посылают несколько уважаемых людей объявить о сватовстве.

В том случае если родители считают партию не подходящей для своей дочери, то они выдвигают какой-либо предлог или отказ (дочери рано пока выходить замуж и др.), но сваты должны попытаться склонить на свою сторону родственников невесты.

Свадьба, где у чеченцев обычно присутствует много народа (раньше на свадьбу мог прийти кто угодно без всякого приглашения), устраивалась ради невесты. Жених не присутствует на свадьбе. Зато невеста является «королевой праздника», ею любуются присутствующие.

Чеченская свадьба часто синкретична, песни, пантомимы, словесные приветствия создавали красивое действо. В чеченских свадебных обрядах участниками являются замой (участники свадебного поезда), говраш хахкар (скачки), нускал цІа далдар (ввод невесты в дом), нус гуч якхар (знакомство с невестой), нускал хи тІе даххар (вывод невесты к реке). В этих действиях проявляются основные особенности народного театра чеченцев, выражающие широту народного воображения.

У чеченцев существует два способа забирать невесту: девушку из родительского дома по предварительному согласию забирают родственники жениха, причем сразу же обговаривается и уплачивается размер выкупа (калым), либо девушка, ничего не сообщая домашним, выходит

к приехавшим за ней родственникам жениха (в этом случае считается, что она сбежала). Второе обычно происходит, если среди родственников невесты кто-то возражает против наметившегося родства. Если сватовство уже состоялось и необходимо быстро довести его до конца, то юноша и девушка по взаимному согласию прибегают к этому способу. Такой способ забирать невесту вызывает затруднения, которые все же улаживаются.

Необходимо отметить, что такой способ заключения брака бывал удачным только тогда, когда к нему прибегали с согласия девушки. Оно считалось самым главным при сватовстве, из уважения к ее выбору родные редко настаивали на своем. «ЙоІа ша хадабо ше мах» («Девушка сама определяет себе цену») – гласит народная пословица. Согласие с выбором дочери есть согласие с тем, что она первая несет ответственность за возможные последствия.

Никогда не считалось народной традицией или обычаем, если девушку увозили насильно. Хотя на этом иногда и настаивают. Скорее это считалось хулиганским поступком и даже преступлением. В чеченском обществе такое сватовство нередко завершалось кровопролитием и кровной мстостью, что могло затянуться на многие годы, если посредникам не удавалось быстро привести стороны к примирению. Глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров еще в 2011 г. запретил этот архаичный «обычай». Им было сказано: «Я со всей ответственностью заявляю, что мы искореним навсегда из жизни нашего общества похищение девушек» [9]. Для такой решительности в чеченском обществе есть соответствующее основание. Так, сватовство по взаимному согласию одобряет ислам, и чеченские адаты отдают предпочтение именно такому обычаю.

Родственники жениха назначают время свадьбы, учитывая при этом готовность к свадьбе и родственников невесты. За невестой отправляется свадебный кортеж в день свадьбы – замой, в число которого входят друзья жениха, шафер (невцан накьост) и другие участники, которые должны поехать за невестой и принять участие в свадебных мероприятиях.

В подготовке невесты к свадьбе участвуют снохи, сестры. Особенно тщательно готовят наряд невесты (габли). «Габли были очень нарядными, пышными, присборенными на талии. Цвет мог быть любой, кроме белого и черного. Предпочтение отдавали синему и коричневому цветам. Голову покрывал платок (кортли) длиной в 2 или 3 метра [10] (со слов информатора Зуми Исаевой, 1935 г.р., проживающей в с. Серноводск). Гости, которые пришли на свадьбу-проводы, приносят невесте подарки: ткани, предметы туалета, деньги в зависимости от своих родственных обязательств и родственной иерархии. О готовности невесты к выходу из дома сообщают старшему кортежа. Последний отдает распоряжение вывести невесту из дома. По дороге назад свадебный кортеж часто останавливается для танцев, молодежь веселится, гармошка не смолкает. В прошлом джигиты, участники свадебного кортежа, показывали свое искусство в стрельбе, фехтовании и джигитовке. При выезде свадебного «поезда» односельчане невесты могут задержать его, раскинув бурку, к примеру, и взять выкуп. Выкуп берется также при выводе невесты из родительского дома (неІацар – буквально «держат дверь»).

Когда свадебный кортеж подъезжает к дому жениха, все гости выходят его встречать. Молодой человек (друг или брат жениха), ехавший вместе с невестой, помогает ей сойти, держа в своей правой руке ее правую руку. Мать жениха осыпает невесту конфетами, сладостями, этим обрядом символически обещая невесте сладкую жизнь. Ее, одетую в свадебное платье, помещают на почетное место в комнате, под специальную занавеску (кІирхьа).

Затем невесте дают ребенка (обычно сына родственников) с пожеланиями, чтобы у невесты было много детей и особенно сыновей. При вводе невесты в дом у порога кладут веник с истангом (войлочный ковер), которые невеста должна аккуратно убрать с дороги. В былые времена к ногам невесты бросали бурку.

После этих церемоний начинается свадьба с танцами и пиршеством. Распорядителем и тамадой выступает избранный генерал – инарла. Среди приглашенных музыкантов – гармонисты, бубнисты или играющие на зурне (пондарча, зурманча, вотанча). Раньше на свадьбах присутствующих веселили клоуны (жухаргш) и акробаты (пелхІо). Без их участия не проходил ни один праздник в селе, ни одно знаменательное событие. Они пользовались в селах большой популярностью. Чтобы посмотреть их номера, люди часто приезжали из далеких мест. Жухурги – шуты, наподобие скоморохов. Обычно это были талантливые мужчины, наделенные даром пе-

революции и острым умом. Они могли высмеять любого тунеядца, лодыря, нарушителя общественного порядка. Но делалось это в шуточной форме, не унижая достоинства человека.

Практиковались состязания в пении, танцах и в остроловии, соревнования в танце лошадей, были даже танцевальные песни для лошадей. Кони специально были обучены танцевать, и это было завораживающее зрелище. Устраивались джигитовка и скачки.

На свадьбу приходят и приезжают с подарками: женщины приносят, как правило, отрезки материи, сладости. Мужчины в качестве подарка оставляют деньги, которые передают непосредственно невесте на свадебном обряде «мот бастар» («развязать язык»). Каждый родственник мужа и его друзья должны «развязать язык» невесте, молодые люди могут сделать это во время свадьбы и после нее. Обычно невесту просят подать чашку воды, а потом просят разрешения выпить ее. Невеста без лишней спешки произносит одну или две фразы, т. е. предлагает выпить воду на здоровье. Присутствующие благодарят ее и желают ей всего наилучшего.

То, что невесте «развязывают язык» посредством воды, как и тот факт, что первое свидание и предложение замужества также происходило у воды (возле сельского родника), имеет определенный смысл. Поскольку питьевая вода содержится в особой чистоте. И данный обычай символизирует, что отношения снохи с ее родными должны быть «чистыми и прозрачными». Смысл же соблюдения обычая молчания, по словам нашего информанта Лейсы Салуевой (1939 г.р.), состоит в следующем: входя в новую семью, невестка как бы «отказывается» от обычаев, норм поведения, принятых в доме ее отца, и демонстрирует готовность принять правила поведения в доме ее мужа [11].

Спустя время после свадьбы, невесту выводят из дому, чтобы принести воду. В источник воды бросают кусочек лепешки, в который воткнута иголка с ниткой, а затем производят выстрел в него. Молодую сноху выводят по воду еще и с целью сразу же показать ее соседям, поскольку с этого дня они должны жить рядом.

Смысл этого действия заключается в следующем: обязанности жены связаны с приготовлением еды и домашними делами (что символизируют вода, хлеб и швейные принадлежности). Выстрелом же отгоняется темная сила. С той же целью все время стреляют в воздух, пока везут невесту из родительского дома в дом жениха.

Изучение свадебного обряда дает представление о моральных ценностях общества, о связи свадебных ритуалов с общекультурным опытом и этническими особенностями народа, которые были накоплены в ходе исторического развития и в условиях доминирования ценностей языческой культуры, которые с усилением ислама в этнической культуре чеченцев постепенно преодолеваются.

Список источников

1. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон: обычное право осетин в историко-сравнительном отношении : в 2 т. Репринт. Владикавказ: Алания, 1995. Т. 1. 340 с. Т. 2. 410 с.
2. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 308 с.
3. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Вып. 2. Нальчик: Эль-Фа, 2002.
4. Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). М.: Московская типография, 2007. 416 с.
5. Байдаева Б.Д. Свадебный обряд в контексте этнической культуры народов Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2009. 27 с.
6. Байдаева Б.Д. Калым-урду у вайнахов: социокультурный анализ // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2009. № 3А. С. 9–12.
7. Айшат Кадырова призвала жителей ЧР отказаться от всех новшеств и проводить свадьбы по чеченским исконным традициям // Вести Республики. 2022. 6 авг. URL: <https://vesti095.ru/2022/08/ajshat-kadyrova-prizvala-zhitelej-chr-otkazatsya-ot-vseh-novshestv-i-provodit-svadby-po-chechenskim-iskonnym-traditsiyam/> (дата обращения: 12.09.2022).
8. Традиции и обычаи чеченской свадьбы. URL: <https://vplate.ru/svadba/chechenskaja/> (дата обращения: 12.09.2022).

9. Кадыров Р.А. Мы навсегда искореним похищение невест // Комсомольская правда. 2010. 17 окт. URL: <https://www.kp.ru/online/news/759354> (дата обращения: 12.09.2022).

10. З.И. Исаева (полевой материал, информатор). 15.07.2007. ЧР, с. Серноводск.

11. Л. Салуева (полевой материал, информатор). 06.05.2022. ЧР, с. Серноводск. З.И. Исаева (полевой материал, информатор).

References

1. Kovalevsky M.M. *Modern custom and ancient law: Ossetian customary law in historical and comparative terms*: in 2 vols. Reprint. Vladikavkaz: Alaniya Publ.; 1995. Vol. 1. 340 p. Vol. 2. 410 p. (In Russ.).
2. Dalgat B.K. *Tribal life and customary law of the Chechens and Ingush*. Moscow: IMLI RAN Press, 2008. 308 p. (In Russ.).
3. Leontovich F.I. *Adats of the Caucasian highlanders*. Iss. 2. Nalchik: El-Fa Publ.; 2002. (In Russ.).
4. Khasbulatova Z.I. *Upbringing of children among Chechens: customs and traditions (19th - early 20th century)*. Moscow: Moscow Publishing House; 2007. 416 p. (In Russ.).
5. Baidaeva B.D. *Wedding ceremony in the context of the ethnic culture of the peoples of the North Caucasus*. Dissertation Thesis. Rostov-on-Don, 2009. 27 p. (In Russ.).
6. Baidaeva B.D. Kalym-Urdu among the Vainakhs: sociocultural analysis. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2009;(3A):9-12. (In Russ.).
7. Aishat Kadyrova called on the inhabitants of the Chechen Republic to abandon all innovations and hold weddings according to Chechen ancestral traditions. *Vesti Respubliki*. 2022. 6 Aug. Available from: <https://vesti095.ru/2022/08/ajshat-kadyrova-prizvala-zhitelej-chr-otkazatsya-ot-vseh-novshestv-i-provodit-svadby-po-chechenskimi-iskonnymi-traditsiyam/> [Accessed 9th December 2022]. (In Russ.).
8. *Traditions and customs of the Chechen wedding*. Available from: <https://vplate.ru/svadba/chechenskaja/> [Accessed 9th December 2022]. (In Russ.).
9. Kadyrov R.A. We will eradicate bride kidnapping forever. *Komsomolskaya pravda*. 2010. October 17. Available from: <https://www.kp.ru/online/news/759354> [Accessed 09th December 2022]. (In Russ.).
10. Z.I. Isaeva (field material, informant). July 15, 2007. CR, p. Sernovodsk.
11. L. Salueva. (field material, informant). May 06, 2022. CR, p. Sernovodsk. Z.I. Isaeva (field material, informant).

Информация об авторе

А.М. Исаева – аспирант, кафедра культурологии.

Information about the author

A.M. Isaeva – Postgraduate Student, Department of Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 08.12.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 08.12.2022; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья
УДК 215
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-30-39

ЭВОЛЮЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ХРИСТИАНСКОЙ МЫСЛИ

Владимир Валерьевич Мамонов
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
mamonov@sfedu.ru

Аннотация. Рассматривается проблема восприятия теории эволюции в современном христианстве. Производится анализ ключевых текстов по теме и основных подходов к проблеме, среди которых – теистический эволюционизм, альтеризм, младоземельный и староземельный креационизм, теология процесса. Делаются выводы об актуальности проблемы, которая затрагивает критичные области христианской антропологии, теодицеи, эсхатологии и христологии. Дается оценка степени влияния высшего духовенства на преобладание той или иной точки зрения на эволюцию внутри определенной конфессии.

Ключевые слова: теистический эволюционизм, альтеризм, младоземельный креационизм, староземельный креационизм, теология процесса

Для цитирования: Мамонов В.В. Эволюция как проблема современной христианской мысли // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 30–39.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

EVOLUTION ISSUE IN A MODERN CHRISTIAN THOUGHT

Vladimir V. Mamonov
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
mamonov@sfedu.ru

Abstract. The article deals with the problem of perception of the theory of evolution in modern Christianity. The key texts on the topic are analyzed and the main approaches to the problem are considered, including theistic evolutionism, alterism, young-earth and old-earth creationism, process theology. Conclusions about the relevance of the problem are offered. The author also comes to the conclusion that the problem affects critical areas of Christian anthropology, theodicy, eschatology and Christology. The assessment of the degree of influence of the higher clergy on the predominance of one or another point of view on evolution within a particular denomination is given.

Keywords: theistic evolutionism, alterism, young-earth creationism, old-earth creationism, process theology

For citation: Mamonov V.V. Evolution Issue in a Modern Christian thought. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):30-39. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Вызовы современности, возникшие перед христианской антропологией в последние полтора столетия, носят беспрецедентный характер и понуждают её концентрироваться не только на библейском понимании человека, но также учитывать прогресс естественных и гуманитарных наук. Одним из серьезнейших вызовов стала теория эволюции Ч. Дарвина, объясняющая генез биологических видов (в том числе человека) естественным отбором с постепенным усложнени-

ем организмов. В XX в. дарвинизм был дополнен достижениями генетики и преобразован в синтетическую теорию эволюции (СТЭ), обладающую ещё большей по сравнению с изначальной теорией научной обоснованностью. На данный момент СТЭ является основополагающей в научной концепции развития жизни на Земле.

Нами будут рассмотрены подходы к теории эволюции со стороны христианских теологов, а также важнейшие богословские проблемы, возникающие при согласовании вероучения и данных науки. Проблема затрагивает области религиозной антропологии, апологетики и философской теологии. В первую очередь нас интересуют тексты, написанные в конце XX в. и позднее. Это обусловлено, во-первых, тем, что в данной области теология зачастую коррелирует с современными научными открытиями в биологии, генетике, нейронауках; во-вторых, тем, что в последние несколько десятилетий наблюдается определенный рост интереса среди христианских мыслителей к данной теме, что дает богатый материал для анализа.

В расширительном смысле проблема эволюции и креационизма – это проблема взаимоотношений науки и религии, а в ещё более широком – извечная проблема соотношения веры и разума. Согласно широко распространенной типологии моделей взаимоотношения науки и религии¹ этот обзор также будет разделен на комплементарные им подходы к эволюции, подразумевающие интеграцию, конфликт и независимость (не исключая при этом возможность диалога).

Интеграция

Теистический эволюционизм. Наиболее известным интеграционным подходом к эволюции является теистический эволюционизм. Термин носит обобщающий характер и применяется для тех богословских позиций, которые основываются на том, что процесс эволюции материи и жизни является установленным научным фактом и инструментом, с помощью которого Бог творит мир.

Степень Божественного влияния на ход эволюции у различных теистических эволюционистов может варьироваться от изначального установления законов развития и последующего невмешательства, что приближает эту позицию к деизму, до периодического божественного вмешательства в ход эволюции, в особенности того, что касается антропогенеза и появления у людей разума, души, морали.

Теистический эволюционизм, судя по высказываниям пап Иоанна Павла II и Франциска, на данный момент признается предпочтительной точкой зрения на эволюцию в Римско-католической церкви [1, 2]. Впрочем и сам исторический путь развития отношений Рима к эволюционизму носит вполне эволюционный характер: от почти полного неприятия эволюционной теории практически сразу после публикации «Происхождения видов» в 1859 г., далее через частичное принятие в середине XX в. и, наконец, к доминированию теистического эволюционизма как основной богословской позиции по проблеме творения и эволюции.

Знаковой для взаимодействия богословия и эволюционизма стала энциклика папы Пия XII *Humani Generis* (1950). Данный документ носит апологетический характер и его целью является установление пределов допустимого в католическом богословии. В частности, папа объявляет эволюцию «гипотезой, имеющей некоторое научное основание», напоминая об авторитете Церкви и Предания в вопросах творения человека и в особенности души. Также антицерковными объявляются те точки зрения, которые допускают полигенизм (происхождение людей от более чем одной пары прародителей) и интерпретацию Адама в качестве символического прародителя, а не реальной личности. Тем не менее занятия католиков исследованиями в научных областях, связанных с эволюционной теорией, не порицаются, и, более того, энциклика предостерегает от другой крайности – фундаменталистского подхода к Библии в качестве единственного источника истины, признавая важность разума [3, p. 100–103].

Хотя в *Humani Generis* и не названо ни одного конкретного имени, многим было понятно, что в своей критике эволюционизма Пий XII в первую очередь имел в виду Тейяра де Шардена

---

¹ Модели соотношения науки и религии описаны в четвертой главе работы американского физика и теолога Иэна Барбура (Ian Barbour) «Religion and Science. Historical and Contemporary Issue» (1998). Русскоязычное издание осуществлено ББИ св. апостола Андрея в 2000 г. под заглавием «Религия и наука: история и современность».

(1881–1955) – монаха-иезуита, палеонтолога и автора одной из самых заметных богословских систем, основанных на всеобщем принципе эволюционизма. Кроме того, личная судьба Тейяра и судьба его наследия являют яркий пример неоднозначного отношения римской курии к попыткам примирения христианства и эволюционной теории в тот период.

Уникальность мысли иезуита-палеонтолога в том, что он высказывался не по каким-то отдельным проблемам, связанным с принятием эволюции, а выстраивает цельную богословско-космологическую систему, интегрирующую в себя естественнонаучные представления первой половины XX в. от космогенеза до эсхатологии. Наиболее полно эта система изложена в работе «Феномен человека» («Le Phénomène humain», 1955), изданной после смерти автора. Согласно его концепции, вся Вселенная вызвана к бытию и дальнейшему развитию особым типом энергии – любовью, но так как Тейяр стремился придать научности своему тексту, то любовь он также именуется «радиальной энергией», которая является самой сущностью объектов [4].

Радиальная энергия постепенно накапливается и суммируется – отсюда проистекает эволюция Вселенной. Конечной точкой процесса накопления радиальной энергии является «точка Омега», в котором творение и главным образом человечество, осознав себя частью Бога, будет покоиться в нём в форме коллективного сознания, отделенного от материальной матрицы. Бог у Тейяра, являясь началом творения, в то же время самосозидается из кирпичиков радиальной энергии, чтобы наконец обрести свой завершённый образ в точке Омега. Безусловно, богословская концепция Тейяра де Шардена была проблемной для традиционных представлений о Боге, человеке, начале и конце мира, сложившихся в католицизме. При жизни труды Тейяра были запрещены к публикации.

Стремление теистических эволюционистов к синтезу науки и христианства неизбежно приводит к появлению ряда теологических проблем. Пока дело касается неживой материи, теистический эволюционизм довольно неплохо совмещается с библейским сказанием о творении и в то же время не противоречит науке. Когда же в истории Вселенной возникает жизнь, мы сталкиваемся с первой и одной из главных проблем теистического эволюционизма – проблемой теодицеи.

По законам эволюции выживает тот, кто способен взять необходимое от слабого и спастись от сильного, найдя при этом своё место среди сородичей. В эволюции внутривидовая и межвидовая борьба – это двигатели эволюционного процесса. С этой точки зрения они могут рассматриваться как благо. Но оно неизбежно сопровождается смертью, что противоречит представлениям традиционных ветвей христианства об устройстве мира до грехопадения. Обозначим несколько точек, чтобы нагляднее показать проблемность теистического эволюционизма в этой области:

1) мир в райском его состоянии был дружелюбен и не подразумевал хищничества: «Всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду], пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу» (Быт. 1:30);

2) после послушания первых людей мир становится враждебным по отношению к ним: «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травой» (Быт. 3:17);

3) сами же люди после вкушения плодов с древа познания добра и зла становятся смертными: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные¹ и одел их. И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. 3:21–22).

Безусловно, данная проблема была очевидна и для теистических эволюционистов. Отечественный исследователь эволюционизма в христианстве А. В. Храмов выделяет следующие аргументы, используемые сторонниками данного подхода [5]:

---

¹ Под кожаными одеждами или кожаными ризами подавляющее число толкователей понимают обретение той плоти, которая присуща всем людям со всеми её недостатками и в том числе смертностью. Напр., толкование св. Григория Нисского на это место: «А воспринято нами от кожи неразумных следующее: плотское соединение, зачатие, деторождение, нечистота, кормление грудью, питание, извержение, постепенное созревание до зрелости, расцвет, старость, болезнь, смерть» (Григорий Нисский, *Диалог о душе и воскресении 10*).

1. *Аргумент единственного пути*, согласно которому эволюция в её естественном виде является единственным способом, с помощью которого Бог может творить жизнь, новые виды, человека. Смерть и зло – неизбежные атрибуты жизни.

2. *Аргумент о воспитательной пользе зла*, согласно которому человек изначально создан несовершенным. Зло, страдание и смерть даны ему для духовного возрастания и совершенствования.

Следствием отказа от учения о грехопадении является утрата фундаментальных догматических оснований, свойственных христианству. Если не было грехопадения, то какое место во всем учении должна занимать крестная смерть Иисуса Христа? Искупительная жертва становится просто не нужна, если грех является лишь издержкой того способа, который избрал Бог для процесса творения. Осознавая это, теистические эволюционисты вынужденно заменяют традиционную христологию искупления на эволюционную, где Христос своими смертью и воскресением задаёт вектор дальнейшей эволюции, направленный на духовное совершенствование человечества. Голландский богослов Г. ван ден Бринк так оправдывает данный подход: «Необходимость искупительной работы Христа зависит не от того, как именно мы стали грешниками, а от самого факта, что мы – грешники» [6, с. 224].

Подводя итог обзора теистического эволюционизма, следует отметить, что хотя данный подход сильно продвинулся в плане интеграции науки в христианство, тем не менее утрата важных догматических оснований, вероятно, просто неизбежна. Христианство в такой форме обретает черты деизма, пантеизма и панпсихизма, которые в традиционных ветвях христианства считаются ересью.

Теология процесса. Если теистические эволюционисты ставили своей задачей богословское объяснение эволюции с целью создания единой религиозно-научной картины мира, то в теологии процесса (Process theology) эволюционный характер существования Вселенной просто логически исходит из самой сущности данного подхода.

Теологией процесса называют подход в богословии, основанный на философии (Process philosophy) А. Н. Уайтхеда (1861–1947). Он мыслит природу не как совокупность неких элементарных частиц или сущностей, а как бесконечную цепь событий, в которой каждое новое событие обусловлено предшествующими. Таким образом в каждой пространственно-временной точке находится весь предшествующий «опыт» Вселенной. Опыт в системе Уайтхеда – это атрибут, присущий не только живой материи, но и вообще любому объекту-событию. Условно говоря, даже у камней есть опыт и чувства [цит. по: 7, с. 129–130]. С богословской точки зрения концепция бесконечной череды событий понимается как реальность с открытым будущим. Оно не предопределено Богом и всецело зависит от результата взаимодействия всех субъектов процесса. Следовательно, в теологии процесса у Бога нет свойств всемогущества и всеведения.

Взаимоотношения Бога и мира можно описать с помощью аналогии разума и тела. Безусловно, принято считать разум иерархически более высокой и тонкой системой, но тем не менее он не является создателем тела и не в силах по своей прихоти изменять работу отдельных систем тела. Таким образом, Бог в неизменности своей понимается как изначальный принцип, всегда существовавший в мире, но у него есть и вторая природа – изменяемая, которая изменяется вместе с миром [8]. Как мир зависит от Бога, так и Бог зависит от мира.

С точки зрения эволюционной теории теология процесса является весьма «удобным» подходом для соотнесения с принципами естественного отбора, случайных мутаций и ненаправленности эволюционного процесса. Освобождение мира от всемогущества Бога в некоторой степени снимает проблему происхождения зла. Впрочем, в данном подходе усматривается некоторая схожесть с либеральной теологией, в которой в сущности не остаётся места для божественного откровения, составляющего одну из главных ценностей христианства.

Конфликт

Понятие креационизма традиционно противопоставляется эволюционизму, так как оно подразумевает в той или иной степени буквальное понимание первых глав библейской книги Бытия. Теория эволюции во всех вариантах креационизма признаётся ложной. Однако существу-

ют градации креационизма – от сугубо фундаменталистских до относительно лояльных к имеющимся научным знаниям об истории Земли и жизни на ней. Мы рассмотрим три направления креационизма: младоземельный, староземельный, или креационизм постепенного Творения, и движение разумного замысла.

Младоземельный креационизм. Считается наиболее фундаменталистским вариантом креационизма, отвергающим научные представления о возрасте Земли и Вселенной, утверждающим, что мир был сотворён за шесть земных дней от 6000 до 10000 лет назад. Ещё одной важной позицией младоземельных креационистов является отстаивание Всемирного потопа как исторического факта. Однако нельзя утверждать, что сторонники данного движения основываются исключительно на свидетельствах Священного Писания. Они старательно подбирают факты естественных наук, которые можно интерпретировать в пользу их взглядов, а также используют лакуны в естествознании с целью дискредитации научной картины мира.

Для анализа аргументации сторонников молодой Земли обратимся к «Книге ответов», написанной в стиле катехизиса, авторами которой являются трое известнейших представителей данного движения – К. Хэм, Дж. Сарфати и К. Виланд. Авторы отстаивают творение в течение шести земных дней, аргументируя это буквальной интерпретацией еврейского слова «йом» (в букв. значении – день): «Первая глава книги Бытия, если читать её непредвзято, учит, что дни Творения – это обычные дни» [9, с. 29], и подкрепляют это толкование подсчётом количества упоминаний в Библии слова «йом» в значении светлого времени суток или 24-часового отрезка времени [9, с. 32]. Приводя ещё несколько подобных аргументов, авторы приходят к выводу, что возраст Вселенной около 6000 лет [9, с. 36].

В целом охарактеризовать аргументацию сторонников молодой Земли можно как примат библейского текста над любыми другими свидетельствами. Например, возражая против древности Земли, основанной на данных геологии, авторы апеллируют к тому, что в таком случае смерть должна была существовать до грехопадения Адама, что в свою очередь противоречит Библии и, следовательно, является неприемлемым для христиан [9, с. 37].

Перейдём к положениям, критикующим непосредственно эволюционную теорию. Сперва авторы критикуют одно из ее основных положений о родстве всех видов через общего одноклеточного предка. По их мнению, сходство тех или иных видов говорит не о родстве, а об общем создателе: «Единство Творения – свидетельство о Едином Истинном Боге, Который сотворил всё» [9, с. 111]. Далее рассматриваются научные данные о 97%-м сходстве ДНК человека и его самого близкого биологического «родственника» шимпанзе. Критикуя сам метод гибридизации ДНК, используемый для подобных сопоставлений, авторы приводят цифру в 96,2 % из других исследований. 4 % отличающихся нуклеотидов, переведённых в информационный эквивалент – это «120 миллионов пар оснований, что эквивалентно примерно 12 миллионам слов или 40 массивным фолиантам. Столь внушительный барьер непреодолим для мутаций» [9, с. 114].

Затем авторы переходят к критике «биогенетического закона Геккеля»¹, отмечая его необоснованность и неправильную интерпретацию описываемых им сходств в эмбриональном развитии живых организмов [9, с. 115–117]. Справедливо будет заметить, что и в научном мире так называемый «закон Геккеля» считается опровергнутым.

Примечателен следующий аргумент против эволюции, касающийся рудиментарных органов, являющихся доказательством её верности, поскольку свидетельствуют об изменении видов путём постепенного отбрасывания ненужного для выживания (например, крылья у нелетающих птиц). Младоземельные креационисты видят в этом свидетельство «ухудшения» творения после грехопадения человека. По их мнению, генетическая информация может лишь редуцироваться по прошествии времени, т.е. появление новых видов путём возникновения новых структур невозможно, возможно лишь ухудшение и упрощение изначально идеальных тварей [9, с. 121–123].

¹ Биогенетический закон, сформулированный немецким естествоиспытателем Э. Геккелем, а также независимо от него Ф. Мюллером, можно выразить так: онтогенез (индивидуальное развитие организма) есть быстрое и краткое повторение филогенеза (исторического развития вида). Данный закон не был подтверждён исследованиями, и на смену ему пришёл закон Бэра, описывающий наблюдаемое сходство эмбрионов с точки зрения формирования общих классовых особенностей на ранних стадиях с последующей родовой и видовой специализацией на более поздних стадиях развития зародыша.

В качестве заключительного аргумента против эволюции авторы прибегают к опровержению подлинности ископаемых останков человекоподобных обезьян и первых Номо. Например, относительно Номо habilis авторы заявляют: «Это – не самостоятельная форма, а всего лишь смесь останков других существ» и «такого существа в природе никогда не было» [9, с. 127]. Номо erectus же объявляется полноценным человеком, отличия которого от человека современного незначительны. К сожалению, в своих выводах авторы не ссылаются на конкретные исследования и придерживаются обобщающей риторики в духе «большинство палеоантропологов считает...», поэтому сложно судить об обоснованности подобной аргументации.

Можно сделать вывод, что в глазах младоземельных креационистов эволюционизм – это абсолютное заблуждение, порожденное греховной природой человека, забывшего слова Священного Писания. Однако сам факт существования подобных катехизисов и многих других подобных работ свидетельствует о том, что младоземельные креационисты утверждают несовместимость библейской и научной картин мира; нацелены на дебаты и стремятся рационализировать свои суждения с целью придания им большей убедительности¹.

Креационизм постепенного Творения. Староземельный креационизм более благосклонен к данным астрофизики и геологии относительно возраста Вселенной и Земли, но утверждает, что все виды жизни были созданы непосредственно божественным вмешательством на протяжении длительного времени, таким образом по-прежнему отвергая дарвинизм.

Один из выдающихся деятелей данного движения астрофизик Хью Росс (Hugh Ross) считает, что 3,8 млрд лет, которые существует жизнь на Земле – это слишком короткий отрезок времени для того, чтобы жизнь зародилась и развилась путём химической эволюции молекул. В качестве аргумента Росс приводит данные относительно резких скачков содержания кислорода в атмосфере Земли и связанным с этим стремительным появлением новых классов живых существ, что, по его словам, свидетельствует о сверхъестественном вмешательстве в процесс творения (здесь и далее цитирование производится по интервью Х. Росса Youtube-каналу «Разумная вера») [10].

В качестве второго аргумента Росс приводит статистику вымирания видов млекопитающих: вымерло 4000 видов, но за время существования человека не возникло ни одного нового. Таким образом он подтверждает мнение староземельных креационистов о том, что весь мир сейчас находится в «седьмом дне Творения», в котором Бог «почил от всех дел своих» и более не творит новые виды жизни.

Также в качестве доказательства божественного вмешательства Хью Росс приводит тот факт, что в истории Земли было немало катастроф, сопровождаемых массовым вымиранием жизни, что, по его мнению, обусловлено тем, что только Бог знал, как дальше будет развиваться Вселенная и, в частности, Солнце и какие виды выживут, а каким следует исчезнуть. Этим же аргументом он снимает проблему существования смерти до грехопадения – согласно первым двум главам книги Бытия нигде нет свидетельств об отсутствии смерти среди животных, а согласно Рим. 5:12, смерть после грехопадения Адама распространилась на людей. Следовательно, существование смерти среди животных, как считают сторонники старой Земли, не является результатом грехопадения.

Ещё одним доказательством прямого вмешательства Бога в дело Творения, со слов Росса, является наличие на Земле огромных запасов полезных ископаемых (нефти, газа, угля и т.д.), имеющих органическое происхождение. Для их образования потребовалось бесчисленное количество живых организмов, а конечным «бенефициаром» выступает человечество, способное использовать эти ископаемые для развития культуры, технологий и, что наиболее важно для Росса, для распространения Евангелия по всему миру.

Итак, староземельный креационизм обладает более сбалансированной аргументацией, нежели младоземельный, ссылаясь на фактические данные науки, особенно в области космологии, астрофизики и геологии, не уменьшая при этом авторитет Священного Писания. Впрочем, по этой же причине данное движение подвергается критике как со стороны младоземельных креационистов.

¹ В аннотации к рассматриваемой книге сказано, что она «излагает научные свидетельства в пользу библейской истории Сотворения и Всемирного Потопа». Также в аннотации к книге К. Виланда «Камни и кости» (1994) сказано, что доказательства из книги могут быть использованы в любых спорах с оппонентами-эволюционистами.

ционистов (за небуквальное понимание «шести дней»), так и со стороны теистических эволюционистов (за отвержение теории эволюции).

Разумный замысел. Движение разумного замысла (англ. Intelligent design) зародилось в США и, так же как другие направления креационизма, имеет целью доказательство божественного сотворения мира. Однако уникальность РЗ в том, что для этого не используются свидетельства из Библии, а берутся лишь свидетельства от природы и логические доказательства. Существуют два основных аргумента, на которые ссылаются сторонники РЗ: «неуменьшаемая сложность» и «определенная сложность».

Аргумент от неуменьшаемой сложности сформулирован и описан в книге американского биохимика и католика М. Бихи «Darwin's Black Box». Он подтверждает, что теория Дарвина хорошо описывает происхождение видов путём постепенного приспособления организмов к внешней среде. Однако дарвинизм не объясняет происхождение отдельных сложных систем, особенно на клеточном и молекулярном уровнях [11, р. 3–4]. В качестве примеров автор приводит жгутик кишечной палочки, механизм свёртывания крови, систему приобретенного иммунитета и даже глаз. По мнению Бихи, все эти системы не могут быть объяснены теорией эволюции путём прослеживания развития от просто к сложному, так как обладают неуменьшаемой сложностью. Из этого делается вывод, что системы, обладающие неуменьшаемой сложностью, свидетельствуют о разумном замысле.

Аргумент об определенной сложности предложен математиком У. Дембски в работе «The Design Inference». Он предлагает «объяснительный фильтр» для отнесения любых событий к одной из трёх категорий: закономерности, случайности и замысла. Событие, которое может произойти с высокой долей вероятности, является закономерностью. Например, шанс того, что выпадет решка при подбрасывании монетки, – 1 к 1. Событие средней степени вероятности относится к случайности, например, шанс выпадения двух единиц на паре игральные костей равняется 1 к 36. Более того, выигрыш в лотерею с шансом 1 к 1 000 000 тоже является событием средней степени вероятности [12, р. 38–39].

События категории замысла определяются Дембски низкой степенью вероятности – настолько низкой, что их легче объяснить замыслом. При этом событие с необходимостью должно обладать некоторой сложностью. В пример приводятся механизмы определения плагиата и нарушения авторских прав и использование косвенных улик детективами для поиска преступников [12, р. 47]. Опираясь на указанные категории, Дембски доказывает, что Жизнь не может быть ни закономерным, ни случайным событием, а так как она обладает определённой сложностью, то она относится к категории замысла [12, р. 56].

По приведенному анализу аргументов РЗ можно судить о научнообразном подходе к аргументации и стремлении к паритетному статусу как одной из теорий происхождения жизни. Однако научное сообщество не приняло доводов сторонников данного движения и в 2005 г. в результате судебного процесса «Китцмиллер против школьного округа Довер»¹ разумный замысел был признан псевдонаукой.

Независимость. Альтеризм

Подход, утверждающий существование двух принципиально разных миров до и после грехопадения, называется альтеризмом (лат. alter – другой (из двух)). Его сторонниками, как правило, признаётся полнота научного знания о материальном мире, включая теорию эволюции. При этом библейская версия сотворения человека также считается истинной, но она выносится за временные и пространственные пределы существования этого мира. Данный подход имеет распространение, в частности, среди русскоязычных авторов, принадлежащих к православной традиции.

Еп. Василий Родзянко развивает и обосновывает эту концепцию, опираясь как на научные сведения о происхождении Вселенной, так и на тексты Священного Писания и отцов каппадо-

¹ Причиной для начала процесса послужило введение в школьную программу старших классов г. Довер (Пенсильвания) концепции «разумного замысла» как альтернативной теории по отношению к эволюционизму, что вызвало протест со стороны некоторых родителей. На суде, в частности, выступил М. Бихи как свидетель от защиты.

кийцев. Он критикует поиски Эдемского сада на Земле: «Совершенно очевидно, что к Библейскому Раю земная география отношения не имеет. Все попытки ученых найти “Эдему” географическое соответствие, место на земле, потерпели неудачу» и «Эдем не относится к компетенции земной – этой земли – археологии» [13, с. 48–49]. Автор делает акцент на том, что у библейского повествования об Эдеме другой смысл: «дать знать человеку, что он – изгнанник в этот мир из мира иного» [13, с. 48–49].

Антропологическая модель в альтеризме является весьма нетривиальной. Согласно этим представлениям, в Адаме сотворено всё человечество как «Первозданная Церковь», а после грехопадения рассыпано осколками в пространстве и времени этого мира [13, с. 59–61]. Эту идею развивает и А. В. Храмов: «Грехопадение произошло не в рамках земной истории, а там, где время текло иначе, чем сейчас, где не было разницы между прошлым и будущим, между предками и потомками» [14, с. 152]. Чтобы облегчить понимание данной, прямо скажем, не интуитивной, концепции, Храмов предлагает обратиться к современным представлениям о мультивселенной, согласно которым могут существовать реальности, развивающиеся по совершенно иным законам [14, с. 153].

Альтеризм предлагает богословски удобное разнесение райского и грешного миров: в общем-то все недостатки и изъяны мира оправдываются лишь одним аргументом: «Этот видимый мир не является тем миром, который сотворил Бог». Однако, на наш взгляд, существует обратная сторона альтеризма, которую можно выразить так: чем более фантастичным представляется начало человечества, тем менее реальным выглядит его конец в христианской эсхатологической перспективе.

Выводы

Завершая анализ различных подходов к теории эволюции, можно сделать несколько утверждений:

- проблема восприятия теории эволюции в христианской мысли является актуальной, так как существует множество различных подходов к ней, публикации по теме не прекращаются, происходят дебаты между сторонниками различных взглядов;
- проблема эволюции затрагивает целый ряд богословских дисциплин: религиозную антропологию, христологию, теодицею, космологию, эсхатологию;
- единого мнения по проблеме эволюции нет ни в одной конфессии. Несмотря на фактически официальное признание теистического эволюционизма Римско-католической церковью, существуют и другие точки зрения среди представителей данной конфессии.

Список источников

1. Scott E. C. Creationists and the Pope's Statement. URL: <https://ncse.ngo/creationists-and-popes-statement> (дата обращения: 24.01.2023).
2. Catholic News Agency. Francis inaugurates bust of Benedict, emphasizes unity of faith, science. URL: <https://www.catholicnewsagency.com/news/30810/francis-inaugurates-bust-of-benedict-emphasizes-unity-of-faith-science> (дата обращения: 24.01.2023).
3. Hess P.M.J., Allen P.L. Catholicism and science // Greenwood guides to science and religion. Greenwood Press, 2008. 270 p.
4. Шушаков Е. С. Концепция творения мира и эсхатологические представления в творчестве П. Тейяра де Шардена // Вестн. Московского ун-та. Серия 7 : Философия. 2018. № 3. С. 100–112.
5. Храмов А. В. Теистический эволюционизм и проблема теодицеи // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 1 : Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 83. С. 26–44.
6. Бринк Гайсберт ван ден. «И произвела земля...» Христианская вера и эволюция : пер. с нидерл. и англ. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2022. 324 с.

7. Кюнз Г. Начало всех вещей: Естествознание и религия : пер. с нем. М.: ББИ св. ап. Андрея, 2007. 250 с.
8. Тихомиров А. В. Осцилляции любви. Соотношение закона и Евангелия в контексте теологии процесса (на примере богословия Кэтрин Келлер) // Религия. Церковь. Общество. 2018. № 7. С. 18–35.
9. Хэм К., Сарфати Дж., Виланд К. Книга ответов. Расширенная и обновленная / под ред. Д. Бэттена. Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2000. 288 с.
10. Росс Х. Подкаст #11 // Разумная вера. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nqaC2PW12wI> (дата обращения: 03.02.2023).
11. Behe M.J. Darwin's Black Box. The biochemical challenge to evolution. New York: Free Press, 2006. 307 p.
12. Dembski W.A. The Design Inference: Eliminating Chance Through Small Probabilities. New York: Cambridge University Press, 1998. 243 p.
13. Еп. Василий (Родзянко). Теория распада Вселенной и вера отцов. М.: Паломник, 2003. 254 с.
14. Храмов А. В. Обезьяна и Адам. Может ли христианин быть эволюционистом? М.: Никая, 2019. 216 с.

References

1. Scott E.C. *Creationists and the Pope's Statement*. Available from: <https://ncse.ngo/creationists-and-popes-statement> [Accessed 24th January 2023].
2. Catholic News Agency. Francis inaugurates bust of Benedict, emphasizes unity of faith, science. Available from: <https://www.catholicnewsagency.com/news/30810/francis-inaugurates-bust-of-benedict-emphasizes-unity-of-faith-science> [Accessed 24th January 2023].
3. Hess P.M.J., Allen P.L. Catholicism and science. *Greenwood guides to science and religion*. Greenwood Press; 2008. 270 p.
4. Shushakov E.S. The concept of creation of the world and eschatological views in the works of Pierre Teilhard de Chardin. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Seriya 7: Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2018;(3):100-112. (In Russ.).
5. Khramov A. V. Theistic evolutionism and the problem of theodicy. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Philosophia. Religiovedenie = St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2019;(83):26-44. (In Russ.).
6. Brink Geisbert van den. "And the earth brought forth..." *Christian faith and evolution*. Trans. from the Netherl. and English. Moscow: Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle Press; 2022. 324 p. (In Russ.).
7. Kung H. *The beginning of all things: natural science and religion*. Transl. from Germ. Moscow: Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle Press; 2007. 250 p. (In Russ.).
8. Tikhomirov A.V. Oscillations of love. Relationship of law and Gospel in the context of the theology of the process (on the example of the theology of Katherine Keller). *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo = Religion. Church. Society*. 2018;(7):18-35. (In Russ.).
9. Ham K., Sarfati J., Wieland C. *The book of answers*. Updated and ad. Ed. D. Batten. Simferopol: Christian Scientific-Apologetic Center Press; 2000. 288 p. (In Russ.).
10. Ross H. Podcast #11. *Reasonable faith*. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=nqaC2PW12wI> [Accessed 3rd February 2023]. (In Russ.).
11. Behe M.J. *Darwin's Black Box. The biochemical challenge to evolution*. New York: Free Press; 2006. 307 p.
12. Dembski W.A. *The Design Inference: Eliminating Chance Through Small Probabilities*. New York: Cambridge University Press; 1998. 243 p.
13. Priest Vasiliy (Rodzyanko). *The theory of the disintegration of the Universe and the faith of the fathers*. Moscow: Palomnik Publ.; 2003. 254 p. (In Russ.).
14. Khramov A. V. *Ape and Adam. Can a Christian be an evolutionist?* Moscow: Nikea Publ.; 2019. 216 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.В. Мамонов – аспирант кафедры философии религии и религиоведения.

Information about the author

V.V. Mamonov – Postgraduate Student of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья
УДК 111.3
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-40-48

ОТ ПИФАГОРА К ЕВКЛИДУ: ПОНЯТИЕ «ТОЧКА» КАК ФЕНОМЕН СИНТЕЗА МАТЕМАТИКИ И ФИЛОСОФИИ

Анастасия Валерьевна Перекрестова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
pereckrestova@mail.ru

Аннотация. В постиндустриальном обществе в условиях превалирования научного познания и активной интеграции различных его отраслей все более значимым становится не просто анализ отдельных объектов, но выявление тех существенных параметров, которые связывают понятийное ядро изучаемых феноменов с разными сферами культуры. Такая эвристическая установка наилучшим образом реализуется в контексте философии, плотно взаимодействующей со всеми направлениями науки. Именно античный философский дискурс стал той плодотворной средой, которая породила целый спектр образов и идей, вошедших в категориальный аппарат разных научных специальностей. Одним из таких открытий античности можно считать понятие «точка», получившее в пифагореизме предметную разработку и импульс к дальнейшей рационализации. В статье предпринята попытка проследить процесс оформления и развития данного концепта в учении Пифагора и обретение им терминологического статуса в трудах Евклида. Показано, что точка как многозначный феномен выступает символом единения математики и философии, при этом акцент сделан на субстанциональных и онтологических характеристиках данного элемента. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы обозначить основополагающие свойства понятия «точка», выделить исходные аспекты его понимания античными мыслителями, позволившие данной категории стать универсальным элементом культуры. В этом смысле представляется целесообразным изучение специфики точки как многогранного понятия, предваряющего собой идеи онтологического порядка и демонстрирующего глубокую взаимосвязь прежде всего философии и математики, ибо такие исследования влияют на методологию мышления и задают новые векторы развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: точка, монада, единица, начало и конец, число и форма, предел, античность, пифагореизм, математическое знание, наука

Для цитирования: Перекрестова А.В. От Пифагора к Евклиду: понятие «точка» как феномен синтеза математики и философии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 40–48.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FROM PYTHAGORAS TO EUCLID: THE CONCEPT OF “POINT” AS A PHENOMENON OF SYNTHESIS OF MATHEMATICS AND PHILOSOPHY

Anastasia V. Pereckrestova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
pereckrestova@mail.ru

Abstract. Nowadays it is becoming more significant not so much to analyze separate objects, but to identify those essential parameters that connect the conceptual core of the studied phenomena with different spheres of culture. This is due to the fact that scientific knowledge and the active integration of its various branches are priority areas for the development of a post-industrial society. Such a heuristic setting is best implemented in the context of philosophy, which closely interacts with all areas of science. The ancient philosophical dis-

course became such a productive environment that created a whole range of images and ideas included in the categorical apparatus of various scientific specialties. The concept of “point” is one of the discoveries of antiquity; it received a substantive development in Pythagoreanism and an impetus for further rationalization. The article attempts to trace the process of formation and development of this concept in the Pythagorean doctrine and its acquisition of a terminological status in the works of Euclid. It is shown that the point is a multi-dimensional phenomenon and acts as a symbol of the unity of mathematics and philosophy. The article focuses on the substantial and ontological characteristics of this element. The purpose of this article is to identify the fundamental properties of the concept of “point”, to highlight the initial aspects of its understanding by ancient thinkers, which allowed this category to become a universal element of culture. It seems appropriate to study the specifics of a point as a multifaceted concept that precedes ideas of an ontological order and demonstrates a deep relationship, primarily philosophy and mathematics, because such studies influence the methodology of thinking and set new vectors for the development of human civilization.

Keywords: point, monad, unit, beginning and end, number and form, limit, antiquity, Pythagoreanism, mathematical knowledge, science

For citation: Perekrestova A.V. From Pythagoras to Euclid: the Concept of “Point” as a Phenomenon of Synthesis of Mathematics and Philosophy. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):40-48. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В современных философских исследованиях установление культурно-исторических предпосылок и основ формирования различных понятий в силу многообразия культурных факторов часто оказывается непростой и труднореализуемой задачей. Однако этот вопрос чрезвычайно важен для развития науки в целом, поскольку поиск новых путей осмысления привычных понятий невозможен без понимания их концептуальной этиологии. Предлагая свежие эпистемологические схемы для интерпретации понятий и явлений, характеризующихся междисциплинарностью, интегративностью и синкретизмом, человек не просто расширяет границы познания, но и генерирует новые идеи, которые в будущем способны принести многочисленные плоды.

Подобным образом дело обстоит с выявлением истоков оформления понятия «точка», первые свидетельства которых в западной культуре мы находим в античный период. Сложность этих изысканий заключается в специфичности данного понятия, не просто входящего структурным компонентом в огромное количество теоретических систем, но являющегося первоэлементом пространственно-временной модели реальности, используемой для описания и экспликации окружающего мира.

Универсальность, фундаментальность, предельная абстрактность и семантическая многоаспектность точки соотносит ее с широким спектром параметров и характеристик (неделимость, дискретность и т.д.), отдельный вдумчивый анализ которых, с одной стороны, способен прояснить исходное понятие, но с другой – может увести слишком далеко от исходного объекта. Стоит учитывать и еще одну особенность беспредметных категорий: «Как точка, так и целое, не поддается определению, само определяя собою всё, что отклоняется от него» [1, с. 418].

Весьма примечательно, что проблема выявления философских истоков точки – в целом малоисследованная область, хотя имеется ряд интересных и глубоких статей, проливающих свет на интерпретации точки, предложенные отдельными мыслителями. В частности, наиболее содержательными и выразительными можно считать работы П.А. Флоренского, В.В. Биbihина и А.В. Ахутина, посвятивших феномену точки очень лаконичные, но невероятно емкие тексты. Их ценность для нашего исследования состоит прежде всего в том, что они дают прекрасную экспозицию трактовок точки античными учеными, прослеживают логику дефинирования и обосновывают функциональные аспекты использования элемента. Но останавливаясь на отдельных значимых моментах, эти авторы оставляют за рамками рассмотрения процесс выкристаллизовывания данного понятия в пифагореизме и его вхождения в научно-философский дискурс. А он заслуживает особого внимания ещё и потому, что формирование категории точки связано с теснейшим взаимодействием и взаимообогащением двух масштабных интеллектуальных сфер – математики и философии.

Для реконструкции становления понятия «точка» в рамках западной культуры следует обратиться в первую очередь к интеллектуальному наследию двух знаковых фигур античности, стоявших у истоков формирования математики. Сегодня имена Пифагора и Евклида знакомы любому образованному человеку, но мало кто задумывается о том, что в развитии философского знания они сыграли не менее значительную роль, чем в создании категориального аппарата точных наук. Одним из важнейших пунктов, в котором математические и философские взгляды обоих титанов мысли проявили свой синергический эффект, следует считать разработку проблематики такого удивительного объекта, как точка, получившего с их подачи дефиниции, ставшие каноническими. Как смело декларировал Флоренский, «между пифагорейским и евклидовским определениями протекает вся история математики» [2, с. 576].

Прежде чем характеристика точки как термина была дана в «Началах» Евклида, это понятие с различной степенью проработанности и осмысленности ситуативно всплывало в отдельных направлениях античной философской традиции. И первым контекстом, высветившим фундаментальность точки как первоэлемента, выступил пифагореизм, положивший начало древнегреческой математике, – именно достижения пифагорейской школы стали предпосылками превращения математики в теоретическую науку.

Общеизвестно, насколько весомую лепту в формирование математики внес Древний Восток, однако там она имела инструментальное, прикладное значение, а концептуальный характер приобрела именно в западном мире. Этому в немалой степени способствовал пифагореизм – одно из самых загадочных и непроясненных явлений культуры, которое имеет длительную историю и связано с деятельностью Пифагора, младшего современника Фалеса Милетского.

Сложность рассмотрения учения Пифагора заключается в том, что на ранних этапах развития оно представляло собой религиозно-мистический культ, положения которого должны были оставаться тайной для непосвященных. Эзотеричность высокой мудрости провозглашалась важным постулатом этого течения, – даже сегодня, спустя тысячелетия, исследователи не могут объяснить многие его важнейшие аспекты. Сам легендарный ученый, как известно, ничего не писал, а если современники как-то документировали его доктрину, свидетельств этого не сохранилось, что еще сильнее затемняет «пифагорейский вопрос» [3, р. 22].

Но квинтэссенция данного учения давно стала четко установленным фактом, ведь пифагорейцы постулировали новое понимание смысла и предназначения математического знания, провозгласив известную максиму «Всё есть число». При помощи чисел и геометрических объектов они пытались познать природу сущего, верили, что в математических символах сосредоточено исчерпывающее знание о мироздании. Математика в пифагореизме предстает онтологической схемой бытия, а ее элементам приписывается гносеологическое и созидательное значение.

Пифагорейцы занимались не только математикой, которая включала в античности арифметику, геометрию и стереометрию, но и космологией, астрономией, акустикой и теорией музыки. Тем не менее центральным для них оставалось понятие числа, и уже во времена Пифагора, несмотря на весь мистический туман, окутывавший его адептов, велись интенсивные естественнонаучные исследования. Математическое знание воспринималось как инструмент религиозно-катарсического преображения природы человека, а его элементы постулировались не просто как ключи к постижению космоса, но как кирпичики, составляющие каркас мироздания.

Математические объекты, такие как числа и геометрические формы, выступали в качестве экспликации всей архитектуры Вселенной. Число в раннем пифагореизме мыслилось в виде множества единиц, возникающих «из соединения предела и беспредельного» [4, с. 30].

Единица (*monas*), воплощающая единое, для пифагорейцев являлась истинным истоком всего сущего, поскольку она была и началом всех чисел, задавая арифметическую последовательность. Как известно, в греческой математике отсутствовал ноль, который пришел на Запад значительно позже с Востока. Таким образом, особый статус единицы, которая даже не относилась к разряду нечетных чисел (первым нечетным для пифагорейцев была тройка), выступая в качестве своеобразной точки отсчета в любой системе, предопределил фундаментальную онтологическую функцию монады.

Но самое интересное заключается в том, что единица была для пифагорейцев точкой не в фигуральном смысле, а в самом буквальном, поскольку арифметика и геометрия в Древней

Греции были не просто тесно связаны, а взаимозаменяемы. Греки унаследовали свои числа из геометрии египтян, поэтому в греческой математике не было существенного различия между формами и числами, это были эквивалентные феномены. Как отмечает американский математик Чарльз Сейфе, для Пифагора связь между формами и числами являлась глубокой и мистической: каждая числовая фигура имела скрытый смысл, а самые красивые арифметические конфигурации почитались священными [5, р. 26]. В силу этих обстоятельств в пифагореизме существовали четкие параллели: единица являлась точкой, двойка выступала как линия или две соединенных точки, тройка – треугольник или плоскость, четверка – квадрат или пирамида.

Итак, субстратом бытия для пифагорейцев выступает единица-точка как символ всеобъемлемости, самодостаточности и целостности – это высшее состояние универсума, воплощающее единство, согласованность и абсолютную красоту, которое обнаруживает мощную креативную силу. Любое число состоит из единиц-точек, что весьма наглядно запечатлено в сакральном символе пифагорейцев – тетрактисе, фигуре в виде двумерной пирамиды из десяти точек. Уровни пирамиды состоят из одной, двух, трех и четырех точек, соотносимых с природными стихиями и звуковыми интервалами. Исследователи утверждают, что тетрактис выступал моделью музыкально-числовой гармонии космоса [6, р. 32].

При этом для Пифагора монада, или единица, являющаяся вершиной пирамиды, ассоциировалась с божественным началом. Примечательно, что тетрактис сформирован из 10 элементов, а десятка, или декада, в пифагореизме постулировалась в качестве совершенного числа. Как пишет П. Таннери, переводя и комментируя «Геологумен» Спевсиппа: «10 заключает в себе все отношения равенства, превосходства, подчиненности, возможные между последовательными числами, и другие, а равно линейные, плоские и телесные числа, так как 1 есть точка, 2 – линия, 3 – треугольник, 4 – пирамида, и каждое из этих чисел первое в своём роде и начало ему подобных» [7, с. 326].

Именно последовательное арифметическое выражение точки, линии, треугольника и пирамиды и дает в графическом варианте совершенную фигуру равностороннего треугольника – священный тетрактис, который выступает эмблемой божественной реальности.

В декаде для пифагорейцев заключены не только все возможные соотношения чисел, но и формируется единство предела и беспредельного. Десять – это своеобразный рубеж числового ряда, выход за границы которого вновь возвращает нас к единице, точке отсчета. Поскольку при счете перешагивание через десять происходит постоянно, у данного процесса нет завершения, следовательно, декада, воплотив всю полноту числового разнообразия, открывает врата в бесконечное. Здесь в неявном виде распознается весьма значимый фактор: восхождение к декаде как модели числового совершенства начинается с монады, что уже в античности формирует особый онтологический статус точки как первоначала.

Как отмечают антиковеды, для пифагорейцев были тождественны не только числа и фигуры, но и закономерным образом – числа и вещи. На это указывал и Аристотель, делая акцент на размерности: «Они утверждают, что чувственно воспринимаемые сущности состоят из такого числа, а именно всё небо образовано из чисел, но не составленных из [отвлеченных] единиц; единицы, по их мнению, имеют [пространственную] величину» [8, с. 332].

Таким образом, топологическим эквивалентом единицы, или монады, снова оказывается точка, – для пифагорейцев телесность была буквальной, осязаемой. Ключевым атрибутом единицы выступает ее неделимость, которая и делает монаду элементарным структурным компонентом материи. Причем составленность всех вещей из единиц-точек в пифагореизме носила не столько умозрительный, сколько вполне рельефный, пластический характер, о чем свидетельствуют многочисленные указания на этот факт в «Метафизике» Аристотеля, в частности упоминание о пифагорейце Эврите, который конструировал из чисел формы животных, выкладывая их контуры при помощи определенного количества камешков [8].

Подобно тому, как в виде комбинации точек можно представить любой физический объект пространственно-временного континуума, так и каждая вещь складывается из комплекса единиц-точек, отражающих все нюансы их скульптурирования. Это указывает на очень существенную деталь, подмеченную многими историками науки: в некоторых своих версиях или в определенные периоды математика пифагорейцев в качестве структурно-методологического

базиса своих исследований и изысканий включала логико-математический атомизм, основанный на том, что числа квалифицируются как геометрические точки, имеющие определенное положение в пространстве.

В частности, датский математик Г.Г. Цейтен [9] рассматривает эту когнитивную стратегию выкладывания из единообразных камешков различных фигур и предметов в ракурсе синкретизма математического мироописания, называя этот метод «геометрической арифметикой». Здесь действительно прослеживаются предпосылки атомистического учения, которое оформится чуть позже, для нас же значимым оказывается то обстоятельство, что тела предстают как совокупность множества точек, цифровая трансформация которых дает набор единиц.

Аристотель обращает внимание на интересную особенность: монада в пифагореизме рассматривается как точка, не локализованная в пространстве, а точка считается единицей, имеющей пространственную позицию – «не имеет положения единица, а имеет положение точка» [8, с. 155]. Можно говорить о том, что в пифагореизме имела практика рассмотрения физических объектов как концентрации бесчисленных неделимых частиц, что экстраполирует попытки подойти к проблемам бесконечности и несоизмеримости.

Историк математики И.Г. Башмакова [10] подчеркивает, что уже во времена пифагореизма оформилась тенденция геометризации математики, которая берет истоки в изначальном различении геометрии и арифметики. Не стоит забывать, что категории, которыми оперирует пифагореизм – числа, фигуры, точки и т.д. – тем не менее не были ещё дефинированы и логически прояснены. Ранним математикам в лице пифагорейцев еще не хватало аналитичности, выверенности и строгости понятий. Об этом говорил и Аристотель, утверждавший, что несмотря на неотделимость чисел от вещей в пифагореизме, нельзя заявлять, что они полностью идентифицировались с предметным миром.

Мыслители античности, которые жили после Пифагора и черпали вдохновение в пифагореизме, с разной степенью вовлеченности, целенаправленно или опосредованно, закладывали концептуальные основы формирования понятия «точка». Очень многое было сделано Аристотелем, но его вклад в эту сферу – слишком обширная тема, заслуживающая отдельной статьи.

В данной работе мы хотим обратить внимание на то, что кульминацией развития категории «точка» в древнегреческой культуре закономерным образом стали работы не философа, а математика – прославленного Евклида. Причем достижение этого великого ученого древности состоит не в масштабности и детальности проработки данного понятия, коих мы не находим в его сочинениях, а в том, что в его грандиозном трактате «Начала» точка впервые в истории западной цивилизации обрела статус термина, получила четкую научную дефиницию. Философы и в предшествующее время пытались определять данное понятие, однако эти формулировки не обладали достаточной проясненностью и строгостью, так или иначе отсылая к другим сложным феноменам. Евклиду же не просто удалось в лаконичной форме дать максимально простое, точное и выразительное определение, ставшее базовым на несколько тысячелетий и актуальное даже сейчас, но и органично встроить его в свою научную систему, заложившую фундамент классической геометрии.

Евклид в своих «Началах» конституирует особый статус точки как первоэлемента и основополагающего научного понятия. Именно с подачи ученого точка в науке будет позиционироваться как фундаментальный абстрактный объект, не имеющий никаких измеримых параметров, – величины, размера, массы, и специфически соотносимый с понятиями пространства-времени. Первая же дефиниция великого математика посвящена этому объекту: «Точка есть то, что не имеет частей» [11, с. 11], – таков канонический, но не буквальный перевод с древнегреческого. Д.Д. Мордухай-Болтовской относит это объяснение к отрицательным, добавляя: «Таково евклидовское определение; в нем отмечается неделимость точки, так что совершенно одинаково определяется и точка и актуально-бесконечно малое неделимое» [11, с. 224].

Вслед за первой дефиницией и второй, посвященной линии, следует заключение, которое актуализирует ипостась точки как границы: «Концы же линии – точки» [11, с. 11]. Этот тезис в имплицитном виде подразумевает постановку проблемы о том, что находится за этим пределом. Третью аксиому Мордухай-Болтовской считает в эпистемологическом плане более удач-

ным определением, поскольку первая формула, сливая воедино понятие точки и неделимости, не дает понимания критериев градации между ними и замутняет суть обеих категорий.

На тот факт, что первое определение точки носит апофатический характер, указывали многие исследователи «Начал», но в контексте нашей темы гораздо важнее другое обстоятельство, связанное с дословным переводом первого предложения трактата. Звучит он в высшей степени метафизично – «точка есть то, часть чего ничто». В свете этой версии становится очевидно, что более благозвучный и строгий вариант Мордухай-Болтовского отсекает целый спектр смыслов, затушевывая очень значимые для философской интерпретации понятия *параметры*. На это обращает внимание и А.В. Ахутин, заявляя, что «"литературность" вуалирует апорию, но, конечно, не упраздняет её» [12, с. 343].

Из буквального прочтения евклидовского определения следует, что точка состоит из ничего. И в самом деле точка референтно соотносится с ничто: представляется примечательным, что данный элемент, как незримый и неизмеримый, невозможно обнаружить в пустом пространстве. Этот нюанс впоследствии будет акцентирован и Н. Кузанским, вслед за Боэцием отмечавшим, что «прибавлять точку к точке – это будет все равно что присоединять ничто к ничему» [13, с. 254].

Евклид не рефлексировал на эту тему, но задает чрезвычайно значимый вектор для философского осмысления многогранного понятия «точка», предстающего условным аналогом категории «ничто». Заклучая в себе единичность, целостность абсолютного минимума, будучи, по образному выражению В.В. Бибикина, «маркированным бытием», точка словно зависает между двумя мирами, обнаруживая исходную антиномичность своей самобытной природы. Отталкиваясь от двух евклидовских определений точки и выходя на уровень концептуального истолкования, можно сказать, что существование точки сконцентрировано на зыбкой границе, отделяющей ничто от нечто.

В первой книге «Начал», которая является интродукцией для всех последующих, Евклид дает экспозицию базовых понятий геометрии, используемых для построения всего многообразия положений. И помимо того, что эти понятия являются недоказуемыми, они подразделяются на три категории: определения, постулаты и общие понятия (аксиомы). Приведенные нами дефиниции точки относятся к разряду определений. Прокл в своих комментариях [14] называет эту первую группу также гипотезами. Двадцать три определения первой книги охватывают основополагающие объекты геометрии, среди которых точка, линия, прямая, поверхность, плоскость, угол, различные фигуры и граница. Из них тринадцатое утверждение представляет для нас интерес в том смысле, что соотносится с третьим определением точки: «Граница есть то, что является окончечностью чего-либо» [11, с. 12].

Д.Д. Мордухай-Болтовской дает лишь краткую ремарку по поводу данного положения, заявляя, что оно не является номинальным и слово «оконечность» не призвано подменять собой «границу». Он полагает, что «оконечность» выступает в качестве рода, а «граница» – вида, что, на наш взгляд, представляет собой несколько искусственное обоснование евклидовской логики необходимости подобной дифференциации. Однако если сопоставить это определение с точкой как концами линии, точка раскрывается в качестве универсальной модели как границы, так и окончечности.

Будучи математическим первоэлементом, точка оказывается тем самым фундаментальным пределом, который лимитирует любые вариации и модификации геометрической и стереометрической действительности. В конструктивном плане данный объект венчает вершины любых фигур – многоугольников и многогранников, знаменуя собой переход от области вещественного к сфере нематериального. Сложно найти более яркий, выразительный образец «оконечности», о которой упоминает Евклид, чем точка, предстающая как пик пространственного угла и своеобразная мера, пресекающая устремленность пластических форм к протяженности во всех направлениях.

Помимо рассмотренных спецификаций точки, в «Началах» встречается еще одно упоминание данного понятия как некоего порождающего элемента, инициирующего динамическое развертывание геометрических констант. Известно, что после блока с определениями у Евклида следует раздел под названием «Постулаты», состоящий из пяти допущений, которые, как и ак-

сиомы, имеют универсальное значение и относятся ко всем книгам «Начал», посвященным геометрической проблематике. Дословный перевод данного раздела звучит как «требования» и, по замыслу автора, за счет предельно обобщенного характера формулировок призваны объяснять максимально широкий спектр явлений, с которыми геометрия имеет дело на более высоких уровнях усложнения и дифференциации фигур. Первый постулат Евклида допускает, «что от всякой точки до всякой точки <можно> провести прямую линию» [11, с. 14].

Как отмечают исследователи, математик не стремился вывести данное утверждение силлогистически из предшествующих дефиниций, он пытался лишь дать экспозицию неких очевидных положений, апеллируя к образному восприятию читателя и не прибегая к формальным логическим выводам. Для уровня развития научного мышления IV – III вв. до н.э. признание того, что от любой точки до другой можно построить прямую было общепризнанным и единственно возможным решением. Не стоит забывать, что геометрия Евклида конструктивно связана с плоскостями и в базовых ситуациях ввиду наглядности и визуальной убедительности не предполагает обязательной аргументации, которая неизбежна для обоснования случаев, например, в сложных пространствах Римана или Лобачевского.

Несмотря на вероятностный характер, который обозначен в самом начале фразы, Евклид видит во всех пяти постулатах теоретические положения, в которых фиксируется свойство объекта, присущее ему с необходимостью. Таким образом, ни обоснование, ни геометрическое доказательство возможности прямой между точками не требуется – рассудок должен постигнуть это непосредственно как неопровержимый факт. Однако не все соглашались с таким подходом. В.В. Библихин весьма экспрессивно высказывается об этом в своей лекции: «Чтобы провести прямую от точки к точке, надо ту точку уже из бесконечности точек выделить, т.е. сначала решить парадокс Ахиллеса и черепахи. Только тогда можно будет считать первый постулат Евклида аксиомой» [1, с. 404].

Поскольку непроясненной остается изначальная природа точки, осознается сложность экспликации ее локализации и эфемерность бытия, постольку все дальнейшие умозаключения и канонические выводы, призванные репрезентировать отдельные свойства объекта, становятся весьма условными и во многом конвенциональными. Тем не менее для нас крайне значимо, что первый постулат Евклида фиксирует на терминологическом уровне две первостепенных ипостаси точки – идею начала и идею предела, которая коррелирует с третьим определением и получает дополнительное развитие в 13-м тезисе, посвященном границе.

Тонкие связи, усматриваемые между различными положениями первой книги «Начал», легко выявляются в свете целостного философского обзора геометрических объектов, но, что гораздо важнее, у Евклида они приобретают наглядность и визуализируемость, находят затем практическое подтверждение в так называемых предложениях, составляющих основной объем трактата и являющихся математическими доказательствами задач.

Обладая безупречным логическим мышлением, беспрецедентным для того времени, Евклид нивелирует излишнюю абстрактность базовых понятий, замутняющую понимание их функционирования, находит выразительные примеры их эмпирической объективации – так точка предстает и центром круга, и местом пересечения линий, и вершиной угла. Воплощаясь в задачах Евклида в разных качествах, точка в очередной раз демонстрирует свою полиморфность, в которой, однако, можно выделить фундаментальные принципы – в евклидовской трактовке они естественным образом перекликаются с теми атрибутами данного понятия, которые выделялись его предшественниками, в первую очередь Пифагором. Точка как нечто неделимое, монада, инициирующая всякое начало и оказывающаяся одновременно концом любой материальности, границей вещественности – вот те ключевые аспекты, которые иллюстративно раскрываются в положениях сочинения Евклида через рассмотрение конкретных задач.

Великий математик, аккумулировавший в своих произведениях мудрость предшествующей философии и науки, сумел не только создать стройную систему базовых начал геометрии и теоретической арифметики, но и задать направление развития научного знания. Его главный труд более чем два тысячелетия оставался основным пособием для освоения математических азов, и даже сегодня он предоставляет богатейший материал для анализа. Введенные ученым основополагающие определения, постулаты и аксиомы предлагаются к рассмотрению без дока-

зательств, которые в большинстве случаев оказываются невозможны, что не лишает их содержательной глубины.

В полной мере это относится к понятию «точка», которое из абстрактного первоэлемента превращается у Евклида в фундаментальную, системообразующую категорию, создающую концептуальную платформу для построения всего здания математики. Обретя терминологический статус, точка не утрачивает своей онтологической универсальности, ведь она предстает у Евклида как начало начал, альфа и омега бытия, оставаясь такой же неуловимой, многоликой и вездесущей, какой ее воспринимали пифагорейцы.

Можно сделать вывод, что в учении Пифагора и трудах Евклида закладывались основы оформления понятия «точка» не только как математического термина, но и как философской категории и универсалии культуры. Данный концепт уже в античности позиционировался как феномен, соотносимый с идеей первоисточка, – именно этот элемент, позволяющий сконструировать универсум и объединить противоположности, дает понимание того, что всё возникло из одного начала.

Список источников

1. Бибихин В.В. Точка // Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 397–429.
2. Флоренский П.А. Symbolarium (Словарь символов) // Соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 877 с.
3. Gregory A. The Pythagoreans: number and numerology // *Mathematicians and Their Gods: Interactions Between Mathematics and religious beliefs*. New York: Oxford University Press, 2015. P. 21–50.
4. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М.: Наука, 1980. 567 с.
5. Seife Ch. Zero: The biography of a dangerous idea. New York: Penguin Publishing Group, 2000. 272 p.
6. Kahn Ch.K. Pythagoras and the Pythagoreans. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc., 2001. 206 p.
7. Таннери П. Первые шаги древнегреческой науки. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1902. 466 с.
8. Аристотель. Метафизика // Соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
9. Цейтен Г. Г. История математики в древности и в средние века. М.; Л.: ГТТИ, 1932. 230 с.
10. Башмакова И.Г. Лекции по истории математики в Древней Греции // Историко-математические исследования. 1958. № 11. С. 363–406.
11. Начала Евклида / пер. и ком. Д. Д. Мордухай-Болтовского, ред. И.Н. Веселовский, М.Я. Выгодский : в 3 т. М., Л.: ГИТТЛ, 1950. Т. 1. 448 с.
12. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2003. 784 с.
13. Кузанский Н. Игра в шар // Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1980. Т. 2. 471 с.
14. Прокл. Комментарий к первой книге Начал Евклида. Введение / пер. Ю. А. Шичалина. М.: Греко-латинский кабинет, 1994. 224 с.

References

1. Bibikhin V.V. Point. *Another start*. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2003:397-429. (In Russ.).
2. Florensky P.A. Symbolarium (Dictionary of symbols). *Works*: in 4 vols. Moscow: Mysl' Publ.; 1996. Vol. 2. 877 p. (In Russ.).
3. Gregory A. The Pythagoreans: number and numerology. *Mathematicians and Their Gods: Interactions Between Mathematics and religious beliefs*. New York: Oxford University Press; 2015:21-50.
4. Gaidenko P.P. *The evolution of the concept of science*. Moscow: Nauka Publ.; 1980. 567 p. (In Russ.).
5. Seife Ch. *Zero: The biography of a dangerous idea*. New York: Penguin Publishing Group; 2000. 272 p.
6. Kahn Ch.K. *Pythagoras and the Pythagoreans*. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc.; 2001. 206 p.
7. Tannery P. *The first steps of ancient Greek science*. St. Petersburg: Publishing House of V. Bezobrazov and Co; 1902. 466 p. (In Russ.).
8. Aristotle. *Metaphysics*. *Works*: in 4 vols. Moscow: Mysl' Publ.; 1976. Vol. 1. 550 p. (In Russ.).
9. Zeuthen H.G. *History of mathematics in antiquity and in the Middle Ages*. Moscow, Leningrad: GTTI Publ.; 1932. 230 p. (In Russ.).

10. Bashmakova I.G. Lectures on the history of mathematics in Ancient Greece. *Istoriko-matematicheskie issledovaniya = Historical and Mathematical Studies*. 1958;(11):363-406. (In Russ.).
11. Veselovsky I.N., Vygodsky M.Ya., eds. *Beginnings of Euclid*. Tr. and comm. by D. D. Mordukhai-Boltovsky: in 3 vols. Moscow, Leningrad: GITTL Publ.; 1950. Vol. 1. 448 p. (In Russ.).
12. Akhutin A.V. *Ancient principles of philosophy*. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2003. 784 p. (In Russ.).
13. Kuzansky N. Ball game. *Works*: in 2 vols. Moscow: Mysl' Publ.; 1980. Vol. 2. 471 p. (In Russ.).
14. Proclus. *Commentary on the first book of Euclid's. Introduction*. Tr. by Yu. A. Shichalina. Moscow: Greco-Latin cabinet Publ.; 1994. 224 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A.B. Перекрестова – аспирант кафедры философии и мировых религий.

Information about the author

A.V. Perekrestova – Postgraduate Student of the Department of Philosophy and World Religions.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 21.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 94(3)
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-49-55

ОСОБЕННОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРАТОРА АДРИАНА

Георгий Давидович Габарашвили
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
george.g.sfu@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается провинциальная политика римского императора Адриана (117–138 гг. н.э.). Отмечается, что отличительной особенностью политики Адриана в сравнении с предшествующими императорами были его путешествия, позволявшие ему проводить реформы прямо на местах. Предполагается, что в провинциях Востока и Запада империи Адрианом решались разные задачи. Если на Востоке Адриан больше уделял внимание своей филэллинской политике, то на Западе – военному устройству и укреплению рубежей империи. Анализируются особенности эллинизации частей Римской империи и причины распространения культа Антиноя на Востоке, а также важнейшие мероприятия Адриана в провинциях в ходе своих путешествий. Для изучения вопроса привлечены работы зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Адриан, Рим, провинции, эллинизм, греческая культура, римская культура, романизация

Для цитирования: Габарашвили Г.Д. Особенности провинциальной политики императора Адриана // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 49–55.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FEATURES OF THE PROVINCIAL POLICY OF EMPEROR HADRIAN

Georgiy D. Gabarashvili
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
george.g.sfu@yandex.ru

Abstract. The provincial policy of the Roman emperor Hadrian (117-138 AD) is considered. It is noted that the distinctive feature of Hadrian's policy, in comparison with previous emperors, was his travels, which allowed him to carry out reforms directly on the ground. It is assumed that Hadrian solved various tasks in the provinces of the East and West of the Empire. So, if in the East Hadrian paid more attention to his Philhellenic policy, then in the West to the military structure and strengthening of the borders of the empire. In addition, the features of the Hellenization of parts of the Roman Empire and the reasons for the spread of the cult of Antinous in the East are considered, as well as the most important events of Hadrian in the provinces during his travels. To study the issue, the works of foreign researchers were involved.

Keywords: Hadrian, Rome, provinces, Hellenism, Greek culture, Roman culture, romanization

For citation: Gabarashvili G.D. Features of the Provincial Policy of Emperor Hadrian. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):49-55. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

© Габарашвили Г.Д., 2023

Одной из отличительных особенностей правления императора Адриана является то, что он осуществлял реформы в провинциях в ходе путешествий, в которых провел около половины времени своего правления. Его многолетние длительные путешествия, уникальные для периода Римской империи как по масштабам, так и по концепции, выделяются в исследованиях как особая характерная черта его принципата [1, S. 320; 2, S. 73, 190].

Следует отметить, что и предыдущие императоры часто надолго покидали Рим, но в основном отправлялись на войну и возвращались, как только конфликт был улажен. Так, например, Август в военных целях провел около 11 лет вдали от Италии и посетил многие регионы империи, за исключением Африки и Сардинии. Траян, предшественник Адриана, также в большинстве случаев отправлялся в дальние регионы в военных целях [3, p. 45].

Адриан большое внимание уделял развитию провинций. Он поддерживал создание муниципалитетов – полуавтономных городских сообществ со своими обычаями и законами, а не навязывал новые римские колонии с имперской конституцией.

Адриан относился к провинциям с такой же любовью, как и к Риму; действительно отличая Афины, культурный центр античного мира, больше, чем Рим, столицу империи [3, p. 49]. Дион Кассий на этот счет сообщает: «Многие... [города]... он посетил – больше, чем любой другой император, – и позаботился, можно сказать, обо всех, обеспечив одним проведение воды и устройство гаваней, другим – хлеб и осуществление общественных работ, третьим предоставив деньги и различные почести, кому-то большие, кому-то меньшие» [Dio. LXIX, 5, 3].

В провинциях Адриан поощрял городское самоуправление. Это нашло свое выражение среди прочего в предоставлении прав на чеканку монет и в предоставлении городских конституций. С другой стороны, в центральном финансовом и налоговом управлении империи он, в свою очередь, сделал ставку на систематизацию существующих процедур и назначил специальных уполномоченных по фискальным интересам государства, *advocati fisci* [1, S. 323].

Кроме того, во время путешествий Адриан принимал меры по укреплению границ, занимался тщательной инспекцией и реорганизацией римских армейских формирований, чью безупречную оперативность и ударную мощь он энергично поддерживал даже в периоды длительного мира.

По словам О. Шульца, «...дела Рейнской армии в это время должны были быть достаточно плохи. Боевая пригодность войск стала в высшей степени сомнительной; ибо отсутствовали, если не совсем, то в значительной степени, два ее основных условия: военная практика и военная дисциплина. Адриан обратил свое внимание на каждую из них по принципу *si vis pacem, para bellum* [хочешь мира, готовься к войне]» [4, S. 62].

Именно в реорганизации военной сферы Адриану, сменившему Траяна, пришлось идти по новому пути в изменившихся условиях. Если Траян собирал войска вокруг себя во время экспансионистских кампаний и, уже будучи императором, часто руководил ими напрямую, то во времена Адриана войска были размещены преимущественно по внешним границам империи [2, S. 194].

Прибыв в расположение войск, он не ограничивал свои инспекции исключительно военными вопросами, а, по словам Диона Кассия, расследовал и частные дела. Там, где лагерная жизнь, с его точки зрения, превращалась в сплошные празднования и попойки, Адриан принимал соответствующие меры. При этом разделял с солдатами всякие невзгоды, с непокрытой головой выдерживал любой климат: как снег на севере, так и палящее солнце Египта. Методы обучения военному искусству и укрепления дисциплины пережили его век [5, p. 42; 6, S. 544–572].

Свое первое большое путешествие по провинциям Адриан начал в 121 г. н.э. Но в преддверии его он приказал принять меры по расширению Верхне-Германо-Ретийского лимеса, который должен был образовать видимую укрепленную внешнюю границу римской империи в виде застокола из дубовых бревен, разрезанных пополам [5, p. 41].

После инспекции войск на Рейне Адриан перебрался в Британию, где в 122 г. присоединился к войскам, занятым возведением стены Адриана между заливом Солуэй-Ферт и рекой Тайн. Эта стена позволяла эффективно контролировать движение людей и грузов; система укреплений и застав обеспечивала наблюдение за значительной территорией к северу и югу от вала [7, S. 79]. Однако утверждение, что стена должна была устранить реальную угрозу нападения, является все-таки предположением. Как отмечает В. Вебер, «серьезная угроза стране вторжениями варваров кажется ... совершенно исключенной» [8, S. 108].

Возможно, определяющим мотивом строительства как стены Адриана, так и германских лимесов было общее желание прекратить расширение империи. Сокращение расходов на оборону, видимо, также сыграло свою роль, поскольку Стена сдерживала нападения на римскую территорию с меньшими затратами, чем массивная пограничная армия, и контролировала трансграничную торговлю и иммиграцию [9, p. 182–208].

Еще до наступления зимы Адриан покинул остров и путешествовал по Галлии. По «Виа Домития» он добрался до Испании, где в Тарраконе перезимовал и организовал собрание представителей всех регионов и основных городов Испании [5, p. 48]. В Испании Адриан, похоже, не посетил свою малую родину, Италику, но он наделил ее многими преимуществами и продвигал выраженное ею в сенате желание подняться из колонии на уровень муниципия [3, p. 64–65].

В 123 г. он перебрался в Северную Африку и провел инспекцию войск. Пребывание Адриана в Мавритании и Африке в то время, без сомнения, было связано исключительно с целью подавления восстаний [10, S. 36; 3, p. 65–66].

Далее Адриану необходимо было отправиться на Восток из-за угрозы нового столкновения с парфянами. Он собирался добиться разрядки ситуации в ходе переговоров на Евфрате. Как отмечает В. Вебер, «Адриан последовательно проводил свою мирную политику для наилучшего успеха своей внутренней реформаторской работы, поэтому он развивал дружбу с правителями Востока» [8, S. 235].

Период с 124 по 128 г. Адриан также провел на Востоке, посетив Сирию, Грецию, вернулся в Рим, где пробыл три года и затем в 128 г. снова посетил Северную Африку.

Следует отметить, что римские колонии в Северной Африке были более многочисленны, чем где бы то ни было. Сам Адриан увеличил их число. Утика, Зама и Тэнэ получили колониальные права. Карфаген, резиденция проконсула, был переименован в Адрианополь.

Император оказал Карфагену особую милость и украсил его памятниками. Как указывает Ф. Грегоровиус, «Новый Карфаген римлян, основание Цезаря, уже во времена Августа вновь занял свое прежнее положение в Африке. Он был вторым городом на Западе, третьим во всей империи по размерам, красоте и населению, по численности уступавшим только Риму и Александрии» [3, p. 90].

После посещения Северной Африки в 128 г. Адриан отправился через Афины во второе путешествие в восточную часть империи. В этом регионе он большое внимание уделял полисам – Спарте, Эфесу, Смирне, Пергаму. Придавал значение распространению имперского культа. Тот факт, что Эфес был резиденцией проконсула, должен был способствовать распространению римского и имперского культа в этом регионе. «Подобострастие перед императором, кажется, нигде так не процветало, как в этом городе, и Эфес, вероятно, был настоящим местом зарождения этого униженного поклонения императору» [3, p. 98].

В 130 г. он посетил провинции Аравию и Иудею. Возможно важнейшим преобразованием в данном регионе можно обозначить переименование Адрианом Иерусалима в Элию Капиталину и придание этому городу статуса колонии. Если первая часть названия обозначает род Элиев, то вторая – Капитолина – подтверждает центральное положение культа Юпитера в новой колонии [8, S. 241–243].

Причины столь жесткой политики Адриана по отношению к иудеям, для которых Иерусалим являлся важным религиозным центром, кроются в том, что Иудея была крайне нелояльным регионом, а сами иудеи подняли крупнейшее восстание в последние годы правления Траяна.

Как отмечает Ф. Грегоровиус, «Иудея была единственной страной, которая противопоставила свое национальное чувство могуществу Рима. Преодолеть эту оппозицию и романизировать Палестину было целью Адриана, особенно после крупного восстания евреев при Траяне. Возможно, как считал Адриан, с превращением Иерусалима в римскую колонию национальный иудаизм в Палестине должен был быть навсегда уничтожен» [3, p. 114–115]. Но в дальнейшем иудеи под предводительством Бар-Кохбы подняли восстание в том числе из-за жесткой политики Адриана, но разбор этого восстания выйдет за рамки данной статьи, поэтому ограничимся упоминанием о нем.

В октябре 130 г. в Египте происходит трагическое событие: любимец императора Антиной тонет в Ниле [Dio. LXIX 11, 2-4; 11, p. 134]. Обстоятельства этого происшествия до сих пор остаются невыясненными.

В Египте было предложено отождествление Антиноя с богом Осирисом, так как его смерть произошла примерно в годовщину утопления Осириса. Согласно египетской традиции, которую, вероятно, знал Антиной, утонувшие в Ниле получали божественные почести.

Култ Антиноя получил наибольшее распространение в восточной части империи, а именно в городах, где были сильны эллинские традиции. Основные причины кроются в том, что, с одной стороны, грекам был более понятен и легко воспринят култ Антиноя, с другой – полисы могли получать больше благ и возможностей от панэллинского проекта Адриана [5, p. 90]. Так, В. Вебер указывает, что «единственной предпосылкой [возникновения культа] является другая великая идея ... идея панэллинизма» [8, S. 188].

Недалеко от места, где утонул Антиной, Адриан основал город Антинополь по образцу греческого полиса Навкратиса. Однако, возможно, Адриан все равно планировал основать город для греческих поселенцев во время своего пребывания в Египте, так как это было связано с его политикой эллинизации в восточных провинциях империи. Кроме того, еще один порт на правом берегу Нила мог дать определенный экономический импульс [7, S. 174].

Как указывает Т. Оппер, «...неясно, было ли запланировано развитие культа с самого начала. Во всяком случае поклонение Антиною позволяло греческому населению империи прославлять свою самобытность, одновременно выражая свою лояльность Риму, что укрепляло сплоченность империи» [7, S. 191].

По меньшей мере 28 храмов были построены для поклонения Антиною по всей территории империи, хотя большинство из них были довольно скромными по своему устройству [12, p. 184–185]. Но важно подчеркнуть, что култ Антиноя из Египта усилиями императора распространился главным образом в восточной части Римской империи [8, S. 255]. В Греции существовала традиция принимать обожествление смертных, и култ Антиноя присоединился ко многим другим подобным культам, его статуи воспроизводились во всех частях империи, весь римский мир таким образом разделял личное горе императора [13, p. 35]. Следует отметить, что, хотя обожествленный Антиной и отождествлялся, как было указано выше, с Осирисом, в Эллинском мире он был объединен с различными греческими богами, особенно с Гермесом, Дионисом и Паном.

Но, несмотря на весь энтузиазм, с которым греки относились к культу, поклонение Антиною казалось римлянам необычным, ведь это первый подобный прецедент, когда обожествлен не сам император или члены его семьи, а возлюбленный. Кроме того, в римском обществе не было традиции любовных отношений между взрослым мужчиной и юношей. В частности, известно, что для подобного вида отношений в латинском языке существовало понятие «*Mos Graecorum*» – «греческий обычай» [14, p. 72]. Тем самым наблюдается явное отличие и отсутствие культурного единства в разных частях империи, что и отразилось в политике Адриана, который так и не смог, а возможно, и вовсе не ставил задачу создать общеимперскую культуру.

Завершением его путешествий стало посещение Афин в 132 г., а затем, встревоженный еврейским восстанием, он, вероятно, вернулся в Рим [6, S. 676]. Путешествия оказали в целом положительное влияние на благосостояние территорий, которые посетил император. Он инициировал многие проекты, убедившись в их необходимости на местном уровне. Поощрял сохранение местных исторических и культурных традиций, обеспечивая реставрацию представительных древних сооружений, возобновление местных игр и культов, а также содержание захоронений выдающихся личностей. Улучшение инфраструктуры дорожной сети, портовых сооружений и мостов также было связано с путешествиями Адриана [2, S. 195, 201].

Помимо Рима как центра правления, которым он не имел права пренебрегать, щедрость и постоянные пожертвования Адриана в исключительной степени относились к Греции, в частности к Афинам. Его, возможно, выраженный с раннего возраста филэллинизм, который принес ему прозвище Грекулус („греченок“), определял не только его эстетические наклонности, но и проявлялся в его внешности, в особенностях его образа жизни и окружения, а также в политических желаниях и деятельности [6, S. 258]. Даже в религиозном плане Адриан принял для себя афинскую

традицию, уходящую корнями в далекое прошлое. Он был вторым римским императором после Августа, получившим посвящение в Элевсинские мистерии [6, S. 627].

Важно подчеркнуть, что Адриан восстанавливал именно классический эллинский мир с присущими ему традициями праздников, мифов, полисного строя, а не эллинистический с элементами восточной монархии [15, p. 176].

Строительство храма Зевса Олимпийского, которое будет завершено в 135 или 136 г. [8, S. 180], стало центром объединения общегреческого «Панэллиниона» [5, p. 78; 6, S. 634]. Города были заинтересованы во вхождении в панэллинский союз по причине приобретения определенных привилегий. Например, Афины получали широкие дотации. Так, Адриан даровал почетные титулы многим региональным центрам [15, p. 177].

В любом случае значение Панэллиниона как политического связующего звена и средства укрепления греческого единства оставалось ограниченным. Возможно, греческие полисы должны были быть гармонизированы между собой и в то же время более тесно связаны с Римом и Западом через Афины. Похоже, что после смерти Адриана от Панэллиниона осталось не так много, кроме культурных контактов [6, S. 632–634].

Как указывает П. Вейн, «Адриан стремился включить жителей провинций в содружество цивилизованных народов и общей эллинской культурой под руководством Рима» [16, p. 655]. Распространенное мнение, что Адриан создавал общеимперскую эллинскую культуру, является не более чем предположением. Филэллинская политика Адриана проявлялась на Востоке и в Италии, но касательно западных провинций мы не имеем сведений о попытках эллинизации проживающего там населения. Это было одной из важных особенностей провинциальной политики Адриана.

Важно и то, что к перемещению центра политической власти в восточную часть империи Адриан не стремился [2, S. 237]. Империя оставалась римской, несмотря ни на какие филэллинские стремления Адриана, греки также занимали второстепенные роли, уступая в первенстве римлянам, хотя при Адриане они получали большие привилегии.

Подводя итоги, следует отметить, что Адриан проводил эффективную провинциальную политику, зачастую лично присутствуя в том или ином регионе. Его политика в разных регионах носила явные отличия. Так, на Востоке Адриан проводил филэллинскую политику, тогда как на Западе особое внимание уделял укреплению границ и военной инспекции войск. Адриан исходил прежде всего из реалий тогдашних ситуаций, если на Востоке была ослабленная междоусобицей и вторжением Траяна Парфия, то другие регионы не были в такой безопасности.

Наблюдается особое внимание к границам на Дунае, где была угроза со стороны племен языгов и роксолан; на Рейне и в Британии, где хотя от варваров и не было явной угрозы, но и для безопасности торговых путей в относительно богатых приграничных регионах требовались дополнительные усилия по обороне; в Африке присутствовала действительная угроза со стороны мавров, восстание которых пришлось подавлять Адриану.

На Востоке, в Иудее, можно с уверенностью сказать, Адриан провалил свою внутреннюю политику. Опираясь на жесткую эллинизацию, он вынудил иудеев взяться за оружие. Возможно, это единственная провинция, которая при правлении Адриана пережила бедствие.

Возникает вопрос, почему Адриан не проводил эллинизацию на Западе империи? Ответ в том, что на Западе не было необходимого фундамента, для негреков эллинская культура, тем более классического полисного типа, была чуждой и сложно воспринимаемой. Это наблюдалось в регионах, где насаждался культ Антиноя, за исключением нескольких городов на Западе, таких как Карфаген и Кесария в Мавритании, основные места культа находились в провинциях с греческим населением на Востоке, либо в Италии. Следовательно, через культ Антиноя успешно проводилась филэллинская политика Адриана, которой на Западе империи не наблюдается. Отметим, что Адриан даже не стремился к распространению эллинизма в этих областях. Поэтому можем утверждать, что Адриан не ставил задачей эллинизировать Рим, как считают некоторые исследователи.

Адриан проводил уникальную и эффективную политику по развитию провинций путём их посещения и работы на местах. Провинции, города и общины получили привилегии, что могло сказаться на их экономическом и культурном развитии. Несомненно, провинциальная политика Ад-

риана с учетом всех проблемных сторон являлась успешной и имела далеко идущие последствия для благосостояния Римской империи.

Список источников

1. Christ K. *Geschichte der römischen Kaiserzeit. Von Augustus bis zu Konstantin*. 5. Aufl., München, 2005. 885 S.
2. Mortensen S. *Hadrian. Eine Deutungsgeschichte*. Bonn: Habelt, 2004. 376 S.
3. Gregorovius F. *The Emperor Hadrian: A Picture of the Graeco-Roman World in His Time*. London: Macmillan, 1898. 414 p.
4. Schulz O. *Leben des Kaisers Hadrian: Quellenanalysen und historische Untersuchungen*. Leipzig: B.G. Teubner, 1904. 141 S.
5. Birley A.R. *Hadrian. The Restless Emperor*. London, 2000. 399 p.
6. Fündling J. *Kommentar zur Vita Hadriani der Historia Augusta (= Antiquitas. Reihe 4: Beiträge zur Historia-Augusta-Forschung, Serie 3: Kommentare, Bände 4.1 und 4.2)*. Bonn: Habelt, 2006. 1230 S.
7. Opper T. *Hadrian: Machtmensch und Mäzen*. Darmstadt, 2009. 256 S.
8. Weber W. *Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrianus*. Leipzig: B. G. Teubner, 1907. 288 S.
9. Breeze D.J., Dobson B. *Hadrian's Wall: Some Problems*. Britannia, 1972. Vol. 3. 397 p.
10. Dürr J. *Die Reisen des Kaisers Hadrian*. Wien: C. Gerold's Sohn, 1881. 124 S.
11. Boer W. D. *Religion and Literature in Hadrian's Policy // Mnemosyne. Fourth Series*. 1955. Vol. 8, fasc. 2. P. 123–144.
12. Royston L. *Beloved and God: The Story of Hadrian and Antinous*. George Weidenfeld & Nicolson, 1984. 298 p.
13. Kulikowski M. *Imperial Triumph. The Roman World from Hadrian to Constantine*. London, 2016. 328 p.
14. Williams C.A. *Roman homosexuality: Ideologies of Masculinity in Classical Antiquity*. Oxford University Press, 1999. 420 p.
15. Andrade N. J. *Syrian Identity in the Greco-Roman World*. Cambridge University Press, 2013. 444 p.
16. Veyne P. *Le Pain et le cirque Sociologie historique d'un pluralisme politique*. Paris: Seuil, 1976. 896 p.

References

1. Christ K. *Geschichte der römischen Kaiserzeit. Von Augustus bis zu Konstantin*. 5. Aufl., München, 2005. 885 S.
2. Mortensen S. *Hadrian. Eine Deutungsgeschichte*. Bonn: Habelt; 2004. 376 S.
3. Gregorovius F. *The Emperor Hadrian: A Picture of the Graeco-Roman World in His Time*. London: Macmillan Publ.; 1898. 414 p.
4. Schulz O. *Leben des Kaisers Hadrian: Quellenanalysen und historische Untersuchungen*. Leipzig: B. G. Teubner Publ.; 1904. 141 S.
5. Birley A.R. *Hadrian. The Restless Emperor*. London, 2000. 399 p.
6. Fündling J. *Kommentar zur Vita Hadriani der Historia Augusta (= Antiquitas. Reihe 4: Beiträge zur Historia-Augusta-Forschung, Serie 3: Kommentare, Bände 4.1 und 4.2)*. Bonn: Habelt Publ.; 2006. 1230 S.
7. Opper T. *Hadrian: Machtmensch und Mäzen*. Darmstadt, 2009. 256 S.
8. Weber W. *Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrianus*. Leipzig: B. G. Teubner Publ.; 1907. 288 S.
9. Breeze D.J., Dobson B. *Hadrian's Wall: Some Problems*. Britannia, 1972. Vol. 3. 397 p.
10. Dürr J. *Die Reisen des Kaisers Hadrian*. Wien: C. Gerold's Sohn Publ.; 1881. 124 S.
11. Boer W. D. *Religion and Literature in Hadrian's Policy. Mnemosyne. Fourth Series*. 1955;8(2):123-144.
12. Royston L. *Beloved and God: The Story of Hadrian and Antinous*. George Weidenfeld & Nicolson Publ.; 1984. 298 p.
13. Kulikowski M. *Imperial Triumph. The Roman World from Hadrian to Constantine*. London, 2016. 328 p.
14. Williams C.A. *Roman homosexuality: Ideologies of Masculinity in Classical Antiquity*. Oxford University Press; 1999. 420 p.
15. Andrade N. J. *Syrian Identity in the Greco-Roman World*. Cambridge University Press; 2013. 444 p.
16. Veyne P. *Le Pain et le cirque Sociologie historique d'un pluralisme politique*. Paris: Seuil Publ.; 1976. 896 p.

Информация об авторе

Г.Д. Габарашвили – аспирант, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

G.D. Gabarashvili – Postgraduate Student, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-56-62

ТЕКСТОВЫЕ СРЕДСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕФОРМАЦИОННЫХ ИДЕЙ В ОБЩЕСТВЕ АНГЛИИ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

Сергей Николаевич Гаврилов^{1✉}, Александра Анатольевна Криворотова²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

¹ sngavrilov@sfedu.ru✉

² akrivorotova@sfedu.ru

Аннотация. Смерть Генриха VIII в январе 1547 г. повлекла за собой отход от довольно жесткой линии в религиозной политике, что, в свою очередь, привело к более свободному распространению идей в сфере религии. Оно характеризовалось не только возросшим количеством издаваемых текстов, но и смелостью высказываний авторов, яркостью используемых ими образов.

Исследуются текстовые средства распространения реформационных идей в обществе Англии середины XVI в. на примере жанрово разных работ: проповеди «О плуге» Хью Латимера – одного из лидеров продвижения религиозных преобразований в Англии, и сатирического произведения «Доктор двойной эль» лондонского врача Люка Шепарда. Создаваемые в середине XVI в. произведения сатиры и читаемые проповеди, учитывая довольно большую в сравнении с населением континента образованность жителей Туманного Альбиона, не могли не находить горячий отклик у тех, кому сочинения были адресованы. Однако, несмотря на то, что эти сочинения создавались в русле официальной политики религиозных преобразований, говорить о степени их непосредственного влияния на ее проведение довольно трудно.

Ключевые слова: Англия XVI в., распространение реформационных идей, проповедь, сатира

Для цитирования: Гаврилов С. Н., Криворотова А. А. Текстовые средства распространения реформационных идей в обществе Англии середины XVI века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 56–62.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

TEXTUAL MEANS OF SPREADING REFORMATION IDEAS IN THE SOCIETY OF ENGLAND IN THE MIDDLE OF THE 16th CENTURY

Sergey N. Gavrilov^{1✉}, Alexandra A. Krivorotova²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ sngavrilov@sfedu.ru✉

² akrivorotova@sfedu.ru

Abstract. The death of Henry VIII in January 1547 entailed a departure from a rather rigid line in religious policy, which, in turn, led to a freer dissemination of ideas in the field of religion. This spread was characterized not only by the increased number of published texts, but also by the boldness of the authors' statements, the brightness of the images they used. The article is devoted to the study of textual means of spreading of reformation ideas in the society of England in the middle of the 16th century. The object of the study is genre-diverse works: the sermon “About the plow”, written by Hugh Latimer, one of the leaders of the promotion of religious transformations in England, and the satirical work “Doctor Double Ale”, published by the London doctor Luke Shepherd. Sermons and satirical works of the middle of the 16th century, given the rather large literacy of the population of the foggy Albion, should have found a warm response from those to whom the writings were addressed. However, despite the fact that these works were created in line with the official poli-

cy of religious transformations, it is quite difficult to talk about the degree of their direct influence on its implementation.

Keywords: England of the 16th century, spread of Reformation ideas, preaching, satire

For citation: Gavrilov S. N., Krivorotova A. A. Textual Means of Spreading Reformation Ideas in the Society of England in the Middle of the 16th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):56-62. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Середина XVI в. в Англии – время смены религиозных ориентиров многих людей. Смерть Генриха VIII в январе 1547 г. повлекла за собой отход от довольно жесткой линии в религиозной политике, что, в свою очередь, привело к более свободному распространению идей в сфере религии. Оно характеризовалось не только возросшим количеством издаваемых текстов, но и смелостью высказываний авторов, яркостью используемых ими образов. Как упоминает в своей работе Дж. Грин, «масса протестантских памфлетистов наводняла страну жестокими нападками на мессу и ее суеверные принадлежности, а доказывать противное строго запрещалось» [1, с. 372].

Интерес к данной теме вызван недостаточной ее разработанностью. Отчасти проблема исследуется британскими историками, например Дж. Бернардом [2], Дж. Грином [1], рассматривающими на страницах своих работ развитие религиозных преобразований в Англии, и российскими историками, в частности А. Ю. Серегинной, упоминавшей о протестантской общине в Англии ещё до начала религиозных реформ и писавшей о взаимодействии католического сообщества и быстрорастущего протестантского [3, 4], Т. Г. Чугуновой, чьему авторству принадлежит исследование жизни и деятельности Уильяма Тиндела, а также развития религиозных реформ в Англии [5]. Труды В. Н. Ерохина посвящены церковной организации Англии, в которых упоминается и пропагандистская работа реформаторов [6, 7].

Таким образом, представляется важным исследование средств влияния реформационных идей на современников, среди которых одно из первых мест по эффективности занимали образы, создаваемые авторами различных работ. В свою очередь, это дает возможность и более полного понимания степени восприятия новых идей населением Англии середины столетия, а также помогает расширению наших знаний о мировоззрении англичан того времени.

Наилучшему достижению целей будет служить обращение к произведениям разных жанров, что также позволит рассмотреть различие и схожесть подходов, используемых авторами в своих работах.

В качестве источников исследуются два популярных сочинения, вышедших в свет в Лондоне того времени, а именно проповедь «О плуге» епископа Хью Латимера [8], написанная и озвученная автором в январе 1548 г., а также сатира лондонского врача Люка Шепарда [9], изданная в том же году.

Проповедь епископа Хью Латимера, озвученная в январе 1548 г. в крипте собора Святого Павла в Лондоне, в своей основе имеет догматические, катехизические и апологетические элементы с привязкой к социальной тематике, что сделало ее самой известной проповедью реформатора. В своей речи Латимер берет за основу притчу о сеятеле, упоминаемом в Евангелии от Луки [10, с. 61]. Однако в качестве пахаря у него выступает прелат, а плугом, т.е. инструментом, является проповедь. Стоит отметить, что введенная аллегория представляет собой сильный образ, так как проповедник (которым, согласно религиозным воззрениям автора, может быть любой человек с определенным набором качеств) отчасти ставится в один ряд с Иисусом Христом или, например, с апостолами. В подтверждение своей позиции автор приводит строчку на латыни, которую переводит как «ни один человек, который кладет руку на плуг и оглядывается назад, не годится на роль Бога», интерпретируемую им как «пусть ни один проповедник не проявляет небрежности при исполнении своих обязанностей» [8, р. 52].

Предвидя возможное неприятие и осуждение данного образа и понимания, автор в своей проповеди аргументирует приемлемость выбранной им аллегории [8, р. 52–53]. Труд же проповедника Латимер сравнивает с пахотной работой, ссылаясь то на свое происхождение из семьи йомена [8, р. 53], то на тяготы деторождения [8, р. 56], пытаясь тем самым стать понятным и близ-

ким как земледельцам мужчинам, так и женщинам. Саму же проповедь реформатор сравнивает с мясом: «Писание называет это мясом, а не клубникой, которая появляется только раз в год, остается недолго и вскоре исчезает, но это мясо, это не лакомство. У людей должно быть привычное и постоянное мясо, которым они должны питаться ежедневно» [8, р. 54].

Самым же ярким и сильным образом данной проповеди, безусловно, является представление в качестве пахаря не только Иисуса Христа, но и дьявола, которого Латимер назвал «самым привлекательным проповедником во всем королевстве» [8, р. 59]. Главными помощниками дьявола в его «пахотной» работе являются Папа Римский и его последователи-паписты.

Что касается социальных проблем, поднимаемых в речи, проповедник первоначально говорит о праздном образе жизни прелатов: «они ловят ястребов, они охотятся, они играют в карты, они играют в кости; они развлекаются в своих епархиях с галантными джентльменами, с их танцующими фаворитками и со своими новыми компаньонами...» [8, р. 56]. Подобный образ жизни, связанный с яркой вовлеченностью священнослужителей в светские, мирские дела, отвлекает их от своих прямых обязанностей: «...из-за их господства и празднотания проповеди и пахота полностью исчезли. Если бы земледельцы страны были бы так же небрежны в своей работе, как прелаты, мы бы долго не прожили...» [8, р. 56], «они (прелаты) заняты другими делами, некоторые – делами короля, некоторые – послами, некоторые – членами тайного совета, некоторые – придворными, некоторые – лордами парламента, некоторые – президентами и контролерами монетных дворов» [8, р. 57].

Более же всего Латимера возмущает возможность назначения служителей церкви контролерами монетных дворов, которые могут вмешиваться в судебные разбирательства и т.д. [8, р. 57–58]. Приоритет реформатор и низкое стремление представителей дворянства, в частности молодежи, к образованию, ведь они могли бы выполнять вышеуказанные функции в государстве. Но в этом он винит не только самих молодых людей, но и неразвитость системы образования в Англии в принципе: «Почему их не помещают в школы, где они могли бы учиться? Или почему их не посылают в университеты...?» [8, р. 58].

Отдельно священнослужитель останавливается на том состоянии, в котором находится развитие реформационных идей в Англии на 1548 г. Латимер говорит о том, что, если бы не осторожные «blanchers» (люди, стремящиеся отвлечь внимание от сути), шептавшие на ухо Генриху VIII о неподготовленности английского общества («Народ не перенесет внезапных изменений; после внезапной трансформации может быть поднято восстание...») [8, р. 63], продвижение религиозных преобразований ушло бы далеко вперед [8, р. 63]. Латимера беспокоит не только наличие таких людей близ монарха, но и неверие в разумность английского народа, его способность к пониманию Священного Писания.

Проповедь «О плуге» отличается большой живостью, подвижностью, эмоциональностью и до определенной меры простотой, несмотря на обращение в первую очередь к представителям духовенства. В качестве определенных средств воздействия автор использует повторяющиеся простые вопросы, призывы, диалоговые формы и т.д. Его речь местами довольно резка, поскольку представителей католической традиции он называет «властными бездельниками», «праздными служителями», идолопоклонниками, а «старый порядок» сравнивает со змеиным гнездом и каменной почвой, которой не поможет ни один плуг [8, р. 56–58]. Проповедь Латимера наполнена также иронией, например призыв прелатов учиться проповедовать у дьявола, а также обращением к личному опыту священнослужителя как представителя церковной организации.

В завершающей части своей речи проповедник приводит рассказ одного из каноников Уолтемского аббатства, который сообщил ему, что те, кто принимал участие в таинстве евхаристии, должны были «...получить прощение за то, что пили из потира», как пример невежества среди прелатов. Упоминает автор и о личном опыте прихода к «истинной вере». На протяжении длительного времени, находясь в стенах Кембриджа, наш герой был истинным католиком [11, р. 172]. В своей проповеди в январе 1548 г. он сообщает, что не понаслышке знаком с работой дьявола: «Я знаю его слишком хорошо и слишком часто повиновался ему, снисходя до некоторых глупостей; и я знаю его так же, как и другие люди, да, что он всегда занят и всегда занят тем, что следует за своим плугом» [8, р. 60].

Используя подобный прием, реформатор как будто уверяет присутствующих, что каждый может заблуждаться, но и каждый может прийти к «истинной вере». Завершается проповедь надеждой автора на дальнейшее развитие религиозных преобразований в Англии при Эдуарде VI [8, p. 64].

Что касается сатиры лондонского врача Люка Шепарда, то речь пойдет о его произведении «Доктор двойной эль» [9], которое представляет собой сатиру на католическую литургию, защищающую главный реформационный тезис *Solo Scriptura* (единственный источник вероучения – Священное писание) и выставляющую в невыгодном свете католическую традицию. Автор упрекает Папу в том, что, несмотря на доступность для него чтения и понимания Священного Писания, а значит, и доступность спасения, он предпочитает стать пэром со множеством последователей: «Нет такого дня, чтобы они не могли слышать искреннее и по-настоящему верное Слово Божие, которому нужно учить, если бы они стремились это делать. Но они ни во что не ставят истинное учение Христа и опускаются до человеческих обрядов» [9, p. 188]. Интересно, что и в этом произведении можно видеть образ Папы Римского и его последователей как приспешников дьявола: «...эта лживая болтовня приведет их к вратам ада и кромешной тьме, и всё из-за упрямой суровости и полного доверия гниющим, ржавым вещам и папистским положениям, являющимся дьявольским порождением» [9, p. 188].

Главный смысл повествования заключается в искренней вере Шепарда, что некоторые простые миряне более грамотны в религиозных вопросах, благодаря распространению английских переводов Библии, нежели чем сами представители духовенства.

Образы, заложенные лондонским врачом не менее объемные и яркие, чем образы, используемые Латимером, однако сатира, благодаря своим жанровым особенностям, дает возможность ее автору быть более свободным, например, в характеристике того или иного персонажа. В сюжетной канве присутствуют условные протагонист и антагонист. В качестве первого выступает мальчик-сапожник, который в одном из лондонских трактиров во всеуслышание заявляет о своей приверженности протестантскому учению: «И все же мог ли мальчик-сапожник сказать ему (викарию), что он (викарий) читал Евангелие неправильно?» [9, p. 191].

Реакция присутствующих довольно интересна: кто-то высказался, что еретиков необходимо жечь, кто-то предложил повесить мальчика, кто-то просто с интересом наблюдал [9, p. 192]. Рассказчик же делает акцент на том, что возмутила присутствующих именно дерзость, серьезность мальчика, смеющегося указывать священнослужителю на его ошибки, а отнюдь не сама ересь. Участь сапожника печальна, его впоследствии заключают под стражу. Возможно, прототипом его образа в данном произведении мог являться Ричард Мекинс, пятнадцатилетний юноша, сожженный на костре за ересь в 1540 г. [12, с. 403]. Предположение основано на том, что подобных прецедентов в первой половине XVI в. было зафиксировано не так много, одним из самых «громких» было дело именно Ричарда Мекинса.

В качестве антагониста Шепард представляет читателям, вероятно, вполне реальную фигуру – викария лондонского прихода Святого Гроба Господня Гарри Джорджа, чье имя он упоминает в тексте. Определить на службе в указанном приходе в исследуемый период человека с подобным именем не удалось, что может говорить о замене настоящего имени вымышленным. О возможности помещения в повествование утрированного образа реального человека могут говорить детали, с которыми автор описывает расположение прихода: «Хотел бы я, чтобы вы знали, что викарий этот из большого прихода недалеко от Ньюгейта» [9, p. 189]. Можно сделать предположение, что таким образом Шепард дает «вводные» для идентификации современниками конкретного человека, напрямую его не раскрывая. И если мальчик олицетворяет собой чистоту, простоту, невинность и разумность, и о нём в принципе говорится не так много, то личность викария описана в красках и вызывает определенное чувство отторжения.

В первую очередь Шепард характеризует его как любителя выпить и завсегда трактиров, впоследствии путающего свой ночной горшок с массовым потиром, опять же своеобразный выпад против таинства Евхаристии [9, p. 193]: «В пивную он идёт мало-помалу, и там он будет столько пить, что из-за эля от него так воняет; независимо от того идёт ли он впереди или позади, вы и без ветра почувствуете его запах» [9, p. 193]. Во-вторых, автор указывает на продолжающееся-

ся проведение викарием мессы на латинский манер в обход существующему в Англии запрету [9, р. 194].

Лондонский врач также упоминает, что заявление мальчика о своих воззрениях было не новым для присутствующих, напротив – это был довольно известный факт: «Ибо доподлинно известно, что мальчик не любил папизм, а викария, без сомнения, называют папистом по всему Лондону. И правда в том, что они не лгут, это видно невооруженным взглядом» [9, р. 192]. Шепард указывает и на тот момент, что викарий много на себя берет, в чем убеждены многие люди в столице Англии: «Как много его удерживает от восприятия себя в качестве короля, ..., ведь он называет церковный и пасхальные платежи как причитающиеся священнослужителю» [9, р. 191]. Более того, викарий убежден, что его приходу не страшны еретики: «Мой приход, я хорошо знаю, против них взбунтуются» [9, р. 194]. Название анализируемой сатиры тоже раскрывается по-особенному: Гарри Джордж – викарий прихода Святого Гроба Господня также силен в крепком, двойном зле, как и в крепкой выпивке [9, р. 191].

Сравнения (например, «пьяный как мышь», «ворон-падальщик» [9, р. 190]), эпитеты (например, «добрый пьяница», «праздный священник» [9, р. 190–192]) и примеры действий викария довольно интересны как средства воздействия на современников силой своей образности. Не отрицается и ученость Гарри Джорджа, все дело лишь в его нежелании открыть свое сердце Слову Божию и выполнять свои прямые обязанности: «Человек великой учености, ибо, если бы его мозг работал, он мог бы в течение четырнадцати дней произносить такую проповедь, какую еще никто не знал... Я никогда не слышал, чтобы он проповедовал...» [9, р. 191]. Безусловно, цель данного сочинения очернить священнослужителей – приверженцев католической традиции и привлечь внимание к «истинной вере», сторонником которой являлся сам автор, что роднит его с введенным образом мальчика-сапожника.

Подводя итог и сравнивая представленные источники, необходимо отметить, что авторы произведений апеллируют к уже испытанным временем традиционным образам, использующимся как в дореформационную эпоху, так и на первоначальных этапах религиозных преобразований. Например, обращение в проповеди Латимера к образу пахаря отсылает не только к Евангелию, но и к поэме Уильяма Ленгленда «Видение о Петре пахаре», написанной в XIV веке [13, р. 67], а также и к образу «священника, наделенного даром посева зерна евангельского учения» [14, с. 11], который тщательно выстраивал в своих проповедях епископ Дж. Фишер уже в первой половине XVI в. Что касается представления Папы Римского и его последователей в образе антихриста и его слуг, то их можно также обнаружить у Джона Уиклифа в известной работе «Триолог» [15].

Нечто похожее можно сказать и о сатире Шепарда, делающего главным действующим лицом сапожника. Этот образ можно обнаружить ещё в начале XIV в. Проповедник Джордано да Пиза «с ужасом и негодованием говорит о сапожниках и скорняках, имея в виду еретиков, взявшихся за толкование Священного Писания» [16, с. 108].

Обращение к подобным ставшим к затрагиваемому времени традиционными образам упростило донесение реформаторских идей до населения, поскольку изначально выстраивало понятный для всех жителей каркас, на который, в свою очередь, уже нанизывались обновленные детали. В сатире же, вероятнее всего, помимо традиционных образов наблюдается обращение к известным лондонскому жителю фактам и вполне знакомым личностям. На примере нарисованного в произведении взаимодействия этих личностей и производится попытка распространения реформаторских идей. Вероятно, с этой же целью и Латимер обращается к личному опыту.

В представленных источниках можно наблюдать проявление схожих идей и использование отчасти схожих образов, например образа дьявола. При этом для проповеди Латимера характерна идеализация населения Англии, способного понять и принять дальнейшее развитие религиозных преобразований. В свою очередь, Шепард смотрит на реакцию современников более объективно, поскольку сам является мирянином, а не священнослужителем.

Действительно, в среде простого населения мог присутствовать элемент неверия в серьёзность проводимых в стране изменений, что отчасти зависело от темпов развития религиозных идей, которые довольно быстро подвергались трансформации. В сознании многих далеких от политики Лондона крестьян, чья большая численность в королевстве в середине XVI в. являет собой неоспоримый факт [17, с. 56], крушение папской власти не нашло такого отражения, как среди

представителей нобилитета и королевского двора [18, р. 89]. Как отмечает В. Н. Ерохин, «...в начале XVII века протестантские священники обычно делили прихожан на три группы: небольшую, состоявшую из действительно призванных к искреннему исповеданию религии; еще одну, которая, несмотря на все усилия проповедников, оставалась неграмотной, суеверной и даже сожалевшей об утрате старой религии; и третья группа, представители которой просто были конформистами по отношению к религиозной политике в государстве» [7, с. 220].

Так или иначе, создаваемые в середине XVI в. произведения сатиры и читаемые проповеди, среди которых и проповедь Латимера, вскоре опубликованная Дж. Деем, учитывая довольно большую в сравнении с населением континента образованность жителей Туманного Альбиона, не могли не находить горячий отклик у тех, кому сочинения были адресованы. Они, учитывая использование привычных образов, безусловно, оказывали определенное влияние на реакцию населения.

Данные сочинения создавались и распространялись в русле проводившейся политики реформационных преобразований, но вопрос о степени их непосредственного влияния на проводимую политику довольно сложен и требует отдельного исследования.

Список источников

1. Грин Д. Р. История Англии и английского народа : пер. с англ. 4-е изд., испр. и доп. М.: Кучково поле, 2018. 896 с.
2. Bernard G. W. The King's Reformation. Henry VIII and the Remaking of the English church. New Haven and London: Yale University Press, 2005. 736 p.
3. Серёгина А. Ю. Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 320 с.
4. Серёгина А. Ю. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв.: виконты Монтегю. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 544 с.
5. Чугунова Т. Г. Уильям Тиндел: слово, церковь и государство в раннем английском протестантизме. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 446 с.
6. Ерохин В. Н. Становление англиканской церкви в XVI – первые десятилетия XVII в. в освещении современной британской историографии. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 326 с.
7. Ерохин В. Н. Утверждение протестантизма в Англии в правление Елизаветы I в трактовке современной британской историографии // Изв. Самарского науч. центра РАН. Серия: История и археология. 2009. Т. 11, № 2. С. 215–220.
8. Latimer H. Sermon of the Plough // Sermon by Hugh Latimer. New York: E. P. Dutton, 1906. 326 p.
9. Luke Shepherd Doctor Double Ale, 1548 // Voices of the English Reformation: A Sourcebook. Ed. by J.N. King. University of Pennsylvania Press, 394 p.
10. Евангелие от Луки. Харьков: Фолио, 2011. 224 с.
11. Latimer, Hugh, D. D. (1485? – 1555) // Dictionary of national biography. Ed. S. Lee. New York: Macmillan and Co., 1892. P. 171–179.
12. Соколов В. Реформация в Англии (Генрих VIII и Эдуард VI). М.: Тип. Л.О. Снегирёва, 1881. 546 с.
13. Langland W. The Vision of William concerning Piers the Plowman. Ed. W.W. Skeat. Oxford, 1886. P. 216.
14. Волкова Ю. А., Суровегина Е. С. Sacra rhetorica: Джон Фишер и искусство проповедования // Современная научная мысль. История и археология. 2019. № 5. С. 10–14.
15. Wycliff J. Trialogus cum supplemento trialogi. Ed. G.V. Lechler. Oxonii, 1869. 530 p.
16. Топорова А. В. Образ проповедника в теории и практике средневековой проповеди // Вопросы филологии. Литературоведение. 2009. № 3 (33). С. 105–111.
17. Праздников А. Г. Численность и сословная структура населения английского города XIV – XV веков // Вестн. Пермского ун-та. Серия: История. 2004. Вып. 5. С. 56–61.
18. Frere W. H., McClure Kennedy W. Visitation Articles and Injunctions of the Period of the Reformation. Vol. II. 1536–1558. London: Longmans, Green & Co, 1910. 463 p.

References

1. Green D.R. *History of England and the English people*. Trans. from English. 4th ed., corr. and add. Moscow: Kuchkovo pole Publ.; 2018. 896 p. (In Russ.).
2. Bernard G. W. *The King's Reformation. Henry VIII and the Remaking of the English church*. New Haven; London: Yale University Press; 2005. 736 p.

3. Seregina A. Yu. *London and the Reformation. The life of the English capital in the Tudor Era (1485-1603)*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Press; 2017. 320 p. (In Russ.).
4. Seregina A. Yu. *The English Catholic community of the 16th-17th centuries: Viscounts of Montague*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Press; 2017. 544 p. (In Russ.).
5. Chugunova T. G. *William Tindel: The Word, Church and state in early English Protestantism*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Press; 2017. 446 p. (In Russ.).
6. Erokhin V. N. *The formation of the Anglican Church in the 16th – first decades of the 17th century in the coverage of modern British historiography*. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk University for the Humanities Press; 2009. 326 p. (In Russ.).
7. Erokhin V. N. The assertion of Protestantism in England during the reign of Elizabeth I in the interpretation of modern British historiography. *Izv. Samarskogo nauch. tsentra RAN. Seriya: Istoriya i arkhologiya = Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. History and Archeology*. 2009;11(2):215-220. (In Russ.).
8. Latimer H. *Sermon of the Plough. Sermon by Hugh Latimer*. New York: E. P. Dutton Press; 1906. 326 p.
9. King J.N. ed. *Luke Shepherd Doctor Double Ale, 1548. Voices of the English Reformation: A Sourcebook*. University of Pennsylvania Press; 394 p.
10. *The Gospel of Luke*. Kharkiv: Folio Publ.; 2011. 224 p. (In Russ.).
11. Lee S., ed. Latimer, Hugh, D. D. (1485 ? – 1555). *Dictionary of national biography*. New York: Macmillan and Co. Publ.; 1892:171-179.
12. Sokolov V. *Reformation in England (Henry VIII and Edward VI)*. Moscow: Printing House of L.O. Snegirev; 1881. 546 p. (In Russ.).
13. Langland W. *The Vision of William concerning Piers the Plowman*. W.W. Skeat, ed. Oxford, 1886. 216 p.
14. Volkova Yu. A., Surovegina E. S. Sacra rhetorica: John Fisher and the Art of preaching. *Sovremennaya nauchnaya mysl'. Istoriya i arkhologiya = Modern Scientific Thought. History and Archaeology*. 2019;(5):10-14. (In Russ.).
15. Wycliff J. *Triologus cum supplemento triologi*. G.V. Lechler, ed. Oxonii, 1869. 530 p.
16. Toporova A.V. The image of a preacher in the theory and practice of medieval preaching. *Voprosy filologii. Literaturovedenie = Issues of Philology. Literary Studies*. 2009;(3):105-111. (In Russ.).
17. Prazdnikov A. G. The number and class structure of the population of the English city of the 14th-15th centuries. *Vestn. Permskogo un-ta. Seriya: Istoriya = Bulletin of the Perm University. Series: History*. 2004;(5):56-61. (In Russ.).
18. Frere W. H., McClure Kennedy W. *Visitation Articles and Injunctions of the Period of the Reformation. Vol. II. 1536–1558*. London: Longmans, Green & Co Publ.; 1910. 463 p.

Информация об авторах

С. Н. Гаврилов – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений.

А. А. Криворотова – магистрант, Институт истории и международных отношений.

Information about the authors

S. N. Gavrilov – Candidate of Science (History), Associate Professor of Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations.

A. A. Krivorotova – Master Student, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья

УДК 94

doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-63-70

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Екатерина Викторовна Гомелева

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

katya.ternickova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается нормативно-правовое регулирование государственно-церковных отношений в советский период. Обосновывается актуальность темы данного исследования. Основная концепция построена на изучении политики советского государства по отношению к религиозным организациям и роли права в ее осуществлении. Для глубокого понимания сути и выявления всех особенностей дается объективная картина этих взаимоотношений. Показаны условия их возникновения, ход развития, выявляется специфика на различных этапах и системно обобщается совокупность норм, составляющих и закрепляющих правовой режим этих отношений. Выделены и охарактеризованы основные периоды (этапы), нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений советского периода.

Ключевые слова: религиозные организации, законодательство, Русская православная церковь, государственно-церковные отношения

Для цитирования: Гомелева Е.В. Нормативно-правовые акты, регулирующие государственно-церковные отношения советского периода // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 63–70.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

NORMATIVE LEGAL ACTS REGULATING STATE-CHURCH RELATIONS OF THE SOVIET PERIOD

Ekaterina V. Gomeleva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

katya.ternickova@yandex.ru

Abstract. The article examines the regulatory and legal regulation of state-church relations in the Soviet period. The main concept of the study is based on the study of the policy of the Soviet state in relation to religious organizations and the role of law in its implementation. An objective picture of these relationships is given. The conditions of the emergence, the peculiarities of the development of state-church relations at different stages are shown. The specifics of these relationships at various stages are revealed and the set of norms that make up and consolidate the legal regime of these relations is systematically generalized.

Keywords: religious organizations, legislation, Russian Orthodox Church, state-church relations

For citation: Gomeleva E.V. Normative Legal Acts Regulating State-Church Relations of the Soviet Period. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):63-70. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

© Гомелева Е.В., 2023

Теоретические и концептуальные аспекты политики советского государства по отношению к религии и роли права в ее осуществлении являлись предметом научных изысканий ряда ученых [1–6]. Значительный вклад в изучение деятельности Русской православной церкви на международной арене в советский период внесла О.Ю. Васильева [7]. Появились и другие публикации по истории государственно-церковных отношений [8–10]. Тем не менее отдельные аспекты политики советского государства по отношению к религии и роли права в ее осуществлении являются недостаточно исследованными.

В последнее время в современной России становятся востребованными духовно-нравственные ценности, которые с каждым годом приобретают всё более важную роль. Но чтобы они благотворно влияли на духовное состояние общества, необходимо усовершенствовать систему регулирования государственно-церковных отношений, при этом учитывать те обстоятельства, при которых от них пытались отказаться в советский период, так как они носили сложный и противоречивый характер, имели свою специфику. Изложенное определило актуальность темы данного исследования.

В первые годы Советской власти вопросам нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений уделялось большое внимание в связи с желанием ускорить процесс секуляризации, практической необходимостью отделить Церковь от государства и школу от церкви как одними из главных революционных преобразований. Начались разработка законодательства в этой сфере и обобщение практики применения законодательных актов. В ранний советский период (1920-е гг.) неотъемлемой частью любого законодательного акта в отношении религиозных организаций были инструкции, которые представляли собой руководство для его реализации.

В начале 1920-х гг. разработкой законодательства в этой области активно занимался профессор П.В. Гидулянов, составивший в 1923 г. систематизированный сборник действующего в СССР законодательства по регулированию государственно-церковных отношений. Последнее, третье издание этого сборника с приложением, вышло в 1926 г. [11].

В 1926 г. опубликован сборник Л.П. Дьяконова «Советские законы о церкви», в котором подробно описывались положение и роль церкви до 1917 г., задачи Советской власти в религиозном вопросе после 1917 г., основные принципы, выдвинутые Советской властью по отделению церкви от государства. Особое внимание было уделено организации групп верующих и религиозных обществ, получению зданий культа, их правам, обязанностям и ответственности за нарушение верующими или религиозными объединениями законодательства об отделении Церкви от государства. Отдельно вынесено правовое положение служителей культа, как относящихся к определенной категории граждан, лицам «свободных профессий» [12].

В 1930 г. издательством «Безбожник» был издан сборник нормативных актов «Закон о религиозных объединениях РСФСР», составленный Н. Орлеанским. Сборник включал текст Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23.01.1918 г., текст Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 г., ведомственные постановления и инструкции, а также комментарии самого автора к отдельным законоположениям. По сути сборник представлял универсальное пособие для руководства в действие [2].

Нормы права, описанные в Декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23.01.1918 г., составляющие и закрепляющие правовой режим отделения Церкви от государства, определялись положениями, при которых государство не оказывает религиозным организациям материальной, моральной или иной поддержки; не поручает им выполнение каких-либо государственных функций; не пользуется методами государственно-правового контроля для принуждения при определении гражданами своего отношения к религии; не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не сопровождается нарушением советских законов и посягательствами на личность и права граждан СССР. С другой стороны, религиозные организации не имеют права вмешиваться в дела государства, политические, финансово-экономические и другие сферы его деятельности, следовательно, находятся автономно от государства; могут получать средства для своего существования исключи-

тельно из добровольных пожертвований прихожан и доходов от продажи предметов культа собственного производства.

Совокупность норм, составляющих и закрепляющих правовой режим отделения школы от церкви, определялась следующими положениями, при которых религиозные организации не имеют права вмешиваться в учебный и воспитательный процесс учебных заведений, следовательно, преподавать религиозные вероучения во всех государственных и общественных учреждениях, а также частных учебных заведений, где преподаются общеобразовательные предметы.

Правовые взаимоотношения церкви и государства, описанные в Декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23.01.1918 г., в дальнейшем закрепились в Конституциях СССР и союзных республик. В частности, ст. 34 Конституции СССР провозглашала равенство граждан перед законом независимо от отношения к религии, ст. 52 гарантировала «...свободу совести, т.е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». В ст. 60, 61 записано, что «каждый гражданин СССР, независимо от его отношения к религии, обязан добросовестно трудиться, честно относиться к общественному долгу, блюсти дисциплину труда, беречь и укреплять социалистическую собственность, бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества».

На основании проведенного анализа норм права, закрепленных в Конституции СССР, тезисно отметим основные принципы свободы совести: 1) равенство всех религий перед законом; 2) равенство прав граждан вне зависимости от их отношения к религии; 3) право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой; 4) невмешательство государства в дела церкви и невмешательство церкви в дела государства.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 г., с незначительными изменениями и дополнениями 1975 г. оставалось действующим нормативно-правовым актом на протяжении всей истории государственно-церковных отношений советского периода.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в Постановлении понятие «приход» трактуется как «религиозное объединение» и с момента вступления его в законодательную силу вводится обязательная регистрация всех религиозных объединений. Определяются правила их учреждения, указывающие, что религиозное общество или группа верующих могут заниматься религиозной деятельностью только после регистрации в административном отделе местного исполнительного комитета или городского совета.

Регламентируется состав участников религиозных объединений: «Религиозное общество есть местное объединение верующих граждан, достигших 18-летнего возраста, одного и того же культа, вероисповедания, направления или толка, в количестве не менее 20 лиц, объединившихся для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей» [13].

Религиозным объединениям воспрещалось: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь [13].

Религиозное общество или группа верующих могли приступить к своей деятельности лишь после принятия решения об их регистрации Советом по делам религий при Совете Министров СССР.

Решение о регистрации религиозного общества или группы верующих и об открытии молитвенного здания принималось вышеназванным Советом по представлению Советов Министров автономных республик, исполнительных комитетов краевых, областных, городских Советов депутатов трудящихся [13].

Религиозные общества и группы верующих могли созывать религиозные съезды и совещания только по разрешению Совета по делам религий при Совете Министров СССР в каждом отдельном случае. Здание культа и находящееся в нем имущество принималось по договору от предста-

вителя исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся не менее чем двадцатью членами религиозного общества для предоставления названного имущества в пользование всех верующих. Закрытие молитвенных зданий в соответствующих случаях также производилось только по решению Совета по делам религий при Совете Министров СССР по представлению Совета Министров автономной республики, исполнительного комитета краевого, областного, городского (городов Москвы и Ленинграда) Совета депутатов трудящихся [13].

Таким образом, Постановлением ВЦИК «О религиозных объединениях» приходская жизнь была взята под контроль советским государством и поставила в зависимость религиозные объединения от органов государственной власти. Параллельно закрывались храмы, преследовались священники, что привело к сокращению числа приходов.

Ситуация с приходами радикально улучшилась в годы Великой Отечественной войны. Несколько изменилось отношение государственной власти к Русской православной церкви, что нашло отражение в Постановлении СНК СССР от 28.11.1943 г. «О порядке открытия церквей». В период 1943–1944 гг. была осуществлена регистрация всех приходов и храмов, что позволило им относительно свободно существовать. Религиозные организации получили право строить, покупать или арендовать здания, мастерские для изготовления предметов культа, помещения для печати религиозной литературы, приобретать транспортные средства.

Эти незначительные изменения были вызваны, с одной стороны, патриотической позицией Русской православной церкви, с другой – требованиями западных стран, которые обещали открыть второй фронт, прекратить преследования религии в СССР. Так, в послании Местоблюстителя, адресованном верующим СССР, говорилось: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины» [14]. Вместе с воинами в войне приняли активное участие иерархи, духовенство и верующие Русской Церкви. С первых дней они участвовали в оказании материальной помощи фронту и тылу [15].

В этот период был создан Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров СССР с целью взаимодействия между Правительством СССР и церковными организациями.

С момента вступления в силу Положения «Об управлении Русской православной церкви», принятом Поместным Собором в 1945 г., православный приход был признан законной церковной единицей и имел права юридического лица. В документе интерпретировалось понятие «приход».

Следствием внесения изменений в Положение «О приходах» в 1961 г. стали изменения в приходских общинах. Устраненные от участия в финансовой жизни храмов священники были поставлены в положение заложников произвола церковных старост и бухгалтеров, что вызвало всплеск жалоб как прихожан, так и членов исполнительных органов прихода в различные государственные инстанции. Следствием того же положения явились преследования духовенства и конфликты с приходом, заканчивавшиеся, как правило, или выведением священника за штат, или его переводом в другой храм. Одним из методов разрушения внутренней жизни приходов, активно применявшихся уполномоченными Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, было частое перемещение священников из прихода в приход.

В период 1954–1964 гг. государство продолжило проводить политику дальнейшего ослабления деятельности Русской православной церкви, широко развернувшуюся в довоенный период и направленную на развал Церкви как социального института, прибегая к разворачиванию научно-атеистической пропаганды, контролю финансово-хозяйственной деятельности приходов и монастырей и, как следствие, к их сокращению. Так, вышло два Постановления ЦК КПСС от 07.07.1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и от 10.11.1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [16]. В 1958 г. вступило в силу Постановление Совета Министров СССР от 16.10.1958 г. «О свечном налоге» [17] и «О монастырях в СССР» [18]. Первое значительно ухудшило финансово-хозяйственную деятельность приходов, увеличив налог на свечное производство, которое по сути являлось основным источником доходов. Второе положило начало сокращению численно-

сти приходов, духовных учебных заведений и монастырей вплоть до их практической ликвидации.

В ноябре 1958 г. вступило в силу Постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым святым местам». Содержание этих Постановлений свидетельствовали о начале активного вмешательства и контроля со стороны государства всех сфер деятельности Русской православной церкви: административно-управленческой и финансово-хозяйственной [19].

Далее, 11.03.1959 г. было принято Постановление «О массовой политической работе». Оно также относилось к научно-атеистической пропаганде и предопределяло государственным органам продолжить, но уже в более широком масштабе антирелигиозную пропагандистскую работу с целью воспитания советского народа в духе коммунизма. По мнению А.В. Шадринной, советская антирелигиозная политика имела два основных направления – внутреннее, состоящее в разрушении Церкви «изнутри» за счет увеличения налогов, сокращения доходности, изменения механизмов внутрицерковного управления, дискредитации духовенства, и внешнее – за счет усиления антирелигиозной пропаганды среди населения [10].

Таким образом, все принятые законодательные акты этого периода были направлены на реализацию идей «хрущевской» оттепели, в результате которой СССР должен был стать атеистическим государством в полной мере. Так, Постановление, принятое в январе 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», позволило государственным органам на законных основаниях отстранять от должности священнослужителей в связи с нарушением закона. Но и этого было недостаточно. Советом Министров СССР было принято Постановление от 16.03.1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Оно определяло необходимость проведения полного учета всего имущества религиозных обществ, стало причиной привлечения значительного числа духовенства к уголовной ответственности, что соответствовало цели государства максимально уменьшить число священнослужителей. В период с 1954 по 1964 г. было проведено массовое закрытие церквей.

В декабре 1965 г. Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов были объединены в единый орган – Совет по делам религий при Совете Министров СССР, основной целью которого было осуществление контроля за соблюдением законодательства о культах и «политико-воспитательная работа» служителей Церкви.

Середина 1970-х гг. характеризуется возрастанием интереса государства к религиозной сфере, что находит отражение в Конституции 1977 г. Внесены изменения и дополнения в закон «О религиозных организациях» в 1975 г. В 1980 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР утвердил Инструкцию «О порядке учета и хранения культурных ценностей, находящихся в использовании религиозных организаций».

Политические события, вызванные распадом союзного государства, привели не только к изменениям в политической, экономической и прочих сферах, но и значительным образом подтолкнули к реформе государственно-церковных отношений [19]. Нельзя не согласиться с М.И. Одинцовым, что «Демократическая Россия», как наиболее оформленная к тому времени конкурирующая партийная сила, прежде всего предлагала отказаться от ранее существовавших государственно-церковных отношений и предлагала полную религиозную свободу [20]. Так, в 1986 г. был составлен законопроект «О свободе совести и религиозных организациях», который на протяжении четырех лет находился в стадии одобрения Верховным Советом СССР, Советом Министров СССР и Советом по делам религий. Лишь в июне 1990 г., Верховный Совет СССР одобрил законопроект в первом чтении. Он упрощал регистрацию религиозных организаций, наделял их правом юридического лица, определял порядок налогообложения юридических лиц, деятельность которых связана с религией [21].

В августе 1990 г. Комитетом Верховного Совета РСФСР по вопросам свободы совести, вероисповеданий, милосердия и благотворительности был разработан проект нового закона «О религиозных организациях», но в сентябре Верховный Совет РСФСР принял законопроект «О свободе вероисповеданий», имеющий значительные расхождения с проектом «О религиозных организациях». Наконец, 01.10.1990 г. парламент принял закон «О свободе совести и религиозных организациях». Но ситуация в стране быстро менялась, союзные республики, одна за другой провозглашали свой суверенитет и, соответственно, принимали свои законы о свободе совести и рели-

гиозных организациях. 25.10.1990 г. Верховный Совет РСФСР поспешно принял закон «О свободе вероисповеданий», в связи с выходом которого утратили силу Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23.01.1918 г. и Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 г. [19].

Проведенный в ходе исследования анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих государственно-церковные отношения в советский период, позволил выявить их особенности, для чего проведено исследование основных этапов его развития. Считаем, что условно, в отечественной историографии можно выделить следующие периоды (этапы) нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в советский период: 1) 1918–1928 гг.; 2) 1929–1942 гг.; 3) 1943–1944 гг.; 4) 1945–1953 гг.; 5) 1954–1964 гг.; 6) 1965–1984 гг.; 7) 1985–1990 гг.

Для первого этапа (зарождение законодательства) характерно возникновение исторических условий государственно-церковных отношений, потребовавших отделения Церкви от государства и школы от церкви. В этот период издаются различные брошюры, преимущественно идеологического и агитационно-пропагандистского характера.

Второй этап характеризуется возникновением правовых основ, регламентирующих деятельность религиозных объединений как социального института. Четко прослеживается контрольная функция государства по отношению к религиозным организациям. Приходская жизнь взята под контроль советским государством и религиозные объединения поставлены в зависимость от органов государственной власти.

На третьем этапе значительно улучшаются взаимоотношения государства и церкви. Изменения были вызваны патриотической позицией Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны. Православный приход был признан законной церковной единицей.

На четвертом этапе взаимоотношения государства и церкви улучшаются незначительно. Административно-управленческая и финансово-хозяйственная деятельность священнослужителей приобрела большую самостоятельность.

На пятом этапе государство продолжило проводить политику дальнейшего ослабления деятельности Русской православной церкви, широко развернувшуюся в довоенный период и направленную на развал Церкви как социального института, прибегая к разворачиванию научно-атеистической пропаганды, контролю за финансово-хозяйственной деятельностью приходов и монастырей и, как следствие, к сокращению их численности. Церковная политика советского государства к концу этого периода приобрела характер политической войны, имея цель массового закрытия церквей и полного исключения церковной жизни в советском обществе.

На шестом этапе государственно-церковных отношений в конце 1960-х гг. наблюдается широкое распространение отказа регистрации новых религиозных организаций. Середина 1970-х гг. характеризуется возрастанием интереса государства к религиозной сфере, которое находит отражение в Конституции 1977 г., и внесением изменений и дополнений в закон «О религиозных организациях» в 1975 г.

Седьмой, заключительный, этап нормативно-правового регулирования, отражал политические события второй половины 1985 г., которые привели не только к изменениям в политической, экономической и прочих сферах, но и значительным образом подтолкнули к реформе государственно-церковных отношений.

Таким образом, анализируя нормативно-правовые акты, регулирующие государственно-церковные отношения советского периода, можно сделать следующие выводы: нормативно-правовые акты относятся ко всем религиозным организациям без исключения; на протяжении всего периода становления и развития законодательства в области взаимоотношений государства и Церкви нормативно-правовые акты видоизменялись по силе действия, меняя статус: в ранний советский период (1920-е гг.) издавались систематизированные сборники в виде брошюр, впоследствии с возникновением правовых основ, регламентирующих деятельность религиозных объединений как социального института, стали разрабатываться и утверждаться законы, вносились поправки в Конституции СССР и союзных республик. Сложилась многоуровневая система нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений. На основании проведенного исследования развития нормативно-правового регулирования государственно-

церковных отношений советского периода считаем целесообразным выделить семь периодов (этапов) для глубокого понимания сущности этих отношений и выявления их особенностей.

Список источников

1. Ключков В.В. Религия, государство, право. М.: Мысль, 1978. 287 с.
2. Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. М.: Наука, 1985. 175 с.
3. Бабинов Ю. А. Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь: Таврия, 1991. 124 с.
4. Одинцов М.И. Государство и церковь: история взаимоотношений 1917–1938 гг. М.: Знание, 1991. 63 с.
5. Цыпин В.А., прот. История Русской православной церкви, 1917–1990 : учеб. для православных духовных семинарий. М.: Хроника, 1994. 251 с.
6. Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20–30-х гг.: новые и малоизученные вопросы. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 45 с.
7. Васильева О.Ю. Ватикан в горниле войны // Наука и религия. 1995. № 6. С. 14–15.
8. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.
9. Чумаченко Т.А. Советское государство и Русская православная церковь: история взаимоотношений (40-е – первая половина 50-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 29 с.
10. Шадрина А.В. Основные направления и методы советской антирелигиозной политики 1958–1960-х гг. (на примере православных приходов Ростовской области) // Научная мысль Кавказа. 2019. № 4. С. 62–69.
11. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР / под ред. П.А. Красикова. М.: Юрид. изд-во, 1926. 712 с.
12. Дьяконов Л.П. Советские законы о церкви. Л.: Гос. изд-во, 1926. 60 с.
13. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров РСФСР о религиозных объединениях. 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1929. № 35. Ст. 353.
14. Русская православная церковь и Великая Отечественная война : сб. церковных документов. М., 1943. 99 с.
15. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 : сб. документов. М.: Крутицкое патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 2009. 765 с.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1985. Т. 8. С. 428–432.
17. О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей : Постановление СМ СССР № 1160 от 16 октября 1958 г. // Законодательство о религиозных культурах : сб. материалов и документов. 2-е изд. М.: Юридическая литература, 1971. С. 35.
18. О монастырях в СССР : Постановление СМ СССР № 1159 от 16 октября 1958 г. // Законодательство о религиозных культурах : сб. материалов и документов. 2-е изд. М.: Юридическая литература, 1971. С. 36.
19. Чумаченко Т.А. Государство и Русская православная церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Право. 2014. № 19 (348), вып. 39. С. 82–90.
20. Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.
21. Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. М.: Ин-т славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. 540 с.

References

1. Klochkov V.V. *Religion, state, law*. Moscow: Mysl' Publ.; 1978. 287 p. (In Russ.).
2. Rosenbaum Yu.A. *The Soviet state and the Church*. Moscow: Nauka Publ.; 1985. 175 p. (In Russ.).
3. Babinov Yu. A. *State-church relations in the USSR: history and modernity*. Simferopol: Tavriya Publ.; 1991. 124 p. (In Russ.).
4. Odintsov M.I. *The State and the Church: History of relations 1917-1938*. Moscow: Znanie Publ.; 1991. 63 p. (In Russ.).
5. Tsypin V.A., priest. *The history of the Russian Orthodox Church, 1917-1990: Textbook for Orthodox theological seminaries*. Moscow: Hronika Publ.; 1994. 251 p. (In Russ.).

6. Kashevarov A.N. State-church relations in the Soviet society of the 20-30s: New and little studied issues. St. Petersburg: St. Petersburg State Technical University Press; 1997. 45 p. (In Russ.).
7. Vasilyeva O.Yu. The Vatican in the crucible of war. *Nauka i religiya = Science and Religion*. 1995;(6):14-15. (In Russ.).
8. Shkarovsky M.V. *The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-church relations in the USSR in 1939-1964)*. Moscow: Krutitsky Patriarchal Compound Society of Lovers of Church History Press; 1999. 400 p. (In Russ.).
9. Chumachenko T.A. *The Soviet state and the Russian Orthodox Church: the history of relations (the 40s - the first half of the 50s)*. Dissertation Thesis. Moscow, 1994. 29 p. (In Russ.).
10. Shadrina A.V. The main directions and methods of Soviet antireligious policy of the 1958-1960's (on the example of Orthodox parishes of the Rostov region). *Nauchnaya mys' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2019;(4):62-69. (In Russ.).
11. Gidulyanov P.V. *Separation of the Church from the state in the USSR*. Ed. by P.A. Krasikov. Moscow: Legal Publishing House; 1926. 712 p. (In Russ.).
12. Deakonov L.P. *Soviet laws on the Church*. Leningrad: State Publishing House; 1926. 60 p. (In Russ.).
13. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR on religious associations. April 8, 1929. *Collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government*. 1929;(35):353. (In Russ.).
14. *The Russian Orthodox Church and the Great Patriotic War*. Collection of church documents. Moscow, 1943. 99 p. (In Russ.).
15. *The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War 1941-1945*. Collection of documents. Moscow: Krutitsky Patriarchal Compound Society of Lovers of Church History Publ.; 2009. 765 p. (In Russ.).
16. *The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*. Moscow: Politizdat Publ.; 1985;8:428-432. (In Russ.).
17. On tax taxation of income of enterprises of diocesan administrations, as well as income of monasteries: Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 1160 of October 16, 1958. *Legislation on religious cults: collection of materials and documents*. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1971. P. 35. (In Russ.).
18. On monasteries in the USSR : Resolution of the USSR Council of Ministers No. 1159 of October 16, 1958. *Legislation on religious cults: collection of materials and documents*. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1971. P. 36. (In Russ.).
19. Chumachenko T.A. The State and the Russian Orthodox Church in 1958-1964: a new political war with religion, the Church and believers. *Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta. Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Right*. 2014;19(39):82-90. (In Russ.).
20. Odintsov M.I. *The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist socialism. 1917-1953*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2014. 424 p. (In Russ.).
21. Murashko G.P., Filimonova A.I., ed. *The state and the Church in the USSR and Eastern European countries during the political crises of the second half of the 20th century*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Press; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2014. 540 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.В. Гомелева – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры православной культуры и теологии, Донской государственной технической университет; доцент кафедры экономики, учета и анализа, Ростовский государственный университет путей сообщения.

Information about the author

E.V. Gomeleva – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Orthodox Culture and Theology, Don State Technical University; Associate Professor of the Department of Economics, Accounting and Analysis, Rostov State Transport University.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья
УДК 327.8+339.924
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-71-79

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ АРМЕНИИ И КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Оксана Сергеевна Карнаухова^{1✉}, Юлия Вадимовна Пономарева²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

¹ oskarnauhova@sfedu.ru✉

² yurina@sfedu.ru

Аннотация. Представлен кейс-анализ инструментов экономической дипломатии Армении и Казахстана на основе теории сложной взаимозависимости Р. Кохейна и Дж. Ная. Анализ строится на предположении, что страны более успешны в реализации стратегии экономической дипломатии, если они увеличивают количество используемых инструментов и сетей коммуникации, освобождаясь от наименее эффективных. Многочисленные и разнообразные инструменты экономической дипломатии формируют сети взаимозависимости, которые и скрепляют региональные центры влияния между собой. Исходя из частотности распространения, в качестве ключевых параметров оценки выбраны товарооборот, объем прямых инвестиций и взаимодействие в сфере энергетики. Оценка динамики экономической дипломатии Армении и Казахстана показывает, что данные государства укладываются в так называемую «азиатскую» модель принятия решений, основанную на укоренении взаимодействия с акторами высокого репутационного веса при реализации базовой стратегии мультивекторности.

Ключевые слова: глобализация, региональная интеграция, мультивекторность, дипломатия развития, комплексная взаимозависимость, донор-реципиентные отношения

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации проекта СП 14-22-05 «Аналитический центр “Институт исследований солидарной среды будущего”» (программа стратегического академического лидерства Южного федерального университета «Приоритет 2030»).

Для цитирования: Карнаухова О.С., Пономарева Ю.В. Экономическая дипломатия Армении и Казахстана в контексте теории взаимозависимости // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 71–79.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ECONOMIC DIPLOMACY OF ARMENIA AND KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF INTERDEPENDENCE THEORY

Oxana S. Karnaukhova^{1✉}, Yulia V. Ponomareva²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ oskarnauhova@sfedu.ru✉

² yurina@sfedu.ru

Abstract. The article presents a case study of the economic diplomacy instruments of Armenia and Kazakhstan based on the theory of complex interdependence by R. Keohane and J. Nye. The analysis starts from the assumption that nation-states are more successful in implementing an economic diplomacy strategy if they increase the number of tools and communication networks in use, while discarding the least effective ones. The multiple and diverse instruments of economic diplomacy form networks of interdependence, which bind regional centers of influence together. Based on the frequency of circulation, trade turnover, the volume of direct investments, and energy cooperation were chosen as the key parameters of the analysis. An evaluation of the economic diplomacy dynamics in Armenia and Kazakhstan reveals that these states fit into the so-

© Карнаухова О.С., Пономарева Ю.В., 2023

called Asian model of decision-making, which is predicated on the entrenchment of interaction with actors of high reputational weight while implementing a basic strategy of multivectorness.

Keywords: globalization, regional integration, multivectorness, diplomacy of development, complex interdependence, donor-recipient relations

Acknowledgments: the article was made within the framework of the implementation of the project SP 14-22-05 “Analytical Center 'Institute for Research of the Solidary Environment of the Future' ” (Program of Strategic Academic Leadership of the Southern Federal University “Priority of 2030”).

For citation: Karnaukhova O.S., Ponomareva Yu.V. Economic Diplomacy of Armenia and Kazakhstan in the Context of Interdependence Theory. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):71-79. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Глобализация трансформировала организацию международных экономических отношений, оказав влияние в том числе на социальную и политическую жизнь общества. Новая организация отношений характеризуется сложным набором взаимосвязей и взаимозависимостей при увеличении количества действующих субъектов (далее – акторов), намеренных оказывать влияние на результаты таких отношений. С одной стороны, акторы соперничают, предъявляя права на ресурсы, рынки, заявляя о легитимности таких требований и вовлекаясь в деятельность, традиционно относящуюся к сфере дипломатии. Перед лицом растущей экономической и политической взаимозависимости правительствам приходится мириться с фрагментирующейся и усложняющейся средой взаимодействия.

С другой стороны, глобализация размывает границы так называемых сфер деятельности, в частности ставя вопрос о дисциплинарных «границах» дипломатии. Появляются альтернативные дипломатические акторы, которые не подчиняются напрямую министерствам иностранных дел, но оказывают влияние на управление изменениями внутри и вовне государства. Потеря национальными государствами эксклюзивной субъектности в принятии решений при стирании различий между внутренней и внешней политикой характерна для постиндустриальной стадии, где наблюдается участие многочисленных акторов в дипломатических, внешнеэкономических и публичных отношениях.

Предположим, что многоуровневый характер современной системы международных отношений способствует усложнению связей и взаимозависимостей не только между индивидуальными субъектами, но в внутри- и кросс-региональном пространстве. При анализе специфики экономической дипломатии в рамках ЕАЭС мы опираемся на теорию сложной взаимозависимости. Данный концепт появился в 1970-х гг. в работах Р. Кохейна и Дж. Ная [1] и зафиксировал ситуацию, при которой все более сложные сети экономической взаимозависимости подрывают власть национальных государств и повышают влияние транснациональных негосударственных акторов. В центре внимания оказывается рост международных режимов и институтов, которые компенсировали потерю эффективности традиционных военных инструментов во второй половине XX – начале XXI в., а также возросшее значение нарративов благосостояния и торговли в вопросах внешней политики по сравнению с вопросами статуса и безопасности. Иначе говоря, военная сила и сила принуждения уступают место экономической дипломатии.

Как и концепт взаимозависимости, термин «экономическая дипломатия» регулярно появляется в академической литературе и официальных документах с середины XX в. [2] как связующая нить между экономикой и политикой, как использование экономических инструментов в политических целях, что является логическим следствием развития поствестфальской системы международных отношений, в которой государства – члены системы – секуляризированные, суверенные, независимые, равные, а стабильность поддерживается балансом власти, дипломатией и международным правом. В то же время, как Холодная война определяла контуры международных отношений, последствия глобализации и новые экономические вызовы, включая нефтяные кризисы, коллапс Бреттон-Вудской системы и развитие незападных экономик, все эти процессы создавали платформу для нового представления об экономической дипломатии.

Западоцентричный характер поствестфальской системы не соответствует состоянию мира сегодня, и дипломатия определяется как механизм репрезентации, коммуникации и переговоров, с помощью которого государства и иные акторы реализуют свой экономический потенциал. Экономическая дипломатия оказывается в центре самого пристального внимания со стороны и исследователей, и практиков, принимающих стратегические решения, когда фиксируются акселерационные процессы глобализации, а правила игры по достижению геоэкономического и геополитического лидерства отсутствуют. Государства заинтересованы в применении экономических механизмов в целях политической стабильности в условиях снижения связей и международной кооперации. Смещение баланса сил поощряет государства переоценивать внутреннюю и внешнюю политику. Таким образом, экономическая дипломатия оперирует в контексте «сложных взаимодействий между многочисленными стейкхолдерами» [3].

В академической литературе, как отечественной, так и зарубежной, существует несколько концептуальных подходов к пониманию сущности экономической дипломатии, выделению различий в соотношении политического и экономического компонентов, цели и задач экономической дипломатии, конкретных мероприятий в рамках данной деятельности.

В целом можно выделить три основных подхода к экономической дипломатии. Наиболее общим является определение «политика+экономика», т. е. синтез двух равноправных сфер, результат которого – выработка управленческого решения [4]. Потенциал последнего отвечает двум ключевым задачам: сотрудничеству стран на мировом рынке и усилению темпов общественного развития. В качестве подобного управленческого решения традиционно выделяется формирование экономического интеграционного объединения. Таким образом, основным содержанием экономической дипломатии является торгово-экономическое взаимодействие в рамках экономических группировок, объединение в которые предполагает следование в том числе определенным политическим принципам.

«Политэкономическим» можно обозначить подход, одним из первых появившийся в российской академической литературе, согласно которому экономическая дипломатия является лишь средством внешней политики государства, включающим в себя непосредственно политические инструменты взаимодействия [5, 6]. К данным инструментам причисляются инструменты традиционной дипломатии, т.е. официальные контакты лиц, подписание экономических соглашений и заключение договоров, которые преследуют как политические, так и экономические цели [7].

В рамках третьей группы работ экономическая дипломатия понимается как связь между политикой и экономикой – своего рода мост между данными сферами. Целью данной связи постулируется осуществление национальных экономических интересов государства, что подчеркивает превалирование экономической сферы над политической [8]. Подчеркивается, что экономическая дипломатия – не-инструмент «жесткой силы», что приравнивает ее к одной из составляющих нетрадиционной дипломатии, реализуемой в данном случае экономическими методами. Таким образом, все экономические инструменты взаимодействия государств являются составляющей экономической дипломатии, в которой на первое место ставится экономический интерес, реализуемый в том числе политическими методами. В качестве одного из методов реализации экономической дипломатии в данном контексте рассматривается «дипломатия развития» – экономический инструмент мягкой силы, направленный на повышение влияния актора-донора в стране либо регионе. Однако конкретное выражение и стратегия зависит от первоначально выбранной цели от «экономического благосостояния» до «политической стабильности».

На теоретическом уровне двойственность экономической дипломатии выражена неявно, поэтому мы подвергаем сомнению тезис Р. Кохейна и Дж. Ная о потере национальным государством субъектности в процессе расширения сетей взаимозависимости на транснациональном уровне. Учитывая политический компонент данного явления, полагаем важным сделать акцент на акторности (целеполагающем характере) субъекта, его инициативах по установлению связей с другими государствами. В то же время, принимая во внимание высокую степень экономических взаимосвязей в глобальном масштабе, для построения и поддержания сетей взаимозависимости необходимо учитывать реципрокность предпринимаемых усилий других государств и/или объединений.

В рамках данного исследования с учётом вышеприведенных аргументов экономическая дипломатия понимается как двусторонний процесс, в котором актор может выступать и субъектом, и объектом в целях укрепления внешних связей с другим государством как с точки зрения укрепления национального экономического потенциала, так и реализации целей политического сотрудничества. В качестве ключевых мероприятий выделена совокупность экономико-политических инструментов. Таким образом, компонентами экономической дипломатии выступают следующие индикаторы: объем внешнеторгового оборота (объем экспорта и импорта); объем прямых иностранных инвестиций; международные саммиты, форумы, выставки с экономической повесткой; мероприятия в рамках «дипломатии развития»; инфраструктурные инициативы; проекты в сфере энергетики и ресурсодобычи; программы технического содействия и обучения кадров.

При анализе специфики инструментов экономической дипломатии на региональном уровне (в качестве примера выделен ЕАЭС) был использован кейс-метод, который позволяет рассматривать экономическую и политическую деятельность актора на основе сложившихся двусторонних отношений [9, 10]. При этом не учитывается совокупность хозяйствующих субъектов, также оказывающих экономическое и политическое влияние на данный объект. В качестве кейсов были выбраны Армения и Казахстан, которые не только являются членами ЕАЭС, но и участвуют в других кросс-региональных интеграционных проектах, что позволяет установить репертуар используемых инструментов экономической дипломатии как ответ на вызовы реализации сложных сетей взаимозависимости на макроуровне.

Одним из государств, тесно интегрированным в экономику черноморского региона (ОЧЭС) и состоящим в Евразийском Экономическом Союзе, является Армения. В качестве ключевых географических ориентиров сотрудничества и партнерства для Армении выступают страны постсоветского пространства, особенно страны ЕАЭС (с 2015 г.), Иран, в целях усиления собственного влияния интерес также представляют страны Африки (в частности, Марокко, ЮАР).

Относительно институционального измерения для Армении особенно характерно использование регулярных площадок для реализации экономической дипломатии: форумов, саммитов, ежегодных выставок. Однако в рамках данной деятельности можно отметить короткий жизненный цикл каждого из данных институтов сотрудничества: его развитие происходит на базе площадки в течение нескольких лет, после чего характерна смена формата сотрудничества и создание нового института взаимодействия (при этом набор акторов-партнеров стабилен).

Один из важнейших компонентов политического аспекта экономической дипломатии Армении – ее членство с 2015 г. в ЕАЭС. Политической площадкой для реализации экономической дипломатии Армении в отношении постсоветского пространства также являлся ежегодный экономический форум «Евразийский экономический союз: Армения – сотрудничество», проходивший с 2015 по 2019 г. Тем не менее после пандемии проект прекратился, наблюдается некоторое охлаждение Армении к ЕАЭС как формату сотрудничества, и акцент смещается на двусторонние связи с Россией. Примером усиления двусторонних отношений с Россией становится Международная промышленная выставка EXPO-RUSSIA ARMENIA, возрожденная в 2022 г. под патронажем Московской торгово-промышленной палаты после четырехгодичного перерыва.

В отношении европейских *vis-a-vis* важно учесть включенность Армении в программу «Восточное партнерство», саммит с участниками которой также представлял окно возможностей для реализации совместных проектов. 2014–2016 гг. ознаменовались проведением армяно-французских экономических форумов, деятельность которых была приостановлена до воссоздания в 2022 г. в формате площадки «Амбиции: Франция – Армения» под патронажем французской стороны [11].

Активное взаимодействие на базе регулярных политических контактов Армения осуществляла в том числе с отдельными регионами РФ, в частности с Югом России. В 2017 г. состоялась серия встреч с бизнес-делегациями российских регионов [12]. С 2008 г. Торгово-промышленная палата Ростовской области регулярно проводит встречи с главами дипмиссий, куда неизменно входят представители Армении [13].

Для оценки эффективности деятельности страны в сфере экономической дипломатии важно отследить степень открытости армянской экономики иностранному влиянию. Ключевым показате-

телем экономической дипломатии в финансовой сфере является объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ); данный индикатор выводит на сцену новых игроков. Согласно данным Статистического комитета РА, основными инвесторами в экономику Армении являются Россия (2 629 523,5 млн драмов к концу 2021 г.), далее следуют Франция (480 870 млн драмов) и Германия (288 090 млн драмов) [14]. Помимо инструментов активизации культурной и диаспоральной дипломатии, использование экономической дипломатии, в частности инвестиционного сектора, является приоритетным направлением деятельности Франции в Закавказье в целом и конкретно в Армении.

Программы финансирования тесно связаны с «дипломатией развития»: в 2021 г., после ослабления армянской экономики пандемией и военными действиями в Карабахе, в СМИ были опубликованы заявления Чрезвычайного и Полномочного посла Франции в Армении Дж. Лакота, что Франция объявила о своей готовности «предоставить Армении исключительную финансовую помощь» [15] для преодоления последствий кризисов, а также для возможного усиления французского присутствия в энергетическом секторе страны.

В рамках социально-инфраструктурного направления Армения также выступает скорее как объект экономической дипломатии. Наиболее примечательна передача в 2008 г. по концессионному договору государственного ЗАО «Армянская железная дорога» в управление ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога» – 100%-й дочерней компании ОАО «РЖД», что де-факто предоставило РФ полный контроль над железнодорожной системой Армении.

Российское присутствие в экономике Армении осуществляется и в контексте энергетической сферы. По схеме, идентичной транспортному кейсу, реализуется деятельность ЗАО «Газпром Армения», обеспечивающего снабжение населения республики; данное ЗАО – 100%-я дочерняя компания ПАО «Газпром» [16]. Развитие ядерной энергетики также происходит под покровительством Российской Федерации: на стыке инфраструктурного поля и обеспечения энергоресурсами: эксплуатация Мецаморской АЭС, продленная сначала до 2026 г., а в 2022 г. – до 2036 г., также зависит от российских инвестиций и непосредственно российского финансирования данного проекта, прекращенного из-за просрочки армянской стороны в сдаче АЭС. В 2022 г. был подписан договор между Ядерно-топливной компанией Росатома «ТВЭЛ» и «Айкакан Атомайин Электракаян» о поставке Россией ядерного топлива для АЭС [17]. Альтернативой для Армении выступало строительство новой АЭС малой мощности, поскольку регулярные ремонтные работы на АЭС снижают эффективность ее работы и количество генерируемой электроэнергии; запуск новой АЭС регионального масштаба также инициировал запросы Армении на основе экономического сотрудничества армянской «дочки» компании «Геопромайнинг», а также программ подготовки специалистов в России [18].

В сфере энергетического сотрудничества с Арменией ключевым игроком также является Иран: возможность трансформации Армении в энергетический коридор Закавказья включалась в пул задач проекта «Север – Юг» – строительство воздушных линий ЛЭП «Иран – Армения» в 400 кВт (2 из 3 линий уже запущены) и строительство подстанции «Нораван» в 400 кВт. Примечательно, что соглашение по данному энергетическому проекту носит бартерный характер и определяется взаимным обменом энергоресурсами в рамках сделки «электричество в обмен на газ» (соотношение: 1 м³ импортируемого газа на 3 кВт/ч электроэнергии). Иран также выступал в качестве альтернативного партнера в газовой сфере, однако эффективность совместных мероприятий – даже строительства газопровода «Иран – Армения» – нивелировалась вследствие высокой степени зависимости Армении от российской экономики; контрольный пакет акций в газопроводе принадлежит компании «Газпром Армения» [19].

С учетом выделенных основных направлений сотрудничества, представляется важным определить наличие легально оформленных площадок двустороннего сотрудничества с каждой стороной. В случае России подобный орган представлен в исполнительной ветви власти – Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Армения, в то время как сотрудничество с Ираном более выгодно оценивается с политической точки зрения и представлено в законодательной власти межпарламентской группой дружбы.

Одной из крупнейших экономик постсоветского пространства является Республика Казахстан. Кейс Казахстана примечателен с точки зрения постулирования экономической дипломатии в качестве одного из приоритетных направлений внешней коммуникации. В период президентства Н. Назарбаева концептуальный подход к пониманию данного явления был сформулирован как «сначала – экономика, потом – политика». В 2021 г. Н. Назарбаев в своем послании поручил правительству до 1 сентября подготовить национальную инвестиционную стратегию, а также «перестроить и активизировать работу экономической дипломатии» [20]. Однако события 2022 г. демонстрируют институциональные трансформации внутривластного курса, соответственно, ожидается реструктуризация системы органов взаимодействия и вероятный пересмотр механизмов реализации: Президентом Казахстана К.-Ж. Токаевым обозначена необходимость развития инвестиционного сектора, ответственность за которую ложится на МИД [21]. Тем не менее можно говорить о сохранении приоритетов Казахстана в развитии экономической дипломатии: продвижение инноваций для привлечения инвестиций, а также развитие торгово-экономического потенциала с учетом спецификации казахстанской экономики.

В качестве институциональной базы можно выделить достаточно разветвленную систему органов взаимодействия с зарубежными партнерами. Под председательством премьер-министра функционирует Инвестиционный штаб, при президенте учрежден Совет иностранных инвесторов. С 2012 г. во всех загранучреждениях Казахстана работают специальные советники по инвестициям, с 2006 г. в 8 странах функционирует институт таможенного атташата, в пяти странах открыты фронт-офисы KAZNEX INVEST (с 2017 г. KAZAKH INVEST).

Одним из приоритетных направлений мультивекторной экономической дипломатии Казахстана можно считать государства постсоветского пространства в целом. С 2015 г. Казахстан также является членом ЕАЭС. Тем не менее основы взаимного сотрудничества были заложены еще в рамках ЕвразЭС и в Декларации о евразийской экономической интеграции 2011 г. (в числе подписавших – Россия, Беларусь, Казахстан), где стратегической целью объявлялось создание Единого экономического пространства [22].

В роли приоритетного партнера на пространстве СНГ выступает Россия. Выделяя географический компонент специфики сотрудничества с Югом России, особый интерес для Республики Казахстан представляет Краснодарский край, в котором реализуется бизнес-миссия. Сотрудничество с Ростовской областью также усиливается на фоне стимулирования внешнеторгового оборота (в 2021 г. – рост объемов на 125 %); приоритетными группами товаров для импорта Казахстаном являются ядерные реакторы и оборудование, средства наземного транспорта, потребительские товары.

Важно отметить также институциональное взаимодействие Казахстана с Европейским Союзом как в торговой сфере, так и в инвестиционной деятельности. Для институционализации сотрудничества было подписано Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве (СРПС) и запущена Платформа диалога высокого уровня по вопросам экономики и бизнеса [23]. В инвестиционном компоненте ведущая роль принадлежит АО «Национальная компания «KAZAKH INVEST», являющемуся площадкой для привлечения иностранных инвесторов. В страновом компоненте инвестиций в 2021 г. в качестве ключевых инвесторов выступили Нидерланды, США, Швейцария, Россия и КНР [24].

В рамках стратегии формирования экономического национального бренда Казахстан продвигает машиностроение и металлообработку в качестве основных отраслей экономики. Данные сферы характеризуются привлекательностью как для российских компаний (Лукойл, Ростсельмаш, ЕвроХим), так и для компаний США (General Motors, Valmont Industries, Wabtec Corporation, ExxonMobil). Однако, концентрируясь на общем объеме товарооборота, важно выделить и другого актора – Китай. Экономические связи Китая и Казахстана крайне сложно переоценить: КНР занимает первое место по импорту товаров из Казахстана. Традиционно для Китая важнейшей группой товаров являлись энергетические ресурсы, однако после 2021 г. на рынке наблюдается структурная перегруппировка в сторону увеличения поставок меди (медных катодов и рафинированной меди).

Один из приоритетов экономической дипломатии – повышение статуса Казахстана как экономического хаба, что решается путем инфраструктурных инициатив. На первом этапе государ-

ственной программы инфраструктурного развития «Нұрлы жол» была поставлена задача объединения регионов страны; в 2020 г. утвержден второй 5-летний план Программы, который предполагает расширение объемов инфраструктурного развития через ремонт автомагистралей, модернизацию приемных терминалов в портах и формирование связанной логистической системы, встроенной в коридоры Транскаспийского международного транспортного маршрута и связанной магистралью «Западная Европа – Западный Китай», часть полотна которой была также реконструирована [25].

Таким образом, многовекторность экономической дипломатии Казахстана проявляется в реализации собственных интересов в рамках взаимодействия с одним общим кругом партнеров – как в рамках собственной объектности, так и субъектности в экономической дипломатии.

В целом Армения и Казахстан представляют собой пример реализации механизмов экономической дипломатии, отбор которых осуществляется государствами скорее как ответ на изменения международной среды высокой степени соревновательности и сложной сетевой архитектуры, а не демонстрация геоэкономического лидерства. Выбор специфических мероприятий и проектов, намеченных к реализации, а также отбор партнеров по региональному интеграционному объединению обосновываются потребностью в снижении рисков и поддержании политической стабильности, что в целом не подтверждает идею реципрокности как основы системы сложной взаимозависимости. Следует отметить, что если в случае принятия решений странами ЕС и США такая кооперация осуществляется в рамках дипломатии развития, политической по своему характеру, то экономическая дипломатия Армении и Казахстана вполне укладывается в рамки так называемого «азиатского» способа принятия решений, акцентируя внимание на экономической кооперации, но не на донорской помощи в развитии. Продемонстрированные в кейсах динамика и характер торговли и товарооборота говорят о том, что торговая дипломатия используется в политических целях, как инструмент в борьбе за влияние в регионе. Однако для выбранных стран характерен довольно ограниченный набор используемых инструментов экономической дипломатии, что затрудняет в конечном итоге формирование сетей взаимосвязей и взаимозависимости как внутри регионального объединения ЕАЭС, так и в кросс-региональном измерении.

Список источников

1. Keohane R.O., Nye J.S.Jr. Power and interdependence // Survival. 1973. Vol. 15, № 4. Doi: 10.1080/00396337308441409.
2. Baldwin D.A. Economic Statecraft. Princeton: Princeton University Press, 1985. 409 p.
3. Bayne N., Woolcock S. The New Economic Diplomacy: Decision-Making and Negotiation in International Economic Relations. London: Routledge, 2017. 360 p.
4. Исаченко Т.М. Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Экономика. 2015. № 3. С. 46–64.
5. Шевченко Б. И. Экономическая дипломатия в современной системе международных отношений // Экономический журн. 2016. № 41. С. 29–40.
6. Савойский А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007). 2-е изд. с доп. М.; Пятигорск: РИА-КМВ, 2011. 756 с.
7. Лапин А. А. Экономическая дипломатия как вид дипломатической деятельности // Гуманитарные науки. Вестн. Финансового ун-та. 2019. № 3 (39). С. 65–72.
8. Гришин И. В. Экономическая демократия: шведский казус // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 5. С. 40–52.
9. Okano-Heijmans M. Japan's New Economic Diplomacy: Changing Tactics or Strategy? // Asia-Pacific Review. 2012. Vol. 19. P. 62–87.
10. Peternel I., Grešš M. Economic diplomacy: concept for economic prosperity in Croatia // Economic Research-Ekonomska Istraživanja. 2021. Vol. 34. P. 109–121.
11. Армения – Жан-Батист Лемуан председательствует на форуме «Амбиции: Франция – Армения», проводимом в связи с 30-летием установления наших дипломатических отношений (Париж, 9 марта 2022 г.) // Дипломатия Франции. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/armenie/evenements/article/armenie-jean-baptiste-lemoigne-preside-la-reunion-ambitions-france-armenie-a-1> (дата обращения: 30.10.2022).
12. ТПП формирует делегацию предпринимателей в Армению // ТПП РО. URL: <https://tppro.ru/events/tpp-formiruet-delegaciyu-predprinimatelei-v-armeniyu> (дата обращения: 30.10.2022).

13. Встреча в ТПП Ростовской области с главами дипмиссий // ТПП РО. URL: <https://tppro.ru/news/vstrec-a-v-tpp-rostovskoi-oblasti-s-glavami-dipmissii> (дата обращения: 30.10.2022).
14. Статистические базы данных // Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=14> (дата обращения: 30.10.2022).
15. Франция заинтересована в увеличении своих инвестиций в Армении // ARKA. URL: https://arka.am/ru/news/economy/frantsiya_zainteresovana_v_uvelichenii_svoikh_investitsiy_v_armenii_posol/ (дата обращения: 30.10.2022).
16. «Газпром Армения» сегодня // «Газпром-Армения». URL: <https://armenia.gazprom.ru/about/today/> (дата обращения: 30.10.2022).
17. «Росатом» подписал контракт на поставку ядерного топлива для Армянской АЭС // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15587411> (дата обращения: 30.10.2022).
18. Армения рассматривает возможность строительства у себя атомной станции малой мощности // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13486521> (дата обращения: 30.10.2022).
19. ЛЭП из Армении в Иран и Грузию: что изменилось в сроках реализации проекта «Север – Юг» // SPUTNIK Армения. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211115/lep-iz-armenii-v-iran-i-gruziyu-cto-izmenilos-v-srokakh-realizatsii-proekta-sever-yug-35318689.html> (дата обращения: 30.10.2022).
20. Экономическая дипломатия привлекает иностранные инвестиции в страну // АО «МИА «Казинформ». URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/53282/> (дата обращения: 30.10.2022).
21. Казахстану нужна перезагрузка экономической дипломатии – Токаев // SPUTNIK Казахстан. URL: <https://ru.sputnik.kz/20211118/Kazakhstan-perezagruzka-ekonomicheskaya-diplomatiya-Tokaev-18694505.html> (дата обращения: 30.10.2022).
22. Декларация о Евразийской экономической интеграции // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902321306> (дата обращения: 30.10.2022).
23. Official Journal of the European Union. 2016. Vol. 59. 4 February. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/enhanced_partnership_and_cooperation_agreement_2.pdf (дата обращения: 30.10.2022).
24. По итогам 2021 года Россия входит в первую пятерку стран по объёму инвестиций в экономику Казахстана // Центр АО «Институт экономических исследований». URL: https://economy.kz/ru/Novosti_instituta/id=5210 (дата обращения: 30.10.2022).
25. Итоги программы «Нурлы жол» за пять лет: появление платных дорог, новые рабочие места, рост грузоперевозок. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/itogi-programmy-nurly-zhol-za-pyat-let-poyavlenie-platnyh-dorog-novye-rabochie-mesta-rost-gruzoperevozok-2133112> (дата обращения: 30.10.2022).

References

1. Keohane R.O., Nye J.S. Jr. Power and interdependence. *Survival*. 1973;5(4), doi: 10.1080/00396337308441409.
2. Baldwin D.A. *Economic statecraft*. Princeton: Princeton University Press; 1985. 409 p.
3. Bayne N., Woolcock S. *The New Economic Diplomacy: Decision-Making and Negotiation in International Economic Relations*. London: Routledge Publ.; 2017. 360 p.
4. Isachenko T. M. Economic diplomacy in the conditions of political crisis. *Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ekonomika = Bulletin of St. Petersburg University. Economics*. 2015;(3):46-64. (In Russ.).
5. Shevchenko B. I. Economic diplomacy in the modern system of international relations. *Ekonomicheskii zhurn. = Economic Journal*. 2016;(41):29-40. (In Russ.).
6. Savoysky A.G. *Russia - USA: 200 years of economic diplomacy (1807-2007)*. 2nd ed. with add. Moscow; Pyatigorsk: RIA-KMV Publ.; 2011. 756 p. (In Russ.).
7. Lapin A. A. Economic diplomacy as a type of diplomatic activity. *Gumanitarnye nauki. Vestn. Finansovogo un-ta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;(3):65-72. (In Russ.).
8. Grishin I. V. Economic democracy: a Swedish case. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2006;(5):40-52. (In Russ.).
9. Okano-Heijmans M. Japan's New Economic Diplomacy: Changing Tactics or Strategy? *Asia-Pacific Review*. 2012;19:62-87.
10. Peternel I., Grešš M. Economic diplomacy: concept for economic prosperity in Croatia. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*. 2021;34:109-121.
11. Armenia - Jean-Baptiste Lemoine presides over the forum “Ambitions: France - Armenia”, held in connection with the 30th anniversary of the establishment of our diplomatic relations (Paris, March 9, 2022). *Diplomacy of France*. Available from: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/armenie/evenements/article/armenie-jean-baptiste-lemoine-preside-la-reunion-ambitions-france-armenie-a-1> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

12. Chamber of Commerce and Industry Forms a Delegation of Entrepreneurs to Armenia. *Chamber of Commerce and Industry RO*. Available from: <https://tppro.ru/events/tpp-formiruet-delegaciyu-predprinimatelei-v-armeniyu> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

13. Meeting at the CCI of the Rostov region with the heads of diplomatic missions. *CCI RO*. Available from: <https://tppro.ru/news/vstreca-v-tpp-rostovskoi-oblasti-s-glavami-dipmissii> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

14. Statistical databases. *Statistical Committee of the Republic of Armenia*. Available from: <https://armstat.am/ru/?nid=14> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

15. France is interested in increasing its investments in Armenia. *ARKA*. Available from: https://arka.am/ru/news/economy/frantsiya_zainteresovana_v_uvelichenii_svoikh_investitsiy_v_armenii_posol [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

16. Gazprom Armenia today. *Gazprom-Armenia*. Available from: <https://armenia.gazprom.ru/about/today/> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

17. Rosatom signed a contract for the supply of nuclear fuel for the Armenian NPP. *TASS*. Available from: <https://tass.ru/ekonomika/15587411> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

18. Armenia is considering the possibility of building a small nuclear power plant. *TASS*. Available from: <https://tass.ru/ekonomika/13486521> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

19. Power lines from Armenia to Iran and Georgia: what has changed in the timing of the implementation of the North-South project. *SPUTNIK Armenia*. Available from: <https://ru.armeniasputnik.am/20211115/lep-iz-armenii-v-iran-i-gruziyu-chto-izmenilos-v-srokakh-realizatsii-proekta-sever-yug-35318689.html> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

20. Economic diplomacy attracts foreign investment in the country. *JSC "MIA 'Kazinform' "*. Available from: <https://strategy2050.kz/ru/news/53282/> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

21. Kazakhstan needs a restart of economic diplomacy – Tokayev. *SPUTNIK Kazakhstan*. Available from: <https://ru.sputnik.kz/20211118/Kazakhstan-perezagruzka-ekonomicheskaya-diplomatiya-Tokayev-18694505.html> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

22. Declaration on Eurasian Economic Integration. *Electronic fund of legal and regulatory documents*. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/902321306> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

23. *Official Journal of the European Union*. 2016;59. Available from: https://www.eas.europa.eu/sites/default/files/enhanced_partnership_and_cooperation_agreement_2.pdf [Accessed 30th October 2022].

24. According to the results of 2021, Russia is among the top five countries in terms of investment in the economy of Kazakhstan. *Center JSC Institute for Economic Research*. Available from: https://economy.kz/ru/Novosti_instituta/id=5210 [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

25. *The results of the Nurly Zhol program for five years: the emergence of toll roads, new jobs, growth in freight traffic*. Available from: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/itogi-programmy-nurly-zhol-za-pyat-let-poyavlenie-platnyh-dorog-novye-rabochie-mesta-rost-gruzoperevozok-2133112> [Accessed 30th October 2022]. (In Russ.).

Информация об авторах

О.С. Карнаухова – кандидат философских наук, доцент, Институт истории и международных отношений.

Ю.В. Пономарева – стажёр-исследователь, Институт истории и международных отношений.

Information about the authors

O.S. Karnaukhova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Institute of History and International Relations.

Yu.V. Ponomareva – Intern-Researcher, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.

The article was submitted 17.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-80-86

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА

Евгений Александрович Паламарчук¹, Ирина Анатольевна Семенцова^{2✉},
Анна Борисовна Малявина³

¹ Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

² Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия

³ Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹ epalamar@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru✉

³ vicktoria22@mail.ru

Аннотация. Проведен уголовно-исторический анализ политики Германии в период нацистской диктатуры. Особый акцент сделан на официально действовавшем при гитлеровском режиме примате политической целесообразности над буквой закона, в соответствии с которым при возникновении между ними коллизии приоритет отдавался первой. Рассмотрены молодежный и расовый аспект данной проблемы, высказаны предложения по недопущению нацификации любой проблемы в уголовной политике государства, опасности такой тенденции с учетом современных реалий.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, государственная измена, смертная казнь, уголовно-правовая политика, «осквернение расы», нацификация, невозврат к прошлому

Для цитирования: Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Малявина А.Б. Уголовно-правовая политика Третьего рейха как фактор укрепления нацистского режима // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 80–86.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE CRIMINAL LAW POLICY OF THE THIRD REICH AS A FACTOR IN STRENGTHENING THE NAZI REGIME

Evgeny A. Palamarchuk¹, Irina A. Sementsova^{2✉}, Anna B. Malyavina³

¹ Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

² Branch of the S.Yu. Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

² Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia

³ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

¹ epalamar@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru✉

³ vicktoria22@mail.ru

© Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Малявина А.Б., 2023

Abstract. In the article, the authors carried out a criminal-historical analysis of German policy during the period of the Nazi dictatorship. Particular emphasis is placed on the primacy of political expediency over the letter of the law, which officially operated under the Hitler regime, according to which, in the event of a conflict between them, priority was given to the first. The authors considered the youth and racial aspect of this problem, made proposals to prevent the Nazification of any problem in the criminal policy of the state, the danger of such a trend, taking into account modern realities.

Keywords: criminal law, crime, high treason, capital punishment, criminal law policy, “defilement of the race”, Nazification, no return to the past

For citation: Palamarchuk E.A., Sementsova I.A., Malyavina A.B. The Criminal Law Policy of the Third Reich as a Factor in Strengthening the Nazi Regime. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):80-86. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Несмотря на то что феномену нацизма в его классической и современной формах посвящена обширнейшая историография, актуальность продолжения научных исследований в этом направлении не только не ослабевает, но лишь возрастает. Это обусловлено как комплексом масштабных вызовов, перед которыми сегодня оказались ведущие европейские державы, государственное руководство которых демонстрирует неспособность дать на них адекватный ответ (речь в первую очередь идет о миграционной проблеме и экономических трудностях, вызванных противостоянием с Россией), так и открытой поддержкой, которую коллективный Запад оказывает неонацистам на Украине. Следствием указанных процессов становится заметный рост влияния праворадикальных организаций в ряде стран Европейского Союза.

При этом уголовно-правовая политика нынешнего украинского неонацистского режима, характеризующаяся ярко выраженным репрессивным характером в отношении собственных граждан, не встречающая противодействия со стороны западного международного сообщества, дает все основания для того, чтобы обратиться к анализу соответствующего опыта гитлеровской Германии, пока еще не ставшего предметом комплексного исследования в отечественной науке (как правило, при обращении к отдельным аспектам данной проблемы основное внимание уделялось теме расправы с политическими противниками режима и «расово неполноценными»).

Нацистское руководство рассматривало борьбу с преступностью в контексте решения проблемы санации социума.

Придя к власти, нацисты сразу же взяли курс на ужесточение уголовного права. Уже в первый год существования их режима был принят целый ряд нормативных правовых актов, расширявших круг преступных деяний, наказанием за которые служила смертная казнь. К их числу относились: угроза причинения ущерба государственной собственности в целях распространения панических настроений среди гражданского населения, акты саботажа, разработка планов, направленных на внесение изменений в Конституцию или преследующих цель отделения части имперской территории путем угрозы силой или организации соответствующего заговора, а также планирование покушения на жизнь государственного или партийного чиновника любого ранга. Логическим следствием этого стал неуклонный рост числа смертных приговоров, приведенных в исполнение: с 64 в 1933 до 117 в 1938 г. [1, р. 72, 70].

Смертная казнь теперь полагалась и за государственную измену (до 1933 г. наказанием в подобном случае служили каторжные работы либо тюремное заключение и конфискация имущества) [2, р. 51]. При этом нацистский юрист Г. Дам настаивал на необходимости следующим образом дифференцировать понятия «государственная измена» и «преступление»: «Государственная измена разрушает сообщество (тезис о создании в Третьем рейхе расово однородного, бесконфликтного в социальном отношении “народного сообщества всех немцев” широко тиражировался нацистской пропагандой. – *Авт.*) и подрывает порядок. Государственная измена покрывает виновное в ее совершении лицо позором и исторгает его из сообщества... Иное дело преступник. Он остается субъектом права. Совершенное им деяние нарушает порядок, но оно все еще остав-

ляет для преступника открытой возможность восстановить свою взаимосвязь с сообществом...» [3, S. 284].

Согласно декрету, принятому в Пруссии 13 ноября 1933 г., любое лицо, ранее проведенное на тюремных нарах не менее полугода за совершение преднамеренного преступления, могло быть подвергнуто «превентивному полицейскому аресту». Начиная же с 1 января 1934 г. данная мера была распространена на любого немца, которого власти сочли «опасным рецидивистом», даже если ранее он уже понес предусмотренное законом наказание [4, с. 132–133].

В основе всего законодательства в Третьем рейхе, в том числе и уголовного, лежала четко обозначенная расовая составляющая. Соответствующий фундамент был заложен принятыми 15 сентября 1935 г. «нюрнбергскими законами», или «законами гетто» («Закон об имперском гражданстве» и «Закон об охране немецкой крови и немецкой чести»), а также нормативными правовыми актами, дополнявшими их. Главной мишенью стали евреи. Благодаря им в немецком уголовном праве появились такие преступления, как «совершение расового загрязнения» и «дружба с евреями» [5, р. 362]. Таким образом, был реализован на практике тезис ряда юристов, таких как Карл Шмитт, о том, что германское законодательство при новом режиме должно было в полной мере соответствовать национал-социалистическому духу [6, S. 299].

В отчете одного из отделений службы безопасности (СД) от 15 марта 1937 г. говорилось о пяти евреях, подвергшихся аресту за совершение «преступления против расы», и об «арийце», которого Уголовная палата Карлсруэ приговорила к каторжному тюремному заключению за связь с еврейкой, квалифицированную как «осквернение расы». В донесении другого отделения СД, под которым стоит та же дата, сообщалось о берлинском коммивояжере Морице Гольдмане, которому суд города Инстербурга назначил наказание в виде двух лет каторжной тюрьмы за то, что, рекламируя свои товары, он пытался приставать к женщине «арийского» происхождения [7, л. 9, 11]. В соответствии с изданным 8 марта 1933 г. Имперским министерством юстиции распоряжением евреи, осужденные за указанное преступление к тюремному заключению и отбывшие его, передавались в руки государственной тайной полиции, направлявшей их в концентрационные лагеря [1, р. 551]. (Таким образом, они фактически приравнивались к лицам, осужденным Национал-социалистическим народным судом за государственные преступления) [2, р. 58].

При этом после начала войны происходит резкое ужесточение наказаний за совершение подобных «преступлений». Так, в марте 1942 г. некий еврей был приговорен к смертной казни за то, что обнял и поцеловал немку, тогда как в 1936 г. врач, обвиненный за такие же действия в «осквернении расы», «отделался» двумя с половиной годами тюремного заключения [8, р. 132].

Впрочем, в соответствии с идеей оздоровления «народного сообщества», та же судьба ожидала всех представлявших опасность «закоренелых преступников», которых по логике нацистских лидеров следовало безжалостно уничтожать, вместо того, чтобы содержать в тюрьмах. Необходимое изменение было внесено в Уголовный кодекс 4 сентября 1941 г. Результат не заставил себя ждать. Если в 1939 г. немецкими судами было вынесено 139 смертных приговоров, то в 1942 г. – 4457 [9, р. 646].

Была усилена борьба с государственными преступлениями. К ним, помимо прочего, относились «пособничество врагу» и «подрыв германской оборонной мощи», трактовавшиеся весьма широко, а также нелюбезные высказывания о Гитлере и других нацистских лидерах и т. п. Так, некий берлинский ремесленник был осужден на смерть за то, что назвал Гитлера «величайшим мясником во всей истории человечества». В тексте приговора говорилось: «Каждый знает, что фюрер сделал все, чтобы избежать войны, и после того как враг навязал ее ему, по меньшей мере, локализовать ее. Немец, позволяющий себе делать подобные заявления, распространяет коммунистические идеи особо опасным образом...». Та же участь постигла в 1943 г. немецкого шахтера, показавшего кондуктору трамвая подобранную им английскую листовку и высказавшего мнение о том, что ее содержание соответствует действительности. Подвергся репрессиям и врач Алоиз Гейгер. Вина его состояла в том, что, когда к нему пришла на прием жена солдата, находившегося на передовой линии фронта, он в беседе с ней позволил себе скептические высказывания о перспективах войны. Ему, в частности, инкриминировали подрыв веры женщины в победу Германии. Основанием для этого послужило его рассуждение о том, что в случае пораже-

ния германских войск наилучшим выходом для ее мужа, бывшего членом Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП), стала бы гибель [2, p. 93, 135].

Приведенные примеры можно с полным основанием рассматривать как типичные.

Особое внимание в нацистском государстве уделялось искоренению неправомерного поведения в молодежной среде. Подрастающее поколение в Третьем рейхе подвергалось унификации и нацификации, чему в значительной степени было призвано способствовать членство в организации «Гитлеровская молодежь» («Гитлерюгенд»), которое декларировалось «Законом о Гитлеровской молодежи» от 1 декабря 1936 г. [10, S. 121. Dok. 69]. Оно не было закреплено в указанном законе в качестве юридически обязательного, поскольку, согласно установке рейхсюгендфюрера Бальдура фон Шираха, «лишь тот, кто добровольно вступает в ... Гитлерюгенд и тем самым отдает свою молодую жизнь национал-социалистическому мировоззрению, делает движение сильным» [11, S. 47], но *de facto* являлось именно таковым.

Отказ юноши или девушки от членства в нацистской молодежной организации автоматически означал внесение их в списки неблагонадежных. При совершении в дальнейшем даже незначительных правонарушений им не приходилось рассчитывать на какое бы то ни было снисхождение. Если же при этом вскрывалась их принадлежность в прежние годы к объединениям политического или религиозного характера, не имевшим отношения к национал-социалистическому движению, то это рассматривалось как отягчающее вину обстоятельство. Более того, даже после того как они облачались в форму «Гитлерюгенд», они оставались под пристальным контролем нацистских спецслужб, наводивших подробные справки об их прошлом. При обнаружении неблагоприятных с точки зрения нового режима фактов их биографии они подвергались соответствующим наказаниям, в том числе и уголовному преследованию.

Так, в 1936 г. государственной тайной полицией было арестовано четверо членов «Гитлеровской молодежи», ранее входивших в одну из ненацистских организаций, официально распущенных в июне 1933 г. Поводом для ареста стала информация о том, что, участвуя в совместных походах на природу, они отдавали дань увлечению российской историей: читали вслух посвященный Петру Великому роман публиковавшегося под псевдонимом Клабунд немецкого писателя Альфреда Хеншке, а также распевали песни о донском атамане Платове и адмирале Колчаке. Эти их действия *post factum* были квалифицированы как «враждебные Третьему рейху». При этом с учетом указанной формулировки отделались они сравнительно легко. Их руководитель Карл Хайзе получил месяц тюремного заключения, а его товарищи были строго предупреждены [12, p. 211].

Хотя уже в довоенный период подавляющая часть «будущего нации» состояла в рядах «Гитлерюгенд» (25 марта 1939 г. было принято Предписание о молодежной службе, в соответствии с которым членство в «Гитлеровской молодежи» юношей и девушек соответствующих возрастных категорий стало обязательным) [13, S. 587], добиться полной организационной унификации подрастающего поколения нацистам не удалось. В 1939 г., по разным данным, от пяти [14, S. 37] до восьми с лишним [15, p. 48] процентов молодых людей сохраняли приверженность запрещенным неформальным молодежным объединениям, в связи с чем после начала Второй мировой войны власти стали все чаще высказывать озабоченность по поводу того, что предоставленность части молодежи самой себе способствовала росту преступности в ее среде.

Был предпринят ряд шагов по профилактике правонарушений в молодежной среде. В частности, опубликованное 9 марта 1940 г. рейхсфюрером СС и рейхсминистром внутренних дел «Полицейское предписание об охране молодежи», согласно которому лицам, не достигшим совершеннолетия, разрешалось появляться в темное время суток на улицах и в других публичных местах лишь в сопровождении старших [16, S. 198]. С этого же года трудные подростки подлежали отправке в специально созданные полицейские лагеря по охране молодежи, откуда по достижении ими совершеннолетия направлялись в исправительные дома или концентрационные лагеря [17, p. 198].

Вышеуказанные меры имели лишь ограниченный эффект. В крупных городах в военные годы действовали неформальные молодежные группы, уже сами названия которых («Навахо», «Гарлемские клубы», «Группы Чарли», «Кустарниковые волки», «Бродяги», «Свингеры», «Клуб Золотой Орды», «Змеиный клуб» и др.) бросали вызов властям. При этом «Киттельсбахские пира-

ты» во время авианалетов писали на стенах домов антинацистские лозунги: «В бездну с Гитлером!», «В пропасть с нацистским зверем!» [18, р. 90–91], а «Эдельвейс-пираты» распевали песни, содержавшие призыв «разбить головы боссам в коричневом» [19, р. 159]. В Кельнской области они организовались в банду, жертвами нападений членов которой стали 29 человек, включая 18 официальных лиц [20, р. 113]. В Кельне-Эренфельде члены этой организации примкнули к подпольщикам, укрывавшим в городских развалинах лиц, бежавших из концентрационных лагерей, иностранных принудительных рабочих и немецких военнослужащих, дезертировавших из частей вермахта. Самой же резонансной их акцией стало убийство шефа кельнского гестапо [19, р. 164].

В целом в период войны, даже в годы, когда положение Германии на фронтах еще не стало критическим, наблюдался рост кривой преступности среди несовершеннолетних, о чем свидетельствует статистика: в 1941 г. в рейхе за преступления различной степени тяжести было осуждено 37 853, а в 1942 г. – 52 426 подростков [2, р. 230–231]. В 1942 г. в ряде крупных городских центров (Дюссельдорфе, Дуйсбурге, Эссене и др.) гестапо провело успешные операции по разгрому запрещенных молодежных группировок, а 25 октября 1944 г. Гиммлер издал указ, предписывавший искоренение всех молодежных организаций, «... живущих собственной жизнью, которая не согласуется с... фундаментальными положениями национал-социалистической идеологии...» [17, р. 581].

Конечно же, в подавляющем большинстве случаев девиантное поведение несовершеннолетних правонарушителей не было политически мотивировано, а являлось проявлением типичного юношеского экстремизма. Однако поскольку в нацистской Германии был официально признан примат политики над правом, оно рассматривалось как находившееся в вопиющем противоречии с базовыми принципами национал-социализма, подрывающее устои режима и в силу этого не заслуживающее снисхождения.

В целом в «фюрер-государстве», в котором воля фюрера признавалась «чрезвычайным источником права» [21, S. 62], и в соответствии с установкой Гитлера «каждого юриста» следовало «рассматривать как человека, неполноценного по природе или как-то деформированного при использовании» [22, с. 358], официально действовал принцип, согласно которому следование букве закона объявлялось не только необязательным, но и недопустимым в тех случаях, когда оно приходило в противоречие с интересами режима. Это недвусмысленно выразил рейхсфюрер СС Г. Гиммлер в речи, произнесенной по случаю открытия Академии германского права в 1936 г. Меня совершенно не интересует, заявил он, вступают ли наши действия в противоречие с законом. «... Мы заложили основы нового права, права на жизнь для немецкой нации» [23, р. 192]. Мы полагаем, этот примат очень опасен для любого государства, и торжествовать при оценке преступных деяний должен только уголовный закон, принятый в установленном порядке.

Таким образом, следует признать, что в условиях происшедшей в нацистской Германии трансформации права вообще, уголовного – в особенности, в сторону его целенаправленной нацификации, уголовно-правовая политика в Третьем рейхе характеризовалась неуклонной радикализацией, приобретая все более ярко выраженный репрессивный характер. Политическая целесообразность, продиктованная интересами нацистского режима, доминировала над законом, который в случае возникновения между ними тех или иных коллизий приносился ей в жертву.

В современный период времени особенно важно соблюдать принцип законности, не допустить нацификации молодежи и ее радикализма, пресекать любые попытки «обработки» несовершеннолетних и молодежи с позиции представителей экстремистских и террористических организаций.

Список источников

1. *Evans R. J.* The Third Reich in Power 1933–1939. London: Allen Lane, 2005. 941 p.
2. *Koch H. W.* In The Name of the Volk. Political Justice in Hitler's Germany. London; New York: I. B. Tauris Publishers, 1997. 325 p.
3. *Dahm G.* Verrat und Verbrechen // Zeitschrift für die gesamten Staatswissenschaften. 1935. Vol. 95. S. 281–287.
4. *Геллатели Р.* Гитлеровская «консенсусная диктатура» в 1933–1939 гг. // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 4. С. 128–139.

5. Gellately R. Situating the “SS-State” in a Social Historical Context: Recent History of the SS, the Police and the Courts in the Third Reich // *J. of Modern History*. 1992. Vol. 64, № 6. P. 338–365.
6. Kempner R. M. W. *Das Dritte Reich im Kreuzverhör. Aus den unveröffentlichten Vernehmungsprotokollen des Anklagers*. München-Esslingen: Bechtle, 1966. 300 S.
7. ПГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 403.
8. Proctor R. *Racial hygiene: Medicine under the Nazis*. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1988. 414 p.
9. Wachsmann N. «Annihilation through labour»: the Killing of State Prisoners in the Third Reich // *J. of Modern History*. 1999. Vol. 71, № 3. P. 624–659.
10. Jahnke K. H., Buddruss M. *Deutsche Jugend 1933–1945. Eine Dokumentation*. Hamburg: USA-Verlag, 1989. 496 p.
11. Schirach B. von. *Die Hitler Jugend. Idee und Gestalt*. Berlin: Zeitgeschichte, 1934. 220 S.
12. Laqueur W. Z. *Young Germany. A History of the German Youth Movement*. London: Routledge and Kegan Paul, 1962. 253 p.
13. Kater M. H. Hitlerjugend und Schule im Dritten Reich // *Historische Zeitschrift*. 1979. Bd. 228, № 3. S. 572–623.
14. Biddiscombe P. «The Enemy of Our Enemy»: A View of the Edelweiss Piraten from the British and American Archives // *J. of Contemporary History*. 1995. Vol. 30. P. 37–63.
15. Klose W. *Generation im Gleichschritt. Ein Dokumentarbericht*. Oldenburg-Hamburg: Stalling, 1964. 296 S.
16. Klönne A. *Jugend im Dritten Reich* // Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hrsg.). *National-Sozialistische Diktatur. 1933–1945*. Düsseldorf: Droste Verlag, 1983. 840 S.
17. Horn D. The Struggle for Catholic Youth in Hitler’s Germany: An Assessment // *The Catholic Historical Review*. 1979. Vol. LXV, № 4. P. 561–582.
18. Rempel G. *Hitler’s Children. The Hitler Youth and the SS*. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 1989. 354 p.
19. Peukert D. J. K. *Inside Nazi Germany: Conformity, opposition and racism in everyday life*. New Haven; London: Yale University Press, 1987. 288 p.
20. Mason T. *Injustice and Resistance: Barrington Moore and the Reaction of German Workers to Nazism // Ideas into Politics. Aspects of European History 1880–1950*. Totowa; New Jersey: Barnes and Noble Books, 1984. P. 106–118.
21. *Justiz und NS-Verbrechen Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungs Verbrechen, 1945–1966*. Bd. 4. Amsterdam: University Press, 1970. 654 p.
22. Тревор-Понер X. *Застольные беседы Гитлера. 1941–1944 гг.* М.: Центрполиграф, 2004. 655 с.
23. Burleigh M. *The Third Reich. A New History*. London: Pan Books, 2001. 965 p.

References

1. Evans R. J. *The Third Reich in Power 1933–1939*. London: Allen Lane Publ.; 2005. 941 p.
2. Koch H. W. *In The Name of the Volk. Political Justice in Hitler's Germany*. London; New York: I. B. Tauris Publishers; 1997. 325 p.
3. Dahm G. Verrat und Verbrechen. *Zeitschrift für die gesamten Staatswissenschaften*. 1935;95:281–287.
4. Gellately R. Hitler's “consensual dictatorship” in 1933–1939. *Bereginya*. 777. *Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika = Bereginya*. 777. *Owl: Society. Policy. Economics*. 2016;(4):128–139 (In Russ.).
5. Gellately R. Situating the “SS-State” in a Social Historical Context: Recent History of the SS, the Police and the Courts in the Third Reich. *J. of Modern History*. 1992;64(6):338–365.
6. Kempner R.M.W. *Das Dritte Reich im Kreuzverhör. Aus den unveröffentlichten Vernehmungsprotokollen des Anklagers*. München-Esslingen: Bechtle Publ.; 1966. 300 S.
7. *Russian State Military Archive*. Fund 500. In. 1. File. 403. (In Russ.).
8. Proctor R. *Racial hygiene: Medicine under the Nazis*. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press; 1988. 414 p.
9. Wachsmann N. “Annihilation through labor”: the Killing of State Prisoners in the Third Reich. *J. of Modern History*. 1999;71(3):624–659.
10. Jahnke K. H., Buddruss M. *Deutsche Jugend 1933–1945. Eine Dokumentation*. Hamburg: USA-Verlag Publ.; 1989. 496 S.
11. Schirach B. von. *Die Hitler Jugend. Idea und Gestalt*. Berlin: Zeitgeschichte Publ.; 1934. 220 S.
12. Laqueur W. Z. *Young Germany. A History of the German Youth Movement*. London: Routledge and Kegan Paul Publ.; 1962. 253 p.
13. Kater M. H. Hitlerjugend und Schule im Dritten Reich. *Historische Zeitschrift*. 1979;228(3):572–623.
14. Biddiscombe P. “The Enemy of Our Enemy”: A View of the Edelweiss Piraten from the British and American Archives. *J. of Contemporary History*. 1995;30:37–63.

15. Klose W. *Generation im Gleichschritt. Ein Dokumentarbericht*. Oldenburg-Hamburg: Stalling Publ.; 1964. 296 S.
16. Klonne A. *Jugend im Dritten Reich*. Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hrsg.). *National Sozialistische Diktatur. 1933-1945*. Düsseldorf: Droste Verlag Publ.; 1983. 840 S.
17. Horn D. The Struggle for Catholic Youth in Hitler's Germany: An Assessment. *The Catholic Historical Review*. 1979;LXV(4):561-582.
18. Rempel G. *Hitler's Children. The Hitler Youth and the SS*. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press; 1989. 354 p.
19. Peukert D. J. K. *Inside Nazi Germany: Conformity, opposition and racism in everyday life*. New Haven; London: Yale University Press; 1987. 288 p.
20. Mason T. *Injustice and Resistance: Barrington Moore and the Reaction of German Workers to Nazism. Ideas into Politics. Aspects of European History 1880-1950*. Totowa; New Jersey: Barnes and Noble Books Publ.; 1984:106-118.
21. *Justiz und NS-Verbrechen Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungs Verbrechen, 1945-1966*. Bd. 4. Amsterdam: University Press; 1970. 654 p.
22. Trevor-Roper H. *Hitler's Table Talk. 1941-1944*. Moscow: Zentrpoligraph Publ.; 2004. 655 p. (In Russ.).
23. Burleigh M. *The Third Reich. A New History*. London: Pan Books, 2001. 965 p.

Информация об авторах

Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России); профессор кафедры процессуального права, Донской государственной технической университет.

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южный университет (ИУБуП).

А.Б. Малявина – научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела.

Information about the authors

E.A. Palamarchuk – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); Professor of the Department of Procedural Law, Don State Technical University.

I.A. Sementsova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Branch of the S.Yu. Witte Moscow University in Rostov-on-Don; Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Southern University (IMBL).

A.B. Malyavina – Researcher of the Research and Editorial and Publishing Department.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья
УДК 94(6)
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-87-91

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ АЛЖИРОМ В ПЕРИОД ТУРЕЦКОГО ГОСПОДСТВА (XVI – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)

Рожина Иллба

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
roginaellba@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются этапы правления Османской империи в Алжире, от управления бейлербеями (Принц Князей) до правления деев. Это был самый длинный период османского владычества.

В настоящее время история Алжира представляется наиболее важным этапом современной арабской истории в целом и истории Османской империи в частности, поскольку Эялет Алжира был первой страной в Магрибе, которая попала под османский контроль. С XVI в. османы поселились там после того, как Хайрадин Барбаросса объявил о своем подчинении Османскому султанату в Стамбуле в 1518 г., и оставались в Алжире более трех сотен лет. Показаны основания военной колонии Алжира, внутренняя политика периода правления деев и его министров и разделение Алжира на четыре области, каждая из которых подчинялась деев. Анализируются причины упадка алжирского государства в начале XIX в. и особенности быта, религии, экономики народов в этот период.

Ключевые слова: Османская империя, Алжирское регентство, янычары, деев, бейлик, шейх, кочевые племена

Для цитирования: Иллба Р. Система управления Алжиром в период турецкого господства (XVI – первая треть XIX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 87–91.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE SYSTEM OF GOVERNMENT OF ALGERIA DURING THE PERIOD OF TURKISH DOMINATION (16th - THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY)

Rogina Illba

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
roginaellba@gmail.com

Abstract. The stages of the rule of the Ottoman Empire in Algeria, from the administration of the Beylerbeys (Prince of Princes) are considered before the reign of the Dey. This was the longest period of Ottoman rule.

At present, the history of Algeria seems to be the most important stage of modern Arab history in general and the history of the Ottoman Empire in particular, since the Eyalet of Algeria was the first country in the Maghreb that came under Ottoman control. Since the 16th century, the Ottomans settled there after Hayraddin Barbarossa declared his submission to the Ottoman Sultanate in Istanbul in 1518, and remained in Algeria for more than three hundred years. It shows the foundations of the military colony of Algeria, the internal politics of the period of the reign of the Dey and his ministers, and the division of Algeria into four regions, each of which was subordinate to the dey. The reasons for the decline of the Algerian state at the beginning of the 19th century and the peculiarities of life, religion, economy of the peoples during this period are analyzed.

Keywords: Ottoman Empire, Algerian regency, Janissaries, dey, beylik, sheikh, nomadic tribes

---

© Иллба Р., 2023

For citation: Illba R. The System of Government of Algeria During the Period of Turkish Domination (16th - the First Third of the 19th Century). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):87-91. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В конце XV в. Испания, разгромив последнее на своей территории мусульманское государство Гранаду, направила свои войска в Африку и захватила алжирские порты Мерс-эль-Кебир, Оран, Алжир, Аннаба и Беджаия [1, 2]. Местные арабские правители обратились за помощью к падишахам Османской империи. Турки изгнали испанцев из Северной Африки, но затем отстранили от власти арабов и стали править самостоятельно.

Основателями военной колонии Алжир, впоследствии известной в Европе под названием Алжирского регентства [3], были братья Барбаросса. Старший из них, Орудж, в 1516 г. установил контроль над Алжиром, а затем распространил свою власть на Тлемсен. Его младший брат и преемник Хайрадин расширил границы своих владений, присоединив Аннабу, Константину, Бискру и оазисы Уаргла и Туггурт [4].

В 1553 г. после долгих столкновений между арабами, испанцами и турками был присоединен Тлемсен. Первоначально пиратско-янычарское государство управлялось бейлербеями, в дальнейшем отмена поста бейлербея [5] вовсе не способствовала упрочению дисциплины в алжирской провинции, напротив, замена корсарских выдвигенцев временными чиновниками привела лишь к большей самостоятельности Алжира в пределах империи.

Уже первым пашам, сменившим Ульджа Али, пришлось довольствоваться ролью парадного, но почти безвластного правителя [5, с. 90]. Контроль над борющимися за власть янычарами и пиратами мог удержать в своих руках только авторитетный и сильный лидер, хорошо знакомый обоим сообществам наподобие Хайрадина или самого Ульджа Али. Однако паши, не имевшие связей среди местных вождей, вынуждены были предоставить конкурентов самим себе и ради сохранения своего поста и жизни налаживать «взаимопонимание» с ними, затем присылаемым турецким султаном пашой, потом переизбираемыми каждые два месяца военными предводителями [6, с. 13, 54].

Но с 1671 г. власть находилась в руках дея, избираемого Советом (Диваном), состоявшим из янычарских начальников (ага) и пиратских капитанов (раисов). В управлении государством ему помогал Малый Диван, состоявший из пяти министров. Присылаемые султаном паши вскоре потеряли всякое влияние, и последний из них был изгнан из страны в 1711 г. [7, с. 132–134].

В то же время алжирский дей находился в зависимости от янычар, которые зачастую смещали и убивали негодных им деев. Избранные Диваном деи получали утверждение от Порты и считались формально вассалами турецкого султана. Однако на деле они проводили самостоятельную внутреннюю политику и поддерживали дипломатические отношения с иностранными государствами.

После избрания деи посылали в Турцию подарки – одежду, драгоценности, красивое оружие и лошадей, получая взамен инвестиру, военное снаряжение (суда, пушки, порох, селитру и т. д.) и разрешение на вербовку в Турции янычар для пополнения состава оджака [8, с. 16, 20].

Заинтересованность дея в этих подкреплениях и поступлении вооружения и объясняла сохранение формальных связей с Турцией. Территория страны делилась на четыре области (бейлика). Бейлик был разделен на несколько округов, которые обычно включали несколько племен или этнических общин, главы каждого округа назначались самим беём, и большинство из них были, конечно, из правящего класса Османской империи и пользовались обширными гражданскими, судебными и военными полномочиями. Командующий, в свою очередь, назначал шейхов из местной верхушки [4, с. 135].

Однако коренное население было слабо вовлечено в систему управления. В отношениях с ним янычары ограничивались сбором налогов, имевших традиционную форму – 1/10 часть урожая и приплода скота [9, р. 9], и практически не вмешивались во внутренние дела племен.

Тяжесть налогов увеличивалась существованием откупной системы и большими косвенными налогами. Сбор их производился с помощью специальных племен махзен, которые сами были за это освобождены от уплаты податей [9, р. 10].

Племена махзен были расселены двумя полосами по границе прибрежной равнины и по границе с Сахарой. Несмотря на малочисленность, янычары умудрялись держать под своим контролем страну, умело используя межплеменные противоречия и зависимость населения от торговли, установив контроль над рынками и дорогами, используя систему заложников. Однако степень подчинения различных районов была разной – от регулярно уплачивающих подати до полузависимых, находящихся в союзе или практически номинально признающих власть дея. Реальная власть деев распространялась на часть территории современного Алжира.

В начале XIX в. алжирское государство переживало упадок. Пиратство практически прекратило свое существование, некогда могучий флот состоял лишь из нескольких мелких ветхих судов [10, р. 280].

Значительно сократилось население г. Алжира и других городов, резко упало количество пленных, число ремесленников, янычар. Естественная убыль янычар ранее пополнялась за счет рекрутов, набираемых в Турции. Однако в начале XIX в. из-за отсутствия средств рекруты почти не набирались. Численности их не хватало даже для полноценной обороны столицы. Сокращение доходов от пиратства заставило деев искать другие источники. Увеличение налогового гнета вызвало в начале XIX в. ряд крупных восстаний, возглавленных религиозными братствами. Так, восстание 1803–1813 гг. янычарам удалось подавить лишь с большим трудом [10, р. 277].

В начале XIX в. население Алжира составляло около 3 млн человек [11, с. 63, 66]. Оно состояло в основном из арабских и берберских племен, в значительной мере смешавшихся между собой, за исключением горных областей, где сохранился берберский язык (около 30 % населения).

Прибрежная равнина Телль, оазисы и горные долины Кабилии были заселены оседлыми племенами, возделывавшими зерновые в прибрежной зоне, финиковую пальму – в оазисах и занимавшимися садоводством и выращиванием оливок в горных долинах. В степных районах и в Сахаре было распространено кочевое и полукочевое скотоводство. Степень кочевания зависела от возможностей богарного земледелия. Обычно, закончив весенние посевы, полукочевые племена перегоняли стада на летние пастбища, а осенью возвращались, чтобы снять урожай.

Ремесло в городах в начале XIX в. было в упадке. По сравнению с XVII в. число мастерских в стране сократилось в 8 раз. В самом городе Алжире на починке судов работали европейцы; используемое янычарами оружие было привозным. Существовали цехи ювелиров, ковроделов, ткачей, портных. Племена имели своих ремесленников, обеспечивавших их нужды. Определенных успехов ремесло достигло лишь в Кабилии, где делали огнестрельное и холодное оружие, было развито ткачество, кузнечное и ювелирное дело.

Собственно алжирского купечества не было. В крупной торговле основную роль играли иностранные компании и еврейские торговые дома. Дей сам участвовал в их торговых делах как поставщик зерна и покровительствовал им.

Объем внешней торговли был довольно велик. В начале XIX в. импорт из стран Европы оценивался в 1,2 млн фр., из которых на долю Англии приходилось 500 тыс. фр., а на долю Франции — 100 тыс. фр. Экспорт шел в основном в Марсель, Ливорно и Геную – шерсть, кожа, воск, сухие фрукты и оценивался в 272 тыс. фр. [12, с. 25].

Поддерживалась караванная торговля с соседними мусульманскими странами, прежде всего с Марокко и Тунисом. Из Марокко шли оружие и ткани в обмен на шерсть. Центром торговли с Марокко был г. Тлемсен, с Тунисом – Константина. Однако общий торговый баланс Алжира был отрицательным. Так, в 1822 г. дефицит Алжира составил 1 млн фр. [12, с. 30].

В начале XIX в. в стране существовало несколько видов землевладения. Верховным собственником всех земель считалось государство, которое получало ренту от пользователей наделов в виде налогов. На части земель хозяйство велось непосредственно государством. Такие земли назывались бейлик. Это были в основном крупные латифундии, обрабатываемые издольщиками. Латифундиями трех беев, аги оджака и самого дея была занята 1/3 всех обрабатываемых земель [13, р. 292].

Основная часть населения, за исключением немногочисленных иудеев и христиан в городах, исповедовала мусульманство [14, р. 69]. Однако правящая янычарская верхушка была суннитами ханифитского толка, а основная часть жителей маликитами, более строгими в исполнении предписаний ислама.

На юге страны значительной группой были ибадиты (мзабиты). Все группы молились в разных мечетях, подчинялись разным судьям и законооведам, различным полициям. Влияние духовенства было очень велико, усиливаясь их ролью как руководителей мечетей, распорядителей имущества хабус и руководителей обучения учащихся. Имущественное положение духовенства в зависимости от его принадлежности к разным толкам было весьма различно. Среди населения была широко распространена вера в святых марабутов, в их способность непосредственного общения с богом (барака) [14, р. 70]. Большая часть марабутов возглавляла религиозные братства, и жили они в завийях, которые представляли одновременно духовный центр, школу и странноприимный дом.

Руководители братств (мукаддам) имели огромную власть, так как входившие в них братья (хваны) давали обет беспрекословного подчинения. Братства располагали военными силами, землями и имуществом хабус. Влияние марабутов усиливалось правом посредничества в межплеменных спорах и конфликтах с властями, наблюдением за порядком на рынках. Братства различались доктринами. Так, Кадырия проповедовала объединительный характер ислама, Деркава – аскетизм и т. д. [15, р. 66].

Вместе с тем современники отмечали отсутствие у алжирцев религиозного фанатизма. Берберы-горцы скорее формально соблюдали религиозные предписания [16].

Несколько глубже религиозное чувство было у сельских жителей – кочевников, но и у них культ святых в значительной мере заменял формальный ислам. Лишь в городах среди мавров вера была наиболее ревностна. Путешественники, побывавшие в Алжире в начале XIX в., отмечали высокий процент грамотности населения (выше, чем во Франции того времени) и большое число школ при мечетях в городах, в завийях, в племенах. Там изучались Коран и комментарии к нему, грамматика, стихосложение, право, математика, астрономия, история и медицина. В Алжире, Константине, Тлемсене и Мазуне были университеты [15, р. 67].

В начале XIX в. Алжир представлял собой пеструю смесь различных социальных укладов и множества переходных между ними форм. В разных районах большее распространение получили те или иные уклады. На приморской равнине и землях вокруг городов преобладали феодальные отношения, во внутренних степных районах – патриархально-общинные, а земли представляли собой в первую очередь коллективные пастбища племен.

В XVIII в. в г. Алжир было до 30 тыс. (из 117 тыс. жителей) таких «новообращенных». Основная масса рабов состояла из негров, которых поставляли на юг страны туареги (в Гадамес и Тафилалет). Их было больше всего в Константине и на юге, в Бискре. Рабы использовались как гребцы на галерах, на работах в порту, как ремесленники, в качестве домашних слуг, в садах и на латифундиях вблизи городов.

Во внутренних районах их почти не было. У крупных феодалов они жили в качестве домашних слуг и почетной стражи. В начале XIX в. рабы были скорее престижной собственностью, чем существенным элементом производственных отношений [16, р. 25, 27].

В начале XIX в. в Алжире существовали разные формы социальных связей и производственных отношений с преобладанием феодальных на различных стадиях развития наряду с сохранением патриархальных отношений и множеством переходных между ними форм.

Характерной особенностью Алжира было также то, что классовые и социальные противоречия были здесь скрыты под традиционными связями неэкономического характера. Так борьба податного населения против эксплуатации племенами махзен носила форму межплеменных междоусобиц. Борьба внутри племен против гнета феодалов выступала в виде борьбы кланов и родов. Отношения между городом и деревней приобретали форму вражды к представителям других религиозных и этнических групп [17, с. 199]. А противоречия между властями и местным населением имели характер различий между ханифитами и маликитами.

Список источников

1. *Ibn Abi Dinar*. *Sociable in the news of Africa and Tunisia*. Tunisia, 1967. 176 p. (In Arabic).
2. *Boyer P.* *La vie quotidienne à Alger à la veille de l'intervention française*. Paris, 1963. 280 p.
3. *Abu al-Qasim Saadallah*. *Cultural history of Algeria*. Algiers, 1881. Part 1. 22 p. (In Arabic).
4. *Nemer Akil*. *Modern history of Algeria*. Damascus, 2007–2008. (In Arabic).
5. *Amer Mahmoud*. *History of the Maghreb: trans. from Arabic*. 1995. (In Arabic).
6. *Ruedy J.* *Land Policy in Colonial Algeria: the Origins of the Rural Public Domain*. Berkeley, 1969. 115 p.
7. *Fares M. H.* *History of North Africa: Tunisia. Algeria. Morocco*. (In Arabic).
8. *Khair El-Din Barbarossa: Memoirs*. Trans. by Darraga. Al-Asala and distribution company. Algiers, 2010. (In Arabic).
9. *Serres J.* *La politique Turque en Afrique du nord sous la monarchie de Juillet*. Paris, 1925. 128 p.
10. *Julien C. A.* *History of North Africa: Tunisia, Algeria, Morocco. From the Arab Conquest to 1830*. New York: Routledge & Kegan Paul, 1970. 446 p.
11. *Fares M. Kh.* *Modern history of Algeria...* P. 63, 66. (In Arabic).
12. *Saidoni Nasser ad-Din*. *The financial system of Algeria during the Ottoman period 1800-1830*. Algiers, 1979.
13. *Emerit M.* *Le voyage de La Condamine à Alger 1731, revue Africane*. 1934. 483 p.
14. *Weissman N.* *Les Janissaires*. These de doctorate. Paris, 1964. 122 p.
15. *Spencer W.* *Algiers in the age of the corsairs*. Norman, 1976. 200 p.
16. *Lazreg M.* *The emergence of classes in Algeria: a study of colonialism and socio-political change*. Boulder, Colorado, 1976. 252 p.
17. *Жюльен Ш.А.* *История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 429 с.

References

1. *Ibn Abi Dinar*. *Sociable in the news of Africa and Tunisia*. Tunisia, 1967. 176 p. (In Arabic).
2. *Boyer P.* *La vie quotidienne à Alger à la veille de l'intervention française*. Paris, 1963. 280 p.
3. *Abu al-Qasim Saadallah*. *Cultural history of Algeria*. Algiers, 1881. Part 1. 22 p. (In Arabic).
4. *Nemer Akil*. *Modern history of Algeria*. Damascus, 2007-2008. (In Arabic).
5. *Amer Mahmoud*. *History of the Maghreb: trans. from Arabic*. 1995. (In Arabic).
6. *Ruedy J.* *Land Policy in Colonial Algeria: the Origins of the Rural Public Domain*. Berkeley, 1969. 115 p.
7. *Fares M. H.* *History of North Africa: Tunisia. Algeria. Morocco*. (In Arabic).
8. *Khair El-Din Barbarossa: Memoirs*. Trans. by Darraga. Al-Asala and distribution company. Algiers, 2010. (In Arabic).
9. *Serres J.* *La politique Turque en Afrique du nord sous la monarchie de Juillet*. Paris, 1925. 128 p.
10. *Julien C. A.* *History of North Africa: Tunisia, Algeria, Morocco. From the Arab Conquest to 1830*. New York: Routledge & Kegan Paul, 1970. 446 p.
11. *Fares M. Kh.* *Modern history of Algeria...* Pp. 63, 66. (In Arabic).
12. *Saidoni Nasser ad-Din*. *The financial system of Algeria during the Ottoman period 1800-1830*. Algiers, 1979.
13. *Emerit M.* *Le voyage de La Condamine à Alger (1731), revue Africane*. 1934. 483 p.
14. *Weissman N.* *Les Janissaires*. These de doctorate. Paris, 1964. 122 p.
15. *Spencer W.* *Algiers in the age of the corsairs*. Norman, 1976. 200 p.
16. *Lazreg M.* *The emergence of classes in Algeria: a study of colonialism and socio-political change*. Boulder, Colorado, 1976. 252 p.
17. *Julien S.A.* *History of North Africa. Tunisia. Algeria. Morocco*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature; 1961. 429 p. (In Russ.).

Информация об авторе

P. Илба – аспирант.

Information about the author

R. Ilba – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 06.12.2022; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 20.03.2023.
The article was submitted 06.12.2022; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 20.03.2023.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Материалы конференции
doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-92-94

Круглый стол «Донские казаки на службе Отечеству: боевые действия донских казачьих частей и подразделений во время военных конфликтов XX века» (Неклиновский район, 18 ноября 2022 г.)

Сергей Алексеевич Кислицын¹✉, Елена Александровна Фогель²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Народный военно-исторический музейный комплекс Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», Неклиновский район, Ростовская область, Россия

¹ kislizins@yandex.ru ✉

² fogel.elena@bk.ru

Для цитирования: Кислицын С.А., Фогель Е.А. Круглый стол «Донские казаки на службе Отечеству: боевые действия донских казачьих частей и подразделений во время военных конфликтов XX века» (Неклиновский район, 18 ноября 2022 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 92–94.

Conference materials

Round Table “Don Cossacks in the Service of the Fatherland: Fighting Don Cossack Units and Subunits During Military Conflicts 20th Century” (Neklinovsky District, November 18, 2022)

Sergey A. Kislitsyn¹✉, Elena A. Fogel²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² National Military-Historical Museum Complex of the Great War “Sambek Heights”, Neklinovsky District, Rostov Region, Russia

¹ kislizins@yandex.ru ✉

² fogel.elena@bk.ru

For citation: Kislitsyn S.A., Fogel E.A. Round Table “Don Cossacks in the Service of the Fatherland: Fighting Don Cossack Units and Subunits During Military Conflicts 20th Century” (Neklinovsky District, November 18, 2022). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):92-94. (In Russ.).

18 ноября 2022 г. в конференц-зале Информационно-выставочного центра Народного военно-исторического музейного комплекса Великой Отечественной войны «Самбекские высоты» прошел круглый стол «Донские казаки на службе Отечеству: боевые действия донских казачьих частей и подразделений во время военных конфликтов XX века», посвященный 80-й годовщине формирования 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса.

Круглый стол открыла директор Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника (ТГЛИАМЗ) Е. В. Липовенко, которая охарактеризовала список совместных мероприятий, подтверждающих тесную связь и плодотворное сотрудниче-

ство МК «Самбекские высоты» с казачьими общинами Дона. Она отметила, что круглый стол – один из способов консолидировать усилия научного и музейного сообществ, общественных организаций, в том числе казачьих, в вопросе сохранения исторической памяти.

Участников мероприятия также приветствовал директор департамента по делам казачества и кадетских заведений Ростовской области П.Н. Серов. Он подчеркнул, что тема круглого стола особенно актуальна, так как сейчас остро стоит вопрос воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма и готовности к служению своему Отечеству. В нынешней ситуации постоянно совершаются попытки пересмотра итогов Второй мировой войны и искажения исторической правды, поэтому так важно помнить о подвиге наших предков. Мероприятия, проводящиеся в Народном военно-историческом музейном комплексе Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», направлены на патриотическое воспитание детей и молодежи и сохранение исторической памяти.

Участники мероприятия обсудили вопросы изучения и сохранения казачьих воинских и культурных традиций и коммеморации военной истории Донских гвардейских казачьих формирований в период Великой Отечественной войны.

В. П. Трут – д-р ист. наук, проф. ДГТУ – представил исследование «Особенности формирования и комплектования донских казачьих добровольческих соединений», в котором проанализировал сущность, масштаб и различные формы добровольческого движения казаков в начале Великой Отечественной войны. Добровольцами были не только молодые казаки, но и старшие поколения, казаки непризывного возраста и целые казачьи семьи. Были приведены яркие примеры героизма и мужества казаков-добровольцев, сражавшихся на фронте, а также в составе партизанских групп и отрядов. История подвигов всех поколений казаков позволяет сегодня подтверждать чувство единства и общности русского народа, упрочивать связи внутри казачьего сообщества на основе репрезентации исторического прошлого.

С. А. Кислицын – д-р ист. наук, проф. ЮРИУ РАНХиГС – выступил с докладом «Участники Гражданской войны красные казаки братья Трифионовы, братья Полуяны, братья Дорошевы, братья Каширины». Несмотря на ряд трагических обстоятельств, казаки-большевики проявили свои лучшие качества. Красное казачество не только сыграло значительную роль в победе Красной армии в период Гражданской войны, но и заложило фундамент для формирования феномена нового советского казачества. Это было принципиально важно для создания и функционирования казачьих гвардейских краснознаменных корпусов и дивизий во время Великой Отечественной войны. Боевой путь 5-го Донского корпуса и других советских казачьих подразделений является одним из главных событий в истории Донского края и казачества в Великой Отечественной войне. Докладчик представил собравшимся учебник для 10 класса «История Донского края. Начало Х – начало XXI в.», в котором рассказывается о подвигах советского казачества в Великой Отечественной войне.

В. И. Афанасенко – старший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН – рассказал о доблести Донских гвардейских казачьих дивизий в обороне Туапсе осенью 1942 г.

И. А. Заболотский – научный сотрудник МК «Самбекские высоты» – осветил тему «Советская кавалерия против Панцерваффе: 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус в январских боях 1945 года под Балатоном».

Д. В. Никитин – зав. экспозиционным отделом Новочеркасского музея истории донского казачества – познакомил участников с коллекцией ветеранов 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса в собрании музея.

В. А. Вечёркина – научный сотрудник Шолоховского музея-заповедника – осветила проблему женщин-казачек в партизанских отрядах и подпольных организациях периода Великой Отечественной войны.

Л. П. Бабич – заместитель атамана войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» – выступил с докладом «Сохранение казачьих воинских и культурных традиций через военно-патриотическое воспитание казачьей молодежи».

Д.Н. Санин – директор Егорлыкского историко-краеведческого музея – рассказал об архивных и полевых материалах, о подвигах казаков 5-го гвардейского ДККК как инструменте просветительской деятельности.

В. А. Агеева – канд. ист. наук, декан факультета истории и филологии Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) – представила исследование «Военная история 5-го гвардейского ДККК в эпистолярном наследии А.В. Калинина», проведенное совместно с М.П. Мерзляковым – директором Раздорского этнографического музея-заповедника.

Е. В. Ситливая – заместитель директора по научной работе Новочеркасского музея истории донского казачества – рассказала о деятельности этого музея и сохранении исторической памяти о свершениях донского казачества в Великой Отечественной войне.

Круглый стол объединил представителей музеев Ростовской области, казаков Куйбышевского и Неклиновского районов, атамана Таганрогского округа С.Е. Полухина. К онлайн трансляции присоединились координатор союза атаманов казачьих общин Европы Г. Крамер, атаман казачьей общины Берлина Н. Огняник, атаман Чехии и Словакии М. Дзюба, атаман казачьей общины в Ирландии В. Дацко, студенты Донского государственного технического университета и факультета истории и филологии Таганрогского института им. А.П. Чехова. В рамках круглого стола состоялась презентация выставки «Дон – Альпы. Боевой путь 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса», которую представил Н. В. Шишканов – научный сотрудник исторического парка «Россия – моя история». Заслуга сбора материала и разработки концепции выставочного проекта принадлежит научному сотруднику музейного комплекса «Самбекские высоты» И. А. Заболотскому, а оформление мультимедийной выставки взяли на себя сотрудники Исторического парка «Россия – моя история».

Информация об авторах

С.А. Кислицын – доктор исторических наук, профессор.

Е.А. Фогель – заместитель директора музея.

Information about the authors

S. A. Kislitsyn – Doctor of Science (History), Professor.

E.A. Fogel – Deputy Director of the Museum.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-95-97

**Нефёдкин А.К. Конница эпохи эллинизма.
СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 784 с.**

Александр Павлович Беликов^{1✉}, Саркис Суренович Казаров²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ abelikov@rambler.ru ✉

² ser-kazarov@yandex.ru

Для цитирования: Беликов А.П., Казаров С.С. – Нефёдкин А.К. Конница эпохи эллинизма. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 784 с. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 95–97.

Book Review

***Nefedkin A.K. Hellenistic cavalry.
St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University Press; 2019. 784 p.***

Alexander P. Belikov^{1✉}, Sarkis S. Kazarov²

¹ North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ abelikov@rambler.ru ✉

² ser-kazarov@yandex.ru

For citation: Belikov A.P., Kazarov S.S. – Nefedkin A.K. Hellenistic cavalry. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University Press; 2019. 784 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):95-97. (In Russ.).

Благодаря известному петербургскому учёному, доктору исторических наук А.К. Нефёдкину, библиотека по истории военного искусства античной эпохи пополнилась новым капитальным исследованием, посвящённым коннице эпохи эллинизма. Рецензируемая монография представляет собой существенно расширенный и дополненный текст докторской диссертации автора, защищённой им в 2007 г.

В отечественной историографии до сих пор отсутствовало комплексное исследование не только эллинистической конницы, но и древнегреческой вообще. В зарубежной историографии, несмотря на всё её богатство и разнообразие, хорошо разработаны лишь отдельные периоды и некоторые вопросы истории греческой кавалерии. Обобщающих исследований по всей эпохе эллинизма в ней тоже нет. Поэтому актуальность представленной книги очевидна. Она не просто восполняет лаку-ну, существовавшую в нашей науке, но и выполнена на самом высоком академическом уровне.

Едва ли перспективным в научном плане будет анализировать работу объёмом под 800 страниц подробно по главам, поэтому остановимся на важнейших аспектах. Прежде всего обратимся к источниковой базе. Среди нарративных источников особое место занимают недостаточно изученные отечественными исследователями трактаты по военному искусству (труды Элиана, Ксенофонта, Гигина и т.д.). В научный оборот введен малоизвестный и крайне редко используемый труд фило-

софа Асклепиодота «Тактическое искусство», который, кстати, был впервые переведён на русский язык самим же А.К. Нефёдкиным. Обширный историографический обзор, представленный в монографии и включивший в себя самые последние исследования авторитетных зарубежных антиковедов (труды Э. Ван Дака, Р. Биллоуза, М. Хадзопулоса, А. Ханиотиса, М. Трандла и др.), свидетельствует о том, что если в западной историографии наметился устойчивый интерес к изучению конницы эпохи эллинизма, то в отечественной историографии до сих пор не создано ни одного монографического исследования на данную тему.

В первой главе (с. 32–154), несмотря на очевидную скудость источниковой базы, автору удалось убедительно показать развитие тактики и принципы комплектования македонской конницы Филиппом II и Александром Великим (хотя сравнение деятельности Филиппа II в этом направлении с деятельностью Петра Великого после поражения под Нарвой, на наш взгляд, едва ли корректно – всё же македонянин не потерпел такого сокрушительного поражения, как российский император, и ему не пришлось всё начинать с «чистого листа»), и рассмотреть первые шаги Александра по инкорпорированию азиатов в военную организацию македонян. Было определено место фракийской конницы в его армии, а также показан процесс пополнения редевшей в сражениях македонской кавалерии азиатским контингентом – персами, бактрийцами, согдами и другими народами.

Во второй главе (с. 155–204) автор характеризует конницу диадохов, которая базировалась на образцах, заложенных именно Александром Македонским.

В третьей главе (с. 205–408) исследованы принципы комплектования и тактика действий конницы на материале Афин, Фессалии, Этолии, Ахайи, Беотии, Македонии, империи Селевкидов, а также Птолемеевского Египта. Автор делает вполне обоснованный вывод, что отличие тактики Птолемея от Селевкидов состояло в том, что Лагиды не опирались на конных стрелков, поскольку у них не было азиатских ополчений, славившихся своими лучниками.

Наиболее удачной, на наш взгляд, является четвёртая глава (с. 409–544), где рассматриваются рода конницы. Эллинистическую конницу автор делит на тяжёлую, лёгкую и отдельно выделяет особый её вид – димахи и амфишпы. Он дал чёткую градацию таких видов конницы, как катафракты, ксистофоры, контофоры, лонхофоры и т.д. Касясь встречающихся в научной литературе терминов «катафракт» и «катафрактарий», А.К. Нефёдкин настаивает на их идентификации, называя этот тип конника тяжеловооружённым всадником, обычно сидящим на защищённом коне, главное оружие которого – ударно-колющее длинное копье.

Автор приходит к выводу, что у большинства эллинов, разве что за исключением Македонии второй половины IV в. до н. э., конница имела подчинённое по отношению к пехоте значение. Подробно исследуются состав и принципы комплектования кавалерии в эллинистических государствах. Автор не ограничивается чисто военными аспектами, он последовательно анализирует также социальные, экономические, политические проблемы, тесно связанные с его темой. Интересно также наблюдение А.К. Нефёдкина, что с формированием системы эллинистических государств в состав тяжёлой конницы, состоявшей ранее только из македонской и греческой аристократии, вошли уже и азиаты.

В пятой главе (с. 545–611) на материалах упомянутых выше эллинистических держав показаны принципы комплектования конницы в зависимости от существовавших в них форм поземельных отношений. В центре внимания автора оказываются афинские клерухи, вавилонские так называемые наделы коня, македонские гетайры, колонисты Александра, катойки Селевкидов, клерухи Птолемея. А.К. Нефёдкину удалось показать их характерные особенности и отличия, накладывающие свой специфический отпечаток на принципы комплектования конницы того или иного эллинистического монарха. В конечном итоге автор сводит военные поселения эллинистической эпохи к трём типам: греческие клерухи во владении Афин, восточные военные поселения и селевкидские катойки, каждый из которых по-своему влиял на принципы комплектования и вооружения конницы.

И, наконец, последняя, шестая (с. 612–688) глава посвящена исследованию вооружения и снаряжения всадника. Вооружение всадника А.К. Нефёдкин делит на наступательное и оборонительное. Поэтапно рассматривает вооружение катафрактов, защитное вооружение македонских копьеносцев, снаряжение гетайров, а также вооружение царей и их приближенных, при этом широко привлекая самые разнообразные виды источников. Весьма интересна содержащаяся в данной главе,

но практически нигде не встречавшаяся ранее классификация кавалерийских копий, среди которых А.К. Нефёдкин выделяет ксистон, контос и сариссу, давая их боевые характеристики. Он отмечает, что «в военной культуре комплекс вооружения являлся показателем взаимодействия восточных и западных элементов, которые могут существовать как параллельно, так и взаимодействуя друг с другом» (с. 687). Эта характеристика касалась не только военного дела, но и всего комплекса социально-экономических, политических и культурных отношений эпохи эллинизма.

Исследование вышеназванных сюжетов проведено на основе тщательного анализа всего корпуса имеющихся источников. Большим достоинством монографии является активное использование изобразительных источников, которые редко столь широко привлекаются для изучения военной истории. В книге приводится большой иконографический материал – 200 иллюстраций, а также схемы и карты, что значительно облегчает чтение и понимание текста.

Автор порой использует специфические малоизвестные термины, а то и вовсе неизвестные не только широкому кругу историков, но и специалистам-антиковедам (паноплия, птериги, псалии, кавсия и т.д.). Хотелось бы пожелать, чтобы он в этой связи давал и необходимые пояснения.

А.К. Нефёдкин в ряде пассажей упоминает «пеших эпигонов» Александра Македонского. По устоявшейся в антиковедении традиции эпигонами принято называть потомков и последователей диадохов (от греч. – «родившийся после, потомок»). Если автор имеет в виду какую-то иную трактовку данного понятия (а по всей вероятности, так оно и есть), то ему необходимо было бы дать соответствующие пояснения.

К сожалению, автор не стал анализировать пергамскую конницу. Понятно, что значительный объём монографии и само состояние источников вынудили его отказаться от некоторых сюжетов. Однако анализ эллинистической пергамской конницы представляется нам важным для понимания общих тенденций развития и состояния кавалерии эпохи эллинизма. Автор отрицает использование Александром Македонским щита в конном бою. Однако приведённые им цитаты из Арриана не убеждают. Щит «носили (курсив наш. – А.Б., С.К.) перед ним в битвах» (Arr. Anab. I.11.8). При штурме города маллов Певкест нес за царем щит (Arr. Anab. VI.9.3; 10.2). Да, в первом случае речь идёт о пешем бое, во втором – об осаде города. Однако к приведённым пассажам Арриана следует относиться с осторожностью. Поскольку, с другой стороны, мы располагаем чётким указанием Дидора о том, что щит царя был пробит в сражении в трёх местах (Diod. XVII.21.2), и игнорировать данную информацию мы не можем. Следовательно, и нет оснований столь однозначно отрицать возможность использования Александром щита в конном бою.

Данные замечания ни в коей мере не влияют на самое положительное впечатление, которое оставляет рецензируемая монография А.К. Нефёдкина. Перед нами зрелое капитальное исследование, которое заполняет существенную лауну в отечественном антиковедении.

Информация об авторах

А.П. Беликов – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений.

С.С. Казаров – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Институт истории и международных отношений.

Information about the authors

A.P. Belikov – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations.

S.S. Kazarov – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Archaeology and History of the Ancient World, Institute of History and International Relations.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-98-101

Кислицын С. А. Красная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин, деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2022. 512 с.

Леонид Гарриевич Берлявский

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
berlg@yandex.ru

Для цитирования: Берлявский Л.Г. – Кислицын С. А. Красная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин, деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2022. 512 с. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 98–101.

Book Review

Kislitsyn S. A. The Red Front under the Axe of the NKVD. Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin, Leaders of the Azov-Black Sea Region in the Political Repressions of the Second Half of the 1930s. 2nd add. ed. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2022. 512 p.

Leonid G. Berlyavsky

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
berlg@yandex.ru

For citation: Berlyavsky L.G. – Kislitsyn S. A. The Red Front under the Axe of the NKVD. Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin, Leaders of the Azov-Black Sea Region in the Political Repressions of the Second Half of the 1930s. 2nd add. ed. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2022. 512 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):98-101. (In Russ.).

В Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 15.08.2015 г. № 1561-р, указано, что Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память тех, кто стал жертвами политических репрессий, в ходе которых миллионы людей были лишены жизни, стали узниками ГУЛАГа, подвергнуты депортации.

Автор монографии доктор исторических наук, профессор С.А. Кислицын специализируется на проблематике советской истории, в том числе на периоде 30–50-х гг. XX в., который в литературе обозначается как этап сталинского тоталитаризма. Он автор исследования «Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России», в которой разработал теоретические конструкты контрэлиты и фронды, использованные в своей новой книге, посвященной сталинским репрессиям второй половины 1930-х гг.

Данная проблема была предметом изучения тысяч работ, однако до настоящего времени продолжают дискуссии, связанные с формированием диаметрально противоположных точек зрения – от сугубо разоблачительных позиций до апологетических, просталинских взглядов.

Автор выделяет как важные для исследования 7-томник В. Роговина «Была ли альтернатива?», монографии Р. Медведева, О.В. Хлевнюка, В. Хаустова, Л. Самуэльсона, В. Земского, В. Пятницкого, М. Юнге, А. Гетти и др. Чрезвычайно полезными оказались фундаментальные

сборники документов ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД 1920–1930-х гг., опубликованные в издательстве «Политическая энциклопедия» в серии «История сталинизма».

С.А. Кислицын подчеркивает, что представители партийной фронды были главным объектом репрессий середины 1930-х гг. в центре и на местах. Свое видение проблемы он подтверждает материалами как партийно-государственных архивов, так и документами из архивов НКВД – КГБ.

Первая часть книги содержит разделы о причинах и характере преследований советским политическим режимом виднейших представителей большевистской антисталинской фронды, таких как Н.И. Бухарин, С.М. Киров, В.И. Невский, Г.К. Орджоникидзе, С.И. Сырцов, Н.Б. Эйсмонт, В.Н. Толмачев, А.П. Смирнов и др. Приведены сведения о деятельности ряда работавших некоторое время в Донском регионе соратников В.И. Ленина А.С. Бубнове, П.А. Богданове, Н.П. Глебова-Авилове.

Автор сделал акцент на существовании и гибели партийно-советской фронды как неприципиальной оппозиции сталинизму. Такая позиция является определенной инновацией автора, который с ее помощью пытается объяснить причины сталинских репрессий. Он считает, что разившийся в середине 1930-х гг. феномен партийной фронды был проявлением так называемого «двурушничества» в среде большевистской элиты. Речь идет о личностных альтернативах Сталину, попытках критики ужесточившегося политического режима лидерами большевистской фронды Кировым, Орджоникидзе, Бухариным, об их предложениях по коррекции внутренней политики и трагической гибели.

С.А. Кислицын относит к фронде в первую очередь творческую активность Н.И. Бухарина в 1930-х гг., когда он обосновал концепцию пролетарского гуманизма; практическую деятельность в сфере управления экономикой Г.К. Орджоникидзе, которая на определенном этапе стала приходиться в диссонанс с репрессивной политикой Сталина.

Члены и кандидаты в члены Политбюро Киров, Орджоникидзе, Косиор, Постышев, Рудзутак, Сырцов, Чубарь, Эйхе зачастую не демонстрировали необходимого энтузиазма в прославлении отдельных направлений сталинской политики, выражали фрондерские сомнения, что вызвало недоверие к ним. Для понимания феномена партийной фронды, подчеркивает автор, также важны позиции С.И. Сырцова, Н.Б. Эйсмонта, В.Н. Толмачева, А.П. Смирнова, В.В. Ломинадзе, А.Н. Слепкова. Я.Э. Стэна, Л.А. Шацкина и др.

Ряд наркомов и первых секретарей обкомов проявили сомнения в успехе эксперимента коллективизации и именно за это, как выразился сам Сталин, расплатились обвинениями в шпионаже (с. 218).

Заслуживает внимания авторская характеристика уникальной, противоречившей Конституции СССР 1936 г., реальной конфигурации авторитарного (тоталитарного) режима власти в стране. Его структура была строго иерархической: 1) Генсек ЦК ВКП (б); 2) ядро Политбюро или особая группа приближенных, получившая 14 апреля 1937 г. исключительный правовой статус постоянной комиссии по вопросам секретного характера и внешней политики; 3) карательная подсистема – ГУГБ НКВД, спецколлегии судов, КПК при ЦК ВКП (б); 4) собственно ЦК ВКП (б) и Совнарком; 5) совершенно безвластный Верховный Совет (с.118).

Представляется, однако, что подобная конфигурация могла сложиться как раз на основе ст. 126 Конституции СССР 1936 г., которая нормативно закрепила роль ЦК ВКП (б) в качестве руководящего ядра всех общественных и государственных организаций. При этом действие главы X «Права и обязанности граждан» было реально заблокировано до 1953 г.

Вторая часть монографии посвящена конкретным жертвам кадрового террора в Азово-Черноморском крае и во вновь образованной в сентябре 1937 г. Ростовской области. Данный регион наряду с центральными областями и краями СССР был постоянно в центре внимания Сталина и руководства НКВД.

В результате репрессий погибли участники политической жизни Дона, на разных этапах ставшие известными деятелями всероссийского масштаба: уже упомянутый председатель Совнаркома РСФСР, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) С.И. Сырцов, бывшие наркомы РСФСР А.Г. Белобородов, Н.Б. Эйсмонт, В.Н. Толмачев, В.И. Иванов, командарм Н.Д. Каширин, комкор С.Е. Грибов, секретари обкомов М.С. Чудов, Н.Ф. Гикало.

Автор приводит факты из их биографий и анализирует как конструктивные черты их политической деятельности, так и неоднозначные поступки, в частности, участие некоторых деятелей в репрессивном процессе. Для него важны биографии некоторых ведущих членов региональной партийной фронды, руководителей – выходцев с Дона или воевавших и работавших здесь. Собственно, вся вторая часть посвящена конкретным жертвам кадрового террора в регионе.

Центральными фигурами – жертвами в ходе репрессий в Азово-Черноморском крае оказались ведущие руководители, первые секретари крайкома ВКП(б), члены ЦК ВКП(б) Б.П. Шелобдаев и Г.Е. Евдокимов. Были уничтожены партийно-советские руководители края, области, городов, районов, ключевых предприятий: В.Ф. Ларин, М.М. Малинов, Н.П. Глебов-Авилон, Д.М. Карташёв, М.М. Кульков, Л.Я. Любарский, С.Х. Варданян, Л.Д. Гогоберидзе, И.Д. Ченцов, Ф.А. Кольцов. Расстреляны известные ростовские большевики, активные бойцы революций и Гражданской войны на Дону и Кубани, среди которых Ю.Г. Бутягин, А.Е. Васильев-Шмидт, С.Ф. Васильченко, М.П. Жаков, Д.П. Жлоба, И.А. Дорошев, Я.В. Полуян, Д.В. Полуян, И.Н. Пивоваров, В.А. Трифонов, Е.А. Трифонов, А.А. Френкель, В.Г. Филон и др.

Для автора было важно раскрыть не только последний этап жизнедеятельности руководителей региона, поведение на следствии, суде и последовавшую через десятилетия реабилитацию, но и показать их политическую деятельность начиная с дореволюционного периода. Это логично, так как без раскрытия основных этапов в жизни политиков невозможно понять их роль и значение в истории Азово-Черноморского края и Ростовской области, объективно оценить последствия кадровых репрессий.

В книге особо подчеркнута роль сталинского эмиссара А.А. Андреева, ряда руководителей краевой парторганизации и местных структур НКВД в организации кадровых репрессий в регионе. Отмечена рефлексия большевистской интеллигенции, в том числе историков и писателей из среды большевиков.

С.А. Кислицын приводит многочисленные примеры нарушения законности в процессе реализации репрессивной политики, он выделил восемь моделей воздействия на подследственных со стороны оперативно-розыскных и следственных органов НКВД (с. 147–148), показал личный вклад высшего партийно-государственного руководства в эскалацию репрессий (с. 144 и др.), их масштабы на региональном уровне (с. 288, 312 и др.).

Следует отметить, что ряд позиций автора носит дискуссионный характер, в частности мнение о причастности И.В. Сталина к убийству С.М. Кирова. Автор приводит ряд аргументов в пользу этой точки зрения, однако, как представляется, данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

По мнению С.А. Кислицына, главной целью, стимулом и одновременно оправданием сталинского террора был троцкизм (с. 161). Однако среди отобранных автором представителей высшего и регионального уровней партийно-государственного руководства сторонники Л.Д. Троцкого были буквально единичны, к середине 1930-х гг. троцкистского подполья в стране не существовало. В этой связи логично разделять стимулы и оправдания террора, поводы к нему (к числу которых безусловно относится борьба с реальной, а чаще мнимой троцкистской угрозой) и конкретную цель террора, которая сводится к установлению режима личной власти Сталина.

Трагедия большей части «красных фрондеров» заключалась в том, что они посвятили свои жизни становлению и укреплению авторитарного (тоталитарного) режима власти в стране, став в конце концов его непосредственными жертвами.

В заключение автор приходит к выводу, что на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) произошел фактически государственный переворот, в ходе которого вся власть перешла к Сталину и НКВД (с. 499).

Правда об уничтожении сталинским режимом большевистской элиты, контрэлитной оппозиции и партийной фронды навсегда останется в исторической памяти страны, она является важным аргументом необходимости развития многопартийной системы, института оппозиции, правового государства и гражданского общества.

Информация об авторе

Л.Г. Берлявский – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, юридический факультет.

Information about the author

L.G. Berlyavsky – Doctor of Science (History), Candidate of Science (Law), Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-102-108

Закономерный итог служения науке («Избранные труды» В.Д. Дзидзоева)

Пётр Абрамович Кузьминов^{1✉}, Анжела Ариковна Журтова²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

^{1,2} Научно-инновационный центр «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

¹ petrakis_hist@bk.ru✉

² anzhelka28@mail.ru

Для цитирования: Кузьминов П.А., Журтова А.А. Закономерный итог служения науке («Избранные труды» В.Д. Дзидзоева) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 102–108.

Book Review

Deserved Results of Service to Science (“Selected Works” by V.D. Dzidzoev)

Petr A. Kuzminov^{1✉}, Anzhela A. Zhurtova²

^{1,2} Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia

^{1,2} Scientific and Innovative Center “Natural Scientific Methods in Archeology, Anthropology and Archeography”, KBSC RAS, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia

¹ petrakis_hist@bk.ru✉

² anzhelka28@mail.ru

For citation: Kuzminov P.A., Zhurtova A.A. Deserved Results of Service to Science (“Selected Works” by V.D. Dzidzoev). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):102-108. (In Russ.).

Владикавказский научный центр РАН в 2020 г. принял решение о публикации «Избранных трудов» доктора исторических наук, профессора Валерия Дударовича Дзидзоева. Спустя два года в издательстве ВНЦ РАН в свет вышли 4 тома общим объемом более 2,5 тыс. страниц. Благодаря поддержке органов власти и академического сообщества Северной Осетии составителями проведена сложная и кропотливая работа по сбору, обработке и публикации научного наследия известного ученого.

Статьи, очерки, эссе, монографии В.Д. Дзидзоева не всегда стилистически отшлифованы, иной раз грубоваты по форме, резки по содержанию. Они остры, полемичны, бескомпромиссны, заставляют читателя думать, принимать или не принимать логику автора. Представляется, именно диалог с невидимым читателем или оппонентом придает им особое обаяние и желание пообщаться еще и еще раз.

Цель данного издания проста: с одной стороны, сделать доступными научные исследования известного кавказоведа, с другой – актуализировать проблемы научного поиска, анализа, дискурса, ответственности ученого перед обществом, поскольку, утверждают составители издания, В.Д. Дзидзоев внес существенный вклад в исследование комплекса важнейших исторических проблем переломных моментов в жизни горских народов Северного Кавказа.

Научной работой он начал заниматься более 40 лет назад, совмещая ее с преподавательской. Опубликовал более 150 статей, очерков, эссе, монографий, вошедших в научный фонд кавказоведения, давно ставших библиографической редкостью. Публикация «Избранных трудов» снимает эту проблему.

Первый том объемом 676 страниц посвящен актуальным проблемам национальной и федеративной политики России на Северном Кавказе, а также межнациональным отношениям в полиэтничном и проблемном регионе. В данный том включены два обстоятельных доклада, прочитанных на заседаниях Государственной Думы Федерального собрания РФ в 2002 и 2005 гг., в которых автор показал себя не только специалистом высокого класса, но и максимально объективным ученым, предложившим комплекс мероприятий для решения ряда проблем в сфере межнациональных отношений. В 2002 г. он выступал с докладом «Политическая культура и политические ориентации граждан Абхазии и Южной Осетии на Российскую Федерацию в постсоветский период».

Через три года профессора В.Д. Дзидзоева вновь пригласили на заседание Государственной Думы ФС РФ, чтобы обсудить его доклад на тему: «Массированная фальсификация исторических фактов в грузино-осетинском этнополитическом и правовом противостоянии». Оба доклада были опубликованы в академическом научном журнале.

В первый том включен эпизод, в котором В.Д. Дзидзоев отстаивает «честь мундира» ученых-историков. Более 50 писателей, поэтов, артистов, деятелей науки и культуры Российской Федерации опубликовали открытое письмо «В защиту исторической науки». Поводом стало позорное судилище «либералов» над учебным пособием А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина по истории России XX века [1], устроенное в Общественной палате 6 сентября 2010 г. По мнению видных представителей науки и культуры Российской Федерации В.Г. Распутина, В.И. Белова, В.И. Лиханосова, Ю.В. Бондарева, Е.А. Исаева и др., данное «мероприятие» стало «судом над всей отечественной исторической наукой». Настоящая травля в СМИ авторов учебного пособия – это фактически удар по Московскому государственному университету, который по ряду научных вопросов занимает независимую позицию, обоснованную и научно выверенную. По этому поводу известный российский политолог, журналист и телевизионный обозреватель В. Третьяков заметил: «Один историк, пишущий “запрос в прокуратуру” на другого историка, не историк» [2].

Описав сюжет, Дзидзоев актуализировал проблему, подчеркнув, что поводов для аналогичных обращений деятелей науки и культуры Российской Федерации сегодня так много, что не хватает газетных полос на их публикацию. Эта еще одна важная проблема, на которую должен обратить пристальное внимание федеральный центр (с. 100).

Во второй части первого тома помещена монография, которая крайне злободневна, поскольку отвечает на социально-политические «вызовы» современности [3]. Она посвящена проблемам национально-государственного строительства в Осетии и особенностям постсоветского развития. Исследователь сосредоточил свое внимание на политико-правовом и историческом анализе многочисленных проблем в сфере общественно-политической жизни конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. В эти годы, как известно, наша огромная страна испытала страшные потрясения, связанные не только с развалом СССР в 1991 г. и сложнейшим процессом становления новой постсоветской Российской Федерации, но и многочисленными проблемами в экономике, сфере межнациональных отношений на Кавказе и др. Анализируя эти проблемы, автор подчеркнул, что на долю как Северной, так и Южной Осетии выпали самые суровые испытания, связанные с колоссальными жертвами в ходе грузино-осетинской войны 1989–1992 гг.

Методология исследования объединяет классический проблемно-хронологический принцип с принципом научности и объективности, что позволило автору осуществить глубокий многофакторный анализ насыщенного событиями XX в. и обозначить особенности и масштабы цивилизационных разломов 1917–1920 гг. и 1990–1992 гг. В основе переизданных материалов – принцип государственности и исторической имагологии, изучающей проблемы формирования этнических и инокультурных образов в общественном сознании социальных и национальных общностей, групп, индивидов.

Вторая монография В.Д. Дзидзоева, включенная в первый том, посвящена мало исследованной ко времени ее первой публикации научной проблеме – генезису национально-государственного строительства коренных народов Северного Кавказа в начале XX в. [4].

Монография была издана небольшим тиражом, но ценность ее трудно переоценить, так как изученная в ней политическая организация «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» играла важную роль в 1917–1924 гг. не только на Северном Кавказе, но и в международных отношениях. Несмотря на значимость данной общественно-политической организации, ее история была недостаточно исследована. Советская историография, исповедуя марксистско-ленинский подход в анализе социально-политических конфликтов, наложила табу на ее изучение. Исследование деятельности «Союза» было серьезно продвинуто В.Д. Дзидзоевым. В то же время многие авторы искажали реалии строительства основ горской государственности. В них указывалось, что «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» создали «горские реакционеры», «мусульманские фанатики», «антироссийски настроенные горские буржуи» и т.д. Все это не имело ничего общего ни с конкретной действительностью, ни с исторической наукой, и не способствовало общественно-политической стабильности в многонациональном и проблемном регионе.

Особое внимание привлекают разделы о революциях 1917 г. и Гражданской войне, расколовшей горский и казачий социумы на «красный» и «белый» лагерь. Подробно обоснованы причины победы большевиков на Северном Кавказе, где их социальная база была крайне ограничена.

Несомненная заслуга профессора В.Д. Дзидзоева состоит в том, что он одним из первых в Российской Федерации опубликовал научную монографию о коллективной национальной государственности народов Северного Кавказа. Основательные рецензии известных ученых Махачкалы, Владикавказа, Ростова-на-Дону, Москвы и других городов о высоком качестве исследования – прямое тому свидетельство. Авторские коллективы в процессе работы над многотомными историями «Чеченской Республики» и «Республики Дагестан» широко использовали исторический материал, введенный в научный оборот профессором В.Д. Дзидзоевым. На Всероссийской выставке научных исследований, организованной Российской академией естествознания в 2003 г., монография получила приз в номинации «За вклад в науку».

Во второй том «Избранных трудов» составители включили две монографии и две объемные статьи, посвященные проблемам фальсификации исторических исследований. Ослабление контроля за публицистикой, многотомными тиражами «трудов» новоиспеченных «ученых», а затем и полный отказ от цензуры привели к тому, что волна такой «макулатуры» захлестнула книжные магазины. Она оказалась настолько масштабной, что Президиум Российской академии наук создал в 1998 г. специальную Комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, в том числе и в сфере отечественной истории. Ее первое публичное представление состоялось 16 марта 1999 г. на заседании Президиума РАН. Доклад комиссии, озвученный председателем академиком Э.П. Кругляковым, был посвящен анализу и критике распространения в Российской Федерации лженауки и паранормальных верований – астрологии, шаманства, оккультизма и т.д. Докладчик привел конкретные данные о попытках осуществления за государственный счет различных бессмысленных проектов. Народам огромной страны, подчеркнул академик, предлагаются различные статьи, книги, брошюры откровенно антинаучного содержания. Лженаука стремится проникать во все слои нашего многонационального общества, включая даже некоторые структуры РАН.

Общественное звучание получила монография В.Д. Дзидзоева «Кавказ конца XX века», выдержавшая два издания [5]. Редакция журнала «Научная мысль Кавказа» в 2004 г. организовала по ее содержанию круглый стол, на котором выступили 14 известных ученых, специализирующихся по исследованию данной проблемы. Их доклады были опубликованы на страницах журнала, став заметным общественным явлением в жизни научного мира России.

Высокую оценку монографии дали доктора исторических наук В.А. Кузнецов и Л.А. Чибиров (Владикавказ), В.В. Трепавлов и Н.А. Емельянова (Москва), Р.М. Кушетеров и Т.И. Булыгина (Ставрополь) и др. Они отметили, что монография является результатом многолетнего

научного труда, обогатившего концепцию национальной политики и межнациональных отношений новыми подходами, современным научным анализом.

Участники круглого стола пришли к выводу, что достоверность результатов, полученных В.Д. Дзидзоевым, определяется глубоким анализом обширной источниковой базы, включающей разносторонние архивные документы, периодическую печать, статистические материалы, а его заслуга состоит в том, что они впервые проанализированы и органично вошли в текст исследования на основе современных теоретико-методологических принципов и подходов.

В предисловии к монографии директор Научно-исследовательского института Кавказа Северо-Кавказского научного центра высшей школы Н.С. Авдулов (г. Ростов-на-Дону) пишет: «В фундаментальном исследовании В.Д. Дзидзоева достаточно убедительно обосновывается тезис о том, что образование национальных государств – это объективная историческая и общемировая тенденция, и ее нельзя отменить. Нельзя ее также приостановить, а вот сдерживать на какое-то время возможно, что и делают власти Грузии в отношении Республики Южная Осетия и Республики Абхазия. Право на национальное самоопределение как раз и отвечает на сложный вопрос: как, какими средствами и путями усилить тенденцию объединения народов, какова роль интеллигенции в решении этого вопроса» [5, с. 12].

Дав общую характеристику книге, Н.С. Авдулов подчеркнул: «Книга В.Д. Дзидзоева представляет собой фундаментальное исследование феномена национального самоопределения, национального фактора в общественно-политической жизни Кавказа конца XX в. Она обращена не только к отечественным, но и к зарубежным специалистам и читателям. Они почерпнут из нее много интересных сведений, уникальных фактов взаимоотношений грузин, осетин, абхазов и русских. Еще раз вместе с автором окинут мысленным взором историю осетин, грузин, абхазов, русских и других народов, национально-государственное устройство народов Кавказа, национальную политику Советского государства. Специалисты и читатели оценят по достоинству колоссальный научно-исследовательский труд видного ученого-кавказоведа, одного из наиболее одаренных политологов Северного Кавказа» [5, с. 12].

Следующий раздел этой монографии посвящен «Процессам выселения и реабилитации депортированных народов и этнополитической ситуации на Кавказе», проблеме чрезвычайно сложной и противоречивой – депортации накануне и в годы Великой Отечественной войны «нехороших», с точки зрения отдельных высокопоставленных партийных чиновников, народов. Многие аспекты этой проблемы, как подчеркивает Дзидзоев, «в силу различных причин оставались неисследованными, что не удовлетворяло ни социально-политические, ни научные, ни познавательные запросы общества». В сложной обстановке ученые-исследователи, в первую очередь историки и политологи, должны взять на себя огромную научную общественно-политическую и морально-нравственную ответственность в ликвидации образовавшегося пробела в истории народов нашей страны, что и сделал В. Д. Дзидзоев, взяв на себя большую часть этой ответственности, свидетельством чего является настоящая книга.

Раздел монографии «Насилие и ненасилие в политике, или Чеченский кризис» носит, как и предыдущие, острополюемический характер. Он посвящен анализу научной литературы и периодической печати о Чеченской Республике – Ичкерии (конец 80-х гг. XX в. – 1999 г.). Историко-графический анализ периодики до начала второй чеченской войны показал, что автор проявил высокую компетентность и принципиальную авторскую позицию, вскрывая ангажированность ряда СМИ по вопросам жизнеобеспечения чеченского народа. Можно предположить, что авторская позиция не всем понравилась. Но он, видимо, к этому и не стремился.

Во втором томе имеются и другие интересные работы, в которых автор полемизирует с теми, кто, по его мнению, фальсифицирует историю не только Осетии, но и всего Юга России. Конечно же, они заслуживают большого внимания, и мыслящий читатель найдет ответы на многие острые вопросы 90-х гг. XX в.

В третий том «Избранных трудов» В.Д. Дзидзоева включены 16 научных работ общим объемом 568 страниц, которые, по мнению составителей, имеют сегодня особую значимость. Оригинал раздел, в который вошли рецензии на докторские и кандидатские диссертации, подготовленные Дзидзоевым, где наряду с положительными аспектами анализируются и недостатки.

Здесь же размещены не только исследования по истории Осетии, но и Кабардино-Балкарии, где автор работал на протяжении 15 лет в Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова и Кабардино-Балкарском государственном аграрном университете им. В.М. Кокова. За эти годы ученый издал немало научных работ, выступал на различных научных форумах, включая международные, научное сообщество КБР. Сюда же включены отдельные работы, посвященные проблемам истории чеченского народа и Чеченской Республики.

Основной лейтмотив статей, как и во втором томе, – борьба с фальсификацией исторической науки. Представляется, было бы логичней все публикации, анализирующие развитие национальных историографий, объединить в одном томе, дающем возможность оценить состояние кавказоведения за последние 30 лет.

Внимание автора к этим процессам в науке не случайно. Многонациональность и многоконфессиональность Северного Кавказа, повышенный интерес всех народов региона к своим глубоким национальным корням, «славной истории», «героическому прошлому», «несломленным предкам» создают благоприятную почву для процветания национализма, лжелюбви к своей Родине, своему народу, к его героическому прошлому. Опираясь на эти замечательные качества, многие «любители истории» искажают факты, предлагают далекие от реалий варианты развития истории своего народа. К сожалению, отряды таких «знатоков» есть во всех республиках и краях Юга России.

Определенная общественная поддержка их работ благоприятно сказывается на распространении параистории, а охотников за «сенсациями», «новыми открытиями в сфере древней и средневековой истории» всегда было много. В нынешних условиях гласности, отсутствии ответственности за написанный текст, прежде всего правовой, возможности различного рода фальсификаторов истории заметно расширяются. Анализ показывает, что «авторами оригинальных исторических сочинений» часто выступают люди далекие от науки.

В четвертый том «Избранных трудов» вошли 19 научных работ: 17 статей и 2 монографии общим объемом 664 страницы. Они посвящены межнациональным, этнополитическим и правовым проблемам постсоветской Абхазии и Южной Осетии. Этими проблемами ученый занимается плодотворно на протяжении почти 40 лет, опубликовав сотни различных трудов, включая солидные академические монографии.

Учитывая особую актуальность таких исторических и политико-правовых понятий, как государство, право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства, геноцид, коренной народ и др., Дзидзоев уделил этим историко-правовым категориям особое внимание, дал им свою трактовку, получившую признание в науке. В томе собраны научные работы, с которыми автор выступал на различных научных конференциях, в том числе и за границей. Составители включили в последний том наиболее значимые научные работы, опубликованные в российских академических изданиях: «Философия права», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», «Северо-Кавказский юридический вестник», «Научная мысль Кавказа» (г. Ростов-на-Дону), «Юридический вестник Дагестанского государственного университета» (г. Махачкала), «Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН» (г. Нальчик) и др. Кроме того, сюда включены две монографии [6, 7], получившие высокие оценки специалистов-юристов.

Важно подчеркнуть, что полученные ученым результаты стали надежной основой для дальнейшего исследования проблем государственности Абхазии и Южной Осетии, а также межнациональных отношений на Южном Кавказе. Практические результаты исследований В.Д. Дзидзоева могут быть использованы в процессе анализа проблем государственности, национально-государственного строительства на Кавказе. Изученный исторический, правовой и политический опыт в начальный период постсоветской истории применительно к Абхазии и Южной Осетии не только может, но и должен стать надежной основой в разработке современных подходов к проблемам государственности, совершенствованию национальной политики, форм и методов этнополитической стабильности на Кавказе.

Есть немало других научных проблем, анализ которых содержится в четвертом завершающем томе «Избранных трудов» В.Д. Дзидзоева, однако их изучение требует отдельного научного исследования.

В заключение подчеркнем, что публикация четырех томов «Избранных трудов» профессора В.Д. Дзидзоева, – это знаменательная веха в развитии кавказоведения. Надеемся, внимание к творчеству известных историков Северного Кавказа будет продолжено как в Осетии, так и в других братских республиках.

Список источников

1. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2009 : учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2010. 846 с.
2. См.: URL: [http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view &id=3263](http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3263) (дата обращения: 10.01.2023).
3. Дзидзоев В.Д. Проблемы советского национально-государственного строительства в Осетии и постсоветские итоги (политико-правовой анализ). Владикавказ: Ир, 2011. 335 с.
4. Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР. 1917–1924 гг. (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003. 210 с.
5. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. Историко-политологическое исследование. 2-е изд. Владикавказ: Ир, 2004. 359 с.
6. Дзидзоев В.Д. Борьба югоосетинского народа за национальное самоопределение. 1917–1990 гг. (политико-правовые аспекты). Владикавказ: Горский гос. аграр. ун-т, 2011. 152 с.
7. Дзидзоев В.Д. Проблемы и перспективы суверенитета молодых государств (на примере Абхазии и Южной Осетии). Владикавказ: Горский гос. аграр. ун-т, 2019. 256 с.

References

1. Barsenkov A.S., Vdovin A.I. *Russian history. 1917-2009*. Textbook for universities. 3rd ed. Moscow: Aspect Press; 2010. 846 p. (In Russ.).
2. Available from: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3263 [Accessed 10th January 2023]. (In Russ.).
3. Dzidzoev V.D. *Problems of Soviet nation-state building in Ossetia and post-Soviet results (political and legal analysis)*. Vladikavkaz: Ir Publ.; 2011. 335 p. (In Russ.).
4. Dzidzoev V.D. *From the Union of the United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan to the Mountain ASSR. 1917-1924 (The initial stage of the national-state construction of the peoples of the North Caucasus in the 20th century)*. Vladikavkaz: North Ossetian State University Press; 2003. 210 p. (In Russ.).
5. Dzidzoev V.D. *Caucasus at the end of the 20th century: trends in ethno-political development. Historical and political research*. 2nd ed. Vladikavkaz: Ir Publ.; 2004. 359 p. (In Russ.).
6. Dzidzoev V.D. *The struggle of the South Ossetian people for national self-determination. 1917-1990 (political and legal aspects)*. Vladikavkaz: Gorsk State Agrarian University Press; 2011. 152 p. (In Russ.).
7. Dzidzoev V.D. *Problems and prospects of sovereignty of young states (on the example of Abkhazia and South Ossetia)*. Vladikavkaz: Gorsk State Agrarian University Press; 2019. 256 p. (In Russ.).

Информация об авторах

П.А. Кузьминов – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова; ведущий научный сотрудник, Научно-инновационный центр «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН.

А.А. Журтова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова; старший научный сотрудник, Научно-инновационный центр «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН.

Information about the authors

P.A. Kuzminov – Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History of Russia, Berbekov Kabardino-Balkarian State University; Leading Researcher, Scientific and Innovative Center “Natural Scientific Methods in Archeology, Anthropology and Archeography”, KBSC RAS.

A.A. Zhurtova – Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism, Berbekov Kabardino-Balkarian State University; Senior Researcher, Scientific and Innovative Center “Natural Scientific Methods in Archeology, Anthropology and Archeography”, KBSC RAS.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2023-1-109-112

**Бгажноков Б. Х. Отрицание зла в адыгских тостах.
Нальчик: Изд. центр КБГИИ, 2010. 118 с.**

Мурат Анатольевич Хоконов^{1✉}, Роман Петрович Лиссев²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ mhokonov@gmail.com ✉

² romalis@mail.ru

Для цитирования: Хоконов М.А., Лиссев Р.П. – Бгажноков Б. Х. Отрицание зла в адыгских тостах. Нальчик: Изд. центр КБГИИ, 2010. 118 с. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 109–112.

Book Review

**Bgazhnokov B. H. Denial of Evil in Adyg Toasts.
Nalchik: Publishing House of the KBGI; 2010. 118 p.**

Murat A. Khokonov^{1✉}, Roman P. Lissev²

¹ Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹ mhokonov@gmail.com ✉

² romalis@mail.ru

For citation: Khokonov M.A., Lissev R.P. – Bgazhnokov B. H. Denial of Evil in Adyg Toasts. Nalchik: Publishing House of the KBGI; 2010. 118 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(1):109-112. (In Russ.).

Монография Б.Х. Бгажнокова посвящена комплексному анализу различных форм этнокультурного отрицания морально-этической категории «зло» в черкесском фольклоре, а именно – в культуре черкесских хъуэхъу – тостов. Она состоит из пяти глав, в которых последовательно развиваются основные идеи и делаются научные обобщения. Монография прежде всего примечательна своей оригинальной постановкой проблематики и теоретико-методологической глубиной охвата различных аспектов предметного поля. В ней впервые на основе применения к исследуемым феноменам аксиологического, этнографического, культурологического подходов дается парадигмальное описание черкесских тостов.

Тосты в черкесской этнокультурной системе – это целый пласт ценностных феноменов, систематическое исследование которых позволяет вскрыть сущность и содержание важных компонентов этноменталитета черкесов. В первой главе Б.Х. Бгажноков оценивает черкесские тосты как некий поэтический универсум, в котором охватывается множество социальных, мировоззренческих, военно-политических, бытовых вопросов человека: «Мир адыгских тостов – это ярко выраженный поэтический мир, в котором люди хотят жить, с которым связаны их сокровенные мечты и желания. Он открывается перед нами, людьми XX столетия, благодаря произведениям, которые формировались и оттачивались на протяжении веков» (с. 11). Отрицание зла как некоего собирательного мифопоэтического, фольклорного концепта всего разрушительного, регрессивного в черкесских тостах фигурирует как проклятие, обладающее самостоятельным художественно-эстетическим и этическим значением.

© Хоконов М.А., Лиссев Р.П., 2023

В третьей части первой главы Бгажноковым рассматриваются основные вехи изучения черкесских тостов, впервые системно анализируются научные произведения отдельных авторов, ставшие вкладом в общий опыт научных подходов к духовной культуре черкесов. Среди них – исследование М.И. Мижаева «Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов». Оно содержит обстоятельный анализ аграрных и свадебных хохов – тостов. Впервые в научной литературе выделяется жанр здравиц, дополняющих ритуальные проклятия с краткой характеристикой их специфики. Дальнейшие разработки представленных в этой монографии теоретических обобщений проведены в трудах таких известных фольклористов, как А.Т. Шортанов, А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев, З.М. Налоев. Хочется отметить, что первые крупные собиратели черкесского фольклора З.П. Кардангушев и З.М. Налоев оказали серьезное влияние на становление творческой биографии и научных взглядов Бгажнокова.

Автором собран значительный эмпирический материал по исследуемой проблематике, проведен глубокий историографический анализ научной традиции по изучению черкесских тостов.

Во второй главе монографии подробно раскрываются жанровые особенности застольных тостов-проклятий, отмечаются принципиальные различия в интенции, мотивации, эмоциональном настрое. Вместе с тем автором тонко подмечаются гендерные особенности в использовании проклятий, а именно то, что бытовые проклятия являются прерогативой женского пола, а мужчинам в соответствии с традиционными нормами речевого поведения категорически запрещается использовать такие послания. Но тем не менее во время застольной брани это табу с мужчин снимается и в качестве дополнения к тостам разрешается произнесение ритуальных проклятий.

Тосты неразрывно связаны с сакральной сферой духовной культуры, представляя собой, как можно полагать, некий уникальный способ духовно-практической партиципации с божественным миром, душами предков, великих героев, формируя онтологическое единство индивида, группы со всеми темпоральными измерениями традиционного миропонимания.

Разграничивая в них этическое и сакральное, исследователь в третьей главе вычленяет из общей семантики здравиц-хохов малоизученный факт мистического соотношения речевого логоса и зла. Речь идет о диалектике личностного, жизнеутверждающего, творческого начала и зла, в которых человек, перманентно противостоя хаосу, разрушению, раскрывает свою самость, испытывает свой духовно-креативный потенциал. Таким образом, зло само по себе мыслится не с абсолютистской точки зрения его неприятия как нечто однозначно негативного, а как некое порождение закономерности космического и социального бытия.

В этом контексте размышлений ученый приближается к диалектическому учению Гераклита с его пониманием Хаоса как главного принципа мира, его закона (Логоса). Согласно Гераклиту, высший закон всего заключается в том, чтобы все было хаотичным, а закон при этом – нечто упорядоченное, стабильное. Высшая упорядоченность мира – всеобщая беспорядочность, или хаотичность [1, с. 62]. Автор интерпретирует содержание тостов, в которых произносится отрицание зла, используя научные идеи игровой концепции Й. Хейзинга. Черкесское традиционное застолье в представлении Бгажнокова – это некий игровой топос, в котором роли, коммуникативные функции распределены по возрастному критерию.

Однако само коммуникативное подпространство такой игры многоуровневое и отличается своей непрерывной агонистичностью, т. е. характеризуется перманентным соревновательным духом его участников в знании поэтического, риторического потенциала языка, знаний традиций, обрядности. В этом, если выразится языком У. Шекспира, театральном игровом мире есть свои соперники, завистники, враги и друзья и многие другие персонажи. Автор особо выделяет фигуру завистника в тостах, и, что очень интересно, табуизацию его имени, заменяя метонимиями: Джэдыгу хужь – «Белая дубленка», Тхьэк1умэшхуэ – «Длинные уши», Щхьэ бзу – «Птичья голова». Таким образом он подводит нас к мысли о том, что нарратив черкесских тостов пронизывает мифология зависти.

В рецензируемой работе автор с позиции системного этнографического и философско-культурологического дискурса рассматривает проблему неантизации, отрицания зла в архитектонике черкесских тостов. Они обнаруживают некую бинарную природу, и в них зло отрицается, отчуждается путем введения комического в вербально-артикулированный контекст пожела-

ний. Это весьма точное замечание, которое переносит исследовательский акцент с чисто этнографической плоскости на эстетическое осмысление культурной семантики тостов. Если исходить из авторского концептуального подхода, художественно-эстетическая атрибутика черкесских тостов требует специального аксиологического анализа, призванного в перспективе эксплицировать их многоуровневую коммуникативную конституцию. Не только добро, справедливость, мужество традиционно противопоставляются злу в тостах. По мнению автора, уважение к застольному этикету, его традиционному коммуникативному пространству, стремление к совершенствованию своих знаний норм и законов Хабзэ – черкесской этнофилософской доктрины – вот еще одна грань смысла жизни черкеса традиционного социума, его главная культурная сила отрицания зла.

Работа имеет большую научно-теоретическую и познавательную значимость в осмыслении взаимосвязи этического, эстетического, этноаксиологического в адыгских тостах. В черкесских здравицах, как это можно увидеть в четвертой главе, отражается сложнейшая психологическая коллизия человеческого существования, развертывающаяся в традиционном социальном пространстве и выявляющая отношение человека к таким фундаментальным, противоположным философско-этическим категориям, как жизнь и смерть, добродетель и зависть, вражда и мир. Бгажноков дает еще дефиницию черкесских тостов как форм системного отрицания зависти и зла. Они характеризуются в тостах как общая разрушительная сила и, по мнению автора, именно их отрицание должно стать в поэтической архитектонике тостов творческим актом, как бы регенерирующим ткань морального сознания человека. В качестве этнографического примера отрицания автор приводит в своей книге предложение из одного тоста «Ар апхуэдэу щымыгтащэрэт жызылэnum» – «Тот, кто осмелится сказать, да не сбудется то зло, что он выскажет». Зло здесь отрицается изощренно, с комическим элементом через инвективу.

Автор проделал большую работу не только по этнопсихологическому, но и по эстетическому изучению черкесских тостов, что можно увидеть в пятой главе на примере скрупулезного анализа категории комичного в порицании зла, зависти. На основе диалектического понимания фольклорной картины мира Бгажноков отмечает необходимость присутствия в тостах носителей зла как участников социальной синергии. Они комичны по сути, и в сатирических проклятиях тостов часто появляются снисходительные концовки: «Яллыхь, ари гъэ минкIэ игъэпсэу – «О, Аллах, так пусть и он, враг, с нами тысячи лет проживет».

Особая ценность научного произведения проявляется еще в том, что в него включен уникальный фольклорный материал как приложение, состоящее из очень интересных в содержательном отношении текстов хохов. Основываясь на рефлексиях Бгажнокова, можно утверждать, что тосты укоренены в этноисторическом сознании и народы, живущие на различных континентах земного шара, не имевшие этнокультурных контактов между собой, создали инвариантные по идейной направленности, но во многом уникальные по своему философско-эстетическому, этическому содержанию тосты. В условиях духовного кризиса, потери многих маркеров и факторов этнокультурной идентичности, традиционных знаний подобные исследования особо актуальны и важны в сохранении культурно-исторического наследия черкесов, укреплении историко-культурной преемственности поколений.

Таким образом, автор рассмотрел актуальные проблемы, которые не были освещены в научной литературе. На наш взгляд, Б.Х. Бгажноков в таком сравнительно небольшом по объему труде максимально точно определил важнейшие концептуальные проблемы междисциплинарного постижения черкесских тостов, которые требуют дальнейшего теоретического исследования.

Монография содержит эвристические идеи относительно малоизученных проблем черкесского культурогенеза и может быть использована при чтении специальных курсов по истории фольклора народов Северного Кавказа, истории этики, истории мировой и отечественной культуры, теоретической культурологии.

Список источников

1. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.

References

1. Lebedev A.V. *The Logos of Heraclitus. Reconstruction of thought and words (with a new critical edition of fragments)*. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2014. 533 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.А. Хоконов – кандидат философских наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики.

Р.П. Лисев – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений.

Information about the authors

M.A. Khokonov – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism.

R.P. Lissev – Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations.

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 27.03.2023. Выход в свет 31.03.2023.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 12,8. Уч.-изд. л. 11,75 Тираж 250 экз. Заказ № 8974

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print March 27, 2023. Publication March 31, 2023.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 12.8. Publ. sign. 11.75. Edition 250 copies. Order number 8974

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2023-1.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2023. № 1